

Санкт-Петербургский государственный университет

Степанов Игорь Николаевич

Выпускная квалификационная работа

Особенности исторических взглядов Аппиана Александрийского

Уровень образования: аспирантура

Направление 46.06.01 «Исторические науки и археология»

Основная образовательная программа МК.3048.2019 «История»

Научный руководитель:

д.и.н., профессор

кафедры истории древней Греции и Рима СПбГУ

О. В. Кулишова

Рецензент:

д.и.н., профессор

кафедры истории Древнего мира РГГУ

А. М. Сморгков

Санкт-Петербург

2022

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА I. АППИАНА В ОЦЕНКАХ СОВРЕМЕННЫХ ИСТОРИКОВ	6
ГЛАВА II. «ГРАЖДАНСКИЕ ВОЙНЫ» АППИАНА АЛЕКСАНДРИЙСКОГО: МЕЖДУ РЕЛИГИОЗНОСТЬЮ И РАЦИОНАЛИЗМОМ	24
2.1. Боги как фактор истории гражданских войн.....	24
2.2. Земля как постоянный мотив повествования «Гражданских войн» .	38
ГЛАВА III. РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ В ИСТОРИИ АППИАНА..	53
3.1. Народ как действующее начало в «Гражданских войнах»	53
3.2. Аристократия как хранитель римского государства в повествовании Аппиана.....	64
3.3. Личность как противостоящая общине сила в труде Аппиана.	72
3.4. Войско как важнейший фактор «Гражданских войн»	79
ГЛАВА IV. ПОНЯТИЕ ЗАКОНА И ЗАКОННОСТИ В ТРУДЕ АППИАНА ..	93
4.1. Внешняя сторона законности у Аппиана.	93
4.2. Закон в качестве орудия политической борьбы в труде Аппиана	99
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	110
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	115

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Античная история дошла до нас преимущественно в правильном повествовании древних историков, ввиду чего проблема их мировоззрения представляется одной из важнейших для науки о древности, что подтверждает неослабеваемое стремление современных историков и филологов к данной теме. Аппиан Александрийский представляет собой в этом плане особый интерес, поскольку является одним из немногих авторов, описывающих наиболее значимый период римской истории — эпоху гражданских войн. Актуальность темы заключается в возможности лучшего понимания методов работы древних историков, способов преобразования и интерпретации ими своих источников.

Объектом исследования является античная историография.

Предмет исследования — особенности историописания в «Гражданских войнах» Аппиана.

Цель работы — проанализировать принципы конструирования истории эпохи гражданских войн в труде Аппиана.

Исследовательские задачи:

1. Выяснить образ Аппиана в историографии.
2. Рассмотреть соотношение религиозности и материализма в мировоззрении Аппиана.
3. Проанализировать образ основных социальных факторов исторического развития в сочинении Аппиана.
4. Определить понятие закона и беззакония в его повествовании.

Хронологические рамки исследования обусловлены источниковой базой исследования. В соответствии с ней внимание уделяется временному периоду с I в. до н.э. по II в. н.э.

Методологическая база исследования включает в себя устоявшуюся в классической филологии методологию, в наиболее полном виде выраженную

в труде Фридриха Вильгельма Бласса «Герменевтика и критика»¹. Согласно ей к текстам применялся герменевтический анализ, т.е. словесная, историческая и техническая интерпретация, и критический анализ, т.е. техническая и рецензирующая критика. Кроме того, в работе применяется и историко-сравнительный метод.

Научная новизна исследования состоит в попытке по-новому взглянуть на уже поднимавшиеся ранее вопросы: более полно проанализировать, к примеру, роль некоторых социальных сил в повествовании Аппиана (народ, аристократия, армия), отношение автора к вопросу законодательства, земельному вопросу, к религии и т.д.

Источниковая база исследования, помимо самих «Гражданских войн» Аппиана, включает в себя труды античных историков I в. до н.э. – V в. н.э., затрагивающих сходную эпоху в истории Рима: «От основания Города» Тита Ливия, соответствующие биографии из «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха, «Девять книг достопамятных деяний и изречений» Валерия Максима, «Югуртинскую войну» Гая Саллюстия Криспа, «Римскую историю» Веллея Патеркула, «Римскую историю» Диона Кассия, «Историю против язычников» Павла Орозия.

Степень изученности темы и проблематики исследования. «Римская история» Аппиана заинтересовала историков тогда, когда они обратились к античности в целом. Уже в трудах исследователей эпохи Возрождения можно встретить дельные, хотя и излишне критичные суждения, ярким примером чего служит Жозеф Скалигер, крайне негативно высказывающийся о нашем авторе². Это гиперкритическое отношение к Аппиану продолжается и далее в трудах ученых XVII–XVIII веков, к примеру, у Иоганна Фабриция³, Герарда

¹ Бласс Ф. В. Герменевтика и критика. Искусство понимания произведений классической древности и их литературная оценка. Пер. с нем. М., 2016.

² Scaliger J. Animadversiones in chronologica Eusebii. Editio tertia. Leiden, 1606. P. 212.

³ Fabricius J. A. Bibliotheca Graeca, sive notitia scriptorum veterum graecorum. Editio tertia. Namurg, 1711. P. 398.

Фосса⁴, Каспара Барта⁵. На данном этапе личность самого историка авторов почти не интересовала, пристальное внимание они уделяли лишь содержанию его труда и многочисленным фактическим ошибкам у Аппиана.

Такое положение вопроса продолжалось вплоть до конца XVIII века, когда в свет вышла работа Иоганна Швайгхойзера, положившая начало изучению не только содержания, но и личности автора, метода его работы⁶. Вслед за этой книгой историография вопроса разделяется на два течения, первое из которых, используя новые методы, опираясь на всестороннее исследование автора, продолжает крайне критически относиться к Аппиану, среди них можно выделить Йорга Эссперсена⁷, Эммануэля Ханнака⁸. Второе этих позиций не разделяет и признает значительную самостоятельность автора, ярким представителем данного течения является И. Вийне⁹, к этому течению принадлежит вся марксистская историография (Иштван Хан¹⁰, О. И. Севастьянова¹¹) и почти вся современная (Эмилио Габба¹², Кай Бродерсен¹³, Грегори Бахер¹⁴). Более подробно взгляды этих ученых изложены в соответствующей главе.

Структура. Работа состоит из введения, четырех глав, заключения и списка источников и литературы.

⁴ Vossius G. I. De historicis graecis libri quattuor. Lugdunum batavorum, 1624. P. 182.

⁵ Barth C. von. Amphitheatrum Sapientiae, quae ex libris hauriri potest: cuius decem libri puris cholambis scripti nunc primum prodeunt. Hanau, 1613. P. 172.

⁶ Schweighaeuser J. Exercitationes in Appiani Alexandrini Romanas Historias. Argentoratum, 1781. P. 9–11.

⁷ Esspersen J. C. De excerptis et fragmentis aliquot Appiani commentatio critica et historica, ad rationem, quae ei cum Dionysio Hallicarnassensi intercedit, explicandam praecipue accommodata. Kjobenhavn, 1851. P. 9.

⁸ Hannak E. Appianus und seine Quellen. Allgemeines über Appianus und sein Werk. Die fragmentarisch überlieferten Bücher. Wien, 1869. S. 29.

⁹ Wijne I. A. De fide et auctoritate Appiani in bellis romanorum civilibus enarrandis exploratis fontibus, quibus usus esse videtur. Groningae, 1855. P. 85.

¹⁰ Можно ли ее отнести к данному разделу? Поскольку она написана на русском языке, опубликована в виднейшем советском историческом журнале, а также находится под влиянием марксизма, я упоминаю ее здесь.

¹¹ Севастьянова О. И. Аппиан и его история // Вестник древней истории. 1950. № 2. С. 258.

¹² Gabba E. Appiano e la storia delle guerre civili. Firenze, 1956.

¹³ Brodersen K. Appian und sein Werk // Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt. T. II. Bd. 34, 1. Berlin; New York, 1993. S. 341–361.

¹⁴ Bucher G. S. The Origins, Program, and Composition of Appian's Roman History // Transactions of the American Philological Association. 2000. Vol. 130. P. 414.

ГЛАВА I. АППИАНА В ОЦЕНКАХ СОВРЕМЕННЫХ ИСТОРИКОВ

Аппиан Александрийский является одним из тех древних авторов, взаимоотношения которых с научным сообществом складывались достаточно сложным образом, ввиду чего важным кажется представить историографию вопроса в наиболее полном виде, проследить изменение образа нашего автора в трудах историков.

Первое найденное мною научное суждение об Аппиане принадлежит Жозефу Скалигеру. В своем труде «Наблюдения о хронологии Евсевия» он не стесняется в выражениях касательно надежности и ценности Аппиана, к примеру, он пишет: «Обязательно посмотри XI книгу Гражданских войн, где Аппиан лепечет об Эпидамне»¹⁵, «смешно, что пишет Аппиан в книге сирийских дел»¹⁶, «таким образом мы застали врасплох ошибающегося Аппиана»¹⁷, «если не добавить это, то следует признать, что Аппиан был ребенком в истории»¹⁸. Такие выражения знаменитого филолога вполне объясняются точкой зрения его на Аппиана: Скалигер в данном случае не оценивает стиль и своеобразие автора, он воспринимает Александрийца как равного себе историка, который должен был добросовестно передавать все известные ему факты. Поскольку же Аппиан во многих местах своего труда совершает подчас грубые ошибки, то неудивительно, что Скалигер так критикует его.

Любопытно отметить, что точка зрения Скалигера, хотя она и являлась побочным продуктом основной темы, надолго прижилась в научном сообществе, ибо основная масса трудов, посвященных Александрийцу, так или иначе, ее восприняла. К примеру, Иоганн Альберт Фабриций в своей «Греческой библиотеке», рассуждая о посредственности Аппиана, приводит цитату Скалигера из вышеупомянутой работы: «Много такого рода

¹⁵ Scaliger J. Animadversiones in chronologica Eusebii. Editio tertia. Leiden, 1606. P. 84.

¹⁶ Ibid. P. 122.

¹⁷ Ibid. P. 168.

¹⁸ Ibid. P. 212.

баснословного приплетено в той книге Аппиана, что может быть известным [даже] посредственно образованному»¹⁹. К мнению Скалигера Фабриций добавляет и указание на то, что в Парфянской книге Аппиана можно найти множество заимствований из биографии Красса, написанной Плутархом, и тут же Фабриций приводит стихотворную характеристику, данную Аппиану известным немецким филологом Каспаром фон Бартом в его «Амфитеатре мудрости»²⁰:

«Ты желаешь читать, осторожно я напомним, ненадежного автора,
Воровал он многократно многие слова Плутарха».

Ту же точку зрения имеет и Герард Фосс, который в своих «Четырех книгах греческих историков», также ссылаясь на Скалигера, дает яркое определение Александрийца: «*fucus laborum alienorum*» (трутень чужих трудов)²¹.

Подобное пренебрежительное отношение к нашему автору сохранялось вплоть до выхода в 1781 году «Экзерциций в Римской истории Аппиана» Иоганна Швайгхойзера. В наиболее полном на тот момент труде об авторе филолог попытался дать всесторонний обзор его труда, при этом проникает много глубже, чем его предшественники. К примеру, в его монографии есть глава, посвященная историческому методу Аппиана, где он выявляет подлинное своеобразие труда автора. Как он совершенно верно замечает, Аппиан действительно многое заимствует у своих предшественников, но ведь он при этом совершенно иначе распределяет почерпнутый у них материал. Аппиан пишет не летопись, не анналы, а распределяет сведения по народам, которых покоряли римляне. Таким образом, Аппиан просто желает в более удобной, как ему казалось, форме обозреть процесс роста могущества римского государства, но при этом и ему не удалось полностью отказаться от

¹⁹ Fabricius J. A. Bibliotheca Graeca, sive notitia scriptorum veterum graecorum. Editio tertia. Namurg, 1711. P. 398.

²⁰ Barth C. von. Amphitheatrum Sapientiae, quae ex libris hauriri potest: cuius decem libri puris cholambis scripti nunc primum prodeunt. Hanau, 1613. P. 172.

²¹ Vossius G. I. De historicis graecis libri quattuor. Lugdunum batavorum, 1624. P. 182.

анналистического повествования, проявляющегося ярче всего в ранней римской истории и в истории Гражданских войн²².

Поскольку этот труд явился подготовкой к полному изданию всего сохранившегося наследия Аппиана, то Иоганн Швайгхойзер впервые проводит достаточно полное разыскание его традиции. Он устанавливает его исходный объем²³, собирает сведения обо всех эксцерптах, встречающихся у других авторов²⁴, после чего переходит к обозрению всего сохранившегося²⁵. При этом он снимает одну из главных претензий ранних авторов к Аппиану – вопрос о Парфянской книге. Иоганн Фабриций²⁶ и Герард Фосс²⁷ именно ее приводили в доказательство того, что Аппиан является просто компилятором других авторов, поскольку она, говоря условно, являлась компиляцией из биографии Красса у Плутарха и других авторов. Швайгхойзер доказывает, что столь грубая и неуклюжая компиляция не может быть плодом рук Аппиана²⁸. При этом отмечает, что заблуждение касательно этой книги с подачи авторитетного первого издателя Аппиана Генриха Стефания проникло во всю литературу по данному вопросу.

Любопытно отметить, что научное сообщество, как представляется, не сразу ответило на издание Аппиана и монографию Швайгхойзера, поскольку настоящий интерес к трудам римского историка проявился лишь во второй половине XIX столетия. Именно в это время появляются работы, посвященные всестороннему исследованию историка. Наибольший интерес из них вызывают работы, посвященные источниковедению Аппиана, среди которых предлагаю подробнее остановиться на трудах Эммануэля Ханнака и Йорга Эсперсена.

²² Schweighaeuser J. Exercitationes in Appiani Alexandrini Romanas Historias. Argentoratum, 1781. P. 9–11.

²³ Ibid. P. 12.

²⁴ Ibid. P. 26.

²⁵ Ibid. P. 38.

²⁶ Fabricius J. A. Bibliotheca Graeca, sive notitia scriptorum veterum graecorum. Editio tertia. Namurg, 1711. P. 398.

²⁷ Vossius G.I. De historicis graecis libri quattuor. Lugdunum batavorum, 1624. P. 181.

²⁸ Schweighaeuser J. Exercitationes in Appiani Alexandrini Romanas Historias. Argentoratum, 1781. P. 50–51.

Й. Эссперсен выделяет основным источником Аппиана Дионисия Галликранасского, отмечая при этом, что именно этот автор должен был постоянно находится под рукой Александрийца, что, однако, не говорит о полной зависимости²⁹. Но при этом датский историк не ожидает многого в плане источниковой базы от Аппиана, обосновывая это методом работы последнего, к примеру, как пишет Эссперсен, в повествовании о заговоре Катилины Александриец полностью зависим от Саллюстия, которого, к тому же, еще и во многих местах неправильно понимает³⁰. Любопытно отметить, с каким пренебрежительным недоумением говорит историк о том, что Аппиан не использовал Цицерона и Плутарха в данном эпизоде. Относительно же использования Дионисия Эссперсен пишет следующее: «теперь переставил, теперь изменил, теперь перефразировал; наконец, все рассказанное более обстоятельно наш автор низвел в немногое», «ему редко приходила на ум мысль использовать другие источники»³¹, «Ты согласишься, что в делах, совершенных Гаем Марцием Кориоланом, Аппиан во всем является компилятором Дионисия; хотя наш автор старается придать новый вид тем местам, которые он заимствовал, измененными и перефразированными словами»³². Вообще можно заметить чрезвычайное презрение к Аппиану, ибо датский филолог называет его не иначе, как «*compiler Dionysii*»³³.

Эссперсен указывает на многочисленные ошибки в тексте, которые объясняет тем, что наш автор «тут и там он писал по памяти»³⁴, к примеру, он пишет, что Аппиан в «Италике» (*App. Ital. V, 3*) назвал Валерию, сестру Публиколы, его дочерью.

²⁹ Esspersen J.C. De excerptis et fragmentis aliquot Appiani commentatio critica et historica, ad rationem, quae ei cum Dionysio Hallicarnassensi intercedit, explicandam praecipue accommodata. Kjobenhavn, 1851. P. 6.

³⁰ Ibid. P. 8.

³¹ Ibid. P. 9.

³² Ibid. P. 38.

³³ Ibid. P. 58.

³⁴ Ibid. P. 13.

Среди других источников Эссперсен называет Ливия, но только для «древних времен царства»³⁵, Полибия – для Сирийских дел. Распространенное же мнение об использовании Аппианом Кассия Гемины (или Клавдия Квадригария) он отвергает, объясняя тем, что между ним и Александрийцем были посредники в лице Полибия, Дионисия или Ливия³⁶.

Не отрицая использования Аппианом Дионисия, ибо это очевидно, я все же отмечу, что Эссперсен в качестве доказательства зависимости приводит некоторые места, им самим достаточно сильно преобразованные, зависимость которых кажется очень слабой и может объясняться одинаковым предметом речи³⁷.

Подобное мнение о характере работы Аппиана высказывает Эмануэль Ханнак. Он пишет, что наш автор, полностью разделяя предпочтения современной ему историографии, не перерабатывает полученный материал, но рабски следует ему³⁸. Доктор Ханнак допускает самостоятельность Александрийца только в речах³⁹. Он выдвигает вполне логичную мысль, что Аппиан, как правило, имел под рукой свой основной источник, который он иногда дополняет сведениями из других⁴⁰. Отмечу, что подобный метод работы в историографии приписывается и Плутарху⁴¹, но там нет столь уничижительного мнения относительно его самостоятельности.

Замечу при этом относительно работ подобных исследованиям Эссперсена и Ханнака, что они во многом противоречат себе. К примеру, Ханнак пишет, что Аппиан часто пропускает подробности, которые у других описываются со всевозможными риторическими деталями, но при этом он добросовестно учитывает основные детали и воспроизводит их почти

³⁵ Esspersen J. C. De excerptis et fragmentis aliquot Appiani... P. 18.

³⁶ Ibid. P. 19.

³⁷ Ibid. P. 46.

³⁸ Hannak E. Appianus und seine Quellen. Allgemeines über Appianus und sein Werk. Die fragmentarisch überlieferten Bücher. Wien, 1869. S. 29.

³⁹ Ibid. S. 35.

⁴⁰ Ibid. S. 40.

⁴¹ Pelling C. B. R. Plutarch's Method of Work in the Roman Lives // The Journal of Hellenic Studies. 1979. Vol. 99. P. 74, 87.

словами своего источника⁴². В качестве примера он приводит эпизод с сенатским посольством Кориолану, источником которого был Дионисий, где Аппиан сохранил мотив невинности перед Кориоланом Сената:

App. Ital. V.	D.H. VIII, 25, 4
Μαρκίῳ μετὰ Οὐολούσκων ἀκροωμένῳ προύτειναν ἀμνηστίαν καὶ κάθοδον , εἰ καταλύσει τὸν πόλεμον , τῆς τε βουλῆς αὐτὸν ὑπεμίμησκον ὡς οὐχ ἁμαρτούσης ἐς αὐτόν.	ὑπάρχει δέ σοι νῦν ἀπάντων κράτιστα καταλύσασθαι τὸν πόλεμον : ἢ τε γὰρ βουλή πᾶσα ὄρμηται τὴν κάθοδον ψηφίσασθαί σοι

Как видим, в данном примере действительно есть лексические совпадения, но он же показывает, сколь сильно перерабатывал свой материал Аппиан. Зачастую, подвергая источник радикальному сокращению, Александриец, должен был приложить значительные усилия, чтобы вычленил из речи основную мысль и передать ее авторским текстом.

У Аппиана был четкий план своей работы, для которой он искал необходимые источники, для каждой части выбирал магистральный источник, который мог дополнять данными других. Но как раз этот план, необычная структура труда вынуждали автора коренным образом переписывать свой источник. Нельзя согласиться с мнением Эссперсена о том, что наш автор умышленно старается перефразировать свой источник⁴³. Зачем? Тем более, что во многих местах он этого не делает. К примеру, еще первый издатель Аппиана Иоанн Швайгхойзер заметил, что многие места его труда поразительно совпадают с некоторыми отрывками из Плутарха⁴⁴, это замечание позже очень удачно использовал Пауль Байлой⁴⁵. Приведу пример:

App. BC 2.10.67	Plut. Caes. 41.1
βασιλέα τε βασιλέων καὶ Ἀγαμέμνονα καλοῦντων	παρώξυνον Ἀγαμέμνονα καὶ βασιλέα βασιλέων ἀποκαλοῦντες

⁴² Hannak E. Appianus und seine Quellen. S. 33.

⁴³ Esspersen J. C. De excerptis et fragmentis aliquot Appiani... P. 38.

⁴⁴ Schweighaeuser J. Exercitationes in Appiani Alexandrini Romanas Historias. Argentoratum, 1781. P. 77.

⁴⁵ Baillet P. Quomodo Appianus in bellorum civilium libris II–V usus sit Asinii Pollionis historiis. Dissertatio inauguralis. Gottinga, 1874. P. 16. Хотя отмечу, что Пауль Байлой сам следует мысли о компилятивном характере труда Аппиана, поскольку основным посылом его работы является то, что Аппиан в четырех последних книгах своих Гражданских войн приводит эксерпт из Азиния Поллиона.

Очевидное сходство. Я не буду вдаваться в вопрос, использовал ли Аппиан Плутарха или Азиния Поллиона в данном месте. Важен сам факт того, что наш автор вполне мог почти цитировать свой источник.

В предисловии к своему изданию Аппиана Фердинанд Диллениус со ссылкой на Фридриха Шлоссера называет около пятнадцати источников труда нашего автора, среди которых можно отметить Клавдия Квадригария, Кассия Гемину, Фабия Пиктора, Полибия и др.⁴⁶ К большому сожалению, найти работу Шлоссера мне не удалось, поэтому я не могу высказать свое мнение о ней, хотя список источников удивляет своей подробностью.

Подробнейший анализ источниковой базы Аппиана был сделан Эдуардом Шварцем в его статье для энциклопедии Паули-Виссова, при этом он не пытался найти некий универсальный источник, но исходил из их возможного многообразия⁴⁷, хотя и признает, что многие из авторов могли быть известны Александрийцу через некоего посредника⁴⁸.

Кажется, что в полной мере оценили самостоятельность труда Аппиана советские историки, к примеру, О. И. Севастьянова пишет, что наш автор, используя данные многочисленных источников, творчески преобразовывал их⁴⁹. Конечно, статья носит общий характер, в ней не содержится анализа собственно текста Аппиана, но с положением исследователя трудно не согласиться. Действительно, «перепарафразирование» материала означает интерпретацию, т.е. толкование его. Используя отличные от своих источников обороты и лексику, сокращая некоторые места, другие же излагая более обстоятельно, Аппиан не мог не проявить своего видения римской истории. Помимо этого стоит помнить о необычной структуре труда. Сам автор в своем предисловии указывает, что он преобразовывает другие труды для большего удобства своего и читателя (App. proem. 12), что говорит о

⁴⁶ Appian's von Alexandrien Römische Geschichten, übersetzt von Ferdinand L. I. Dillenius. Erste Abtheilung. Stuttgart, 1850. S. 15–17.

⁴⁷ Schwarz E. Appianus 2 // RE. Bd II, 1. Stuttgart, 1895. S. 217.

⁴⁸ Ibid. S. 221.

⁴⁹ Севастьянова О. И. Аппиан и его история. С. 258.

коренном отличии его работы от предшественников и об осознании автором этого отличия. К этому следует присовокупить замечательные результаты, которые получил Артур Зердик при сравнении текста Аппиана и Геродота, и которые позволили ему так озаглавить первую главу своей диссертации: «De Appiano Herodoti imitatore»⁵⁰. Приведу следующий пример совпадения:

App. BC 2.16.116	Hdt. 1.8.2
ἐσῆει τῶν ἱερῶν καταφρονήσας: χρῆν γὰρ ἂ ἐχρῆν Καίσαρι γενέσθαι.	χρόνου δὲ οὐ πολλοῦ διελθόντος (χρῆν γὰρ Κανδαύλη γενέσθαι κακῶς) ἔλεγε

И таких заимствований достаточно много, но это говорит в пользу самостоятельной теоретической подготовки историка. Аппиан сознательно избрал образец для своей работы, он сознательно применял его обороты при обработке добытого у других авторов материала.

Любопытно рядом с этими работами бросить взгляд на диссертацию Ц.Х. Хинца «К оценке Аппиана и Плутарха в представлении событий от убийства Цезаря вплоть до смерти Марка Брута» 1891 года, в которой автор опровергает широко распространенное со времен Иоганна Фабриция⁵¹ мнение, что Аппиан значительную часть своей работы заимствовал у Плутарха. Хинц вслед за Вихманном предполагает (правда, именно при описании указанных событий) не зависимость одного автора от другого, а наличие у них некоего общего источника, которым могли стать «Истории гражданских войн» Гая Азиния Поллиона, либо его греческая переработка⁵², что говорит о самостоятельности Аппиана.

Показателен взгляд И. А. Вийне на источниковедение Аппиана: «Какую заботу проявил при отыскании истины событий, с каким благоразумием оценивал надежность отдельных писателей, сам доказал этими словами:

⁵⁰ Zerdik A. Quaestiones Appianeae. Dissertatio inauguralis. Kiliae, 1886. P. 1. В качестве доказательства использования Геродота Зердик приводит то, что Аппиан использует многие слова и формы ионического диалекта: Ibid. P. 26.

⁵¹ Fabricius J. A. Bibliotheca Graeca, sive notitia scriptorum veterum graecorum. Editio tertia. Namurg, 1711. P. 398.

⁵² Hinz C. H. Zur Beurteilung Appians und Plutarchs in der Darstellung der Ereignisse von der Ermordung Casars bis zum Tode M. Brutus. Jena, 1891. S. 63.

«многие писатели дают об этом сомнительные сообщения, я же предпочитаю следовать за теми римскими писателями, которые дают наиболее достоверные сведения» (App. В.С. II, 70)», помимо этого Вийне вообще обращает внимание на рассыпанные по тексту рассуждения Аппиана о достоверности своих источников⁵³. При этом Вийне признает, что наш автор весьма часто допускает ошибки в географии и хронологии, за что его критиковал еще Скалигер, но, как верно замечает ученый, эти данные не казались Аппиану столь важными, как он сам и говорит во введении к своей «Римской истории» (App. Praef. 13)⁵⁴.

Также не следует забывать о биографии Аппиана, который занимал достойное положение в Империи и пользовался всеми благами мира, который обеспечили Антонины. Отражением этого может служить то, что он посвятил пять книг своего труда описанию ужасов Гражданских войн, в тексте которых можем найти и выраженный назидательный элемент, к примеру, наш автор пишет: «поразительные примеры любви жен к мужьям, преданности детей к родителям и — вопреки природе вещей — рабов к господам имели тут место. Наиболее удивительные из них я опишу» (App. В.С. IV, 36, пер. Е. Г. Кагарова)⁵⁵. Через подобные места Аппиан достигает две цели: показывает выгоды современного ему времени и преподает моральные уроки посредством примеров.

Языковые особенности. Плохая сохранность текстов Аппиана, необходимость многочисленных конъектур обусловили появление работ, посвященных языковой стилистике трудов нашего автора. Среди них можно назвать диссертацию Годофредо Кратта «О слоге Аппиана»⁵⁶ 1886 года, в которой он рассматривает грамматические особенности труда Аппиана, а

⁵³ Wijne I. A. De fide et auctoritate Appiani in bellis romanorum civilibus enarrandis exploratis fontibus, quibus usus esse videtur. Groningae, 1855. P. 85.

⁵⁴ Ibid. P. 96.

⁵⁵ App. В.С. IV, 36: φιλανδρίαί τε παράδοξοι γυναικῶν ὄφθησαν καὶ παίδων ἐς πατέρας εὐνοιαὶ καὶ θεράποντων ὑπὲρ φύσιν ἐς δεσπότας. καὶ τῶνδε ὅσα παραδοξότατα, ἀναγράψω.

⁵⁶ Kratt G. De Appiani elocutione. Baden-Baden, 1886.

также работу Карла Лоеша «Языковые и пояснительные замечания к Аппиану»⁵⁷ 1892 г., который прямо корректирует некоторые моменты издания Мендельссона.

Идейные установки автора. Если обратить внимание на работы, посвященные духовному миру автора, то можно выделить диссертацию Георгия Крамера «Богословие Аппиана» 1889 года. В ней автор пишет, что на Аппиана наибольшее влияние оказала философия стоиков, для которых „ничто не кажется добром, кроме доблести, ничто – злом, кроме порочности“⁵⁸, при этом Крамер отмечает особую роль богов в истории Аппиана, которые являются высшими судьями, наблюдающими за исполнением высших неписанных законов⁵⁹, при этом одним из инструментов божественной воли является тюхе (удача)⁶⁰, но которая в свою очередь зависит от арете (доблести): «думаю, не случайно всегда говорится арете кай тюхе, и никогда – тюхе кай арете. Ибо доблесть первая требуется богами; счастье создается доблестью»⁶¹.

Кратко, но достаточно полно характеризует Аппиана Германн Ульрики в своей «Характеристике античной историографии» 1833 года, где он обращает внимание на то, что наш автор является одним из немногих античных историков, который отверг обычный в древности анналистический метод изложения истории⁶², избрав этнографический, что говорит о его своеобразии. Помимо этого Ульрики обращает внимание на слабые познания Аппиана в географии и хронологии, но при этом отмечает, что эти сведения не так важны для него, как «моральное поучение и укрепление нравственности»⁶³, он обращает пристальное внимание на моральную составляющую характеров главных исторических персонажей. Аппиан, как

⁵⁷ Loesch K. Sprachliche und erlauternde Bemerkungen zu Appian. Nurnberg, 1892.

⁵⁸ Kramer G. Theologumena Appiani. Dissertatio inauguralis philologica. Vratislavia, 1889. P. 16.

⁵⁹ Ibid. P. 46.

⁶⁰ Ibid. P. 54.

⁶¹ Kramer G. Theologumena Appiani. Dissertatio inauguralis philologica. P. 56.

⁶² Ulrici H. von. Charakteristik der antiken Historiographie. Berlin, 1833. S. 241.

⁶³ Ibid. S. 242.

пишет Германн Ульрики, отводит большую роль в исторических событиях доблести и стойкости, а также вмешательству богов и судьбы.

Уже упомянутый И. А. Вийне отмечает попытки Аппиана проникнуть вглубь исторических событий, познать их причины⁶⁴. К примеру, наш автор размышляет, почему Цезарь во время войны с Помпеем быстро сложил с себя полномочия диктатора, которыми его наделил испуганный народ (App. В.С. II, 48). При этом ученый отмечает, что Аппиан главную роль в исторических событиях отдавал личным качествам человека (к примеру, безудержной жажде почестей Мария)⁶⁵.

Любопытный взгляд на исторический метод Аппиана находится в диссертации Артура Зердика «Аппиановы вопросы» 1886 года, который, развивая мысль Иоганна Швайгхойзера и Карела Кобебб и следуя в общем течении тогдашней *Altertumswissenschaft*, называет Аппиана имитатором, но иного рода. Аппиан заимствует не столько содержание, сколько стилистические приемы, обороты речи и метод у Фукидида, Демосфена, особенно же – у Геродота⁶⁷. Новизной работы Зердика в сравнении с предыдущими, как отмечает сам автор⁶⁸, является исследование этой проблемы на примерах.

Наибольший интерес в этой работе представляет исследование метода написания труда. В частности, Зердик отмечает, что Аппиан, как и Геродот, писал свою историю «субъективно», т.е. он очень часто говорит о себе, что видел, что читал, что желал, во что верил⁶⁹.

Относительно XIX в. я привел далеко не все работы, заслуживающие внимания, но все же достаточно, чтобы составить представление о том, какой популярностью в научной среде пользовалось имя Аппиана

⁶⁴ Wijne I. A. De fide et auctoritate Appiani in bellis romanorum civilibus enarrandis exploratis fontibus, quibus usus esse videtur. Groningae, 1855. P. 89.

⁶⁵ Ibid. P. 90.

⁶⁶ Cobet C. G. Ad Appianum de Bellis civilibus // Mnemosyne. Nova series. 1882. Vol. X. P. 236.

⁶⁷ Zerdik A. Quaestiones Appianeae. Dissertatio inauguralis. Kiliae, 1886. P. 4.

⁶⁸ Ibid. P. 3.

⁶⁹ Zerdik A. Quaestiones Appianeae. P. 19.

Александрийского. При этом сложно сказать, почему эта популярность достигла апогея именно во второй половине столетия. Позже она постепенно сходит на нет, лишь в конце 1960-х – начале 1970-х гг. и в 1990-е в она ненадолго и в гораздо меньшей степени возвращается вновь в связи с выходом новых изданий его трудов.

Среди работ этого времени немалое число носит сугубо обзорный характер. Ярким примером этого является статья известного специалиста по данной теме Кая Бродерзена «Аппиан и его труд»⁷⁰. В ней можно увидеть традиционную, даже порядком избитую структуру, включающую в себя в том числе следующие пункты: Первоначальный объем, Издания, Биография Аппиана, Влияние биографии на работу, Использование в качестве исторического источника и др. Можно заметить, что каждый из этих пунктов уже был рассмотрен ранее, в чем можно убедиться, взглянув даже на монографию Швайгхойзера 1781 года!

Подобный же компилятивный характер во многом имеет и монография Мартина Хозе «Модернизация прошлого. Историк в Imperium Romanum: от Флора до Кассия Диона». Но при этом немецкий историк имел куда больший простор для изысканий, поэтому в его работе, хотя и встречается повторение общих мест, но также есть нечто новое. К примеру, Хозе вписывает Аппиана в политический и историографический контекст эпохи⁷¹, уделяет большое внимание особенностям отдельных книг, а также выявляет роль не только отдельных исторических личностей, но также групп населения⁷².

В качестве апогея «общих» работ назову обширную статью Грегори Бахера «Начала, план и композиция «Римской истории» Аппиана». Сама по себе статья относительно неплоха, имея традиционную структуру, она дает достаточно целостное представление о труде Аппиана, о влиянии на него

⁷⁰ Brodersen K. Appian und sein Werk // Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt. T. II. Bd. 34, 1. Berlin; New York, 1993.

⁷¹ Hose M. Erneuerung der Vergangenheit. Die Historiker im Imperium Romanum von Florus bis Cassius Dio. Stuttgart und Leipzig, 1994. S. 146–153.

⁷² Ibid. S. 283.

биографии автора, о его идейных посылках, однако большим недостатком работы является ее позиционирование и недостаточное знакомство автора с историографией. XIX век, как я уже упоминал выше, подарил антиковедению множество оригинальных проблемных работ, посвященных самым разнообразным аспектам «Римской истории» Аппиана Александрийского, но автор данной статьи использует только три, при этом в его библиографии нет ни одной латинской работы, а ведь именно они представляют собой наибольший интерес. Любопытно, что Грегори Бахер никак не комментирует упомянутую в достаточно снисходительном ключе знаменитую монографию Швайгхойзера. Он на нее даже не ссылается, а отправляет нас к третьему автору. Вероятно, это связано с тем, что, по мнению автора, до 1990-х гг. Аппиана считали «неумелым любителем» и непрестанно искали те работы, которые он бесстыдно переписывал⁷³, поэтому нет никакого смысла даже рассматривать труды прошлых эпох.

Создается впечатление, что автор вообще не знаком с историографией вопроса, поскольку воспринимает некоторое оживление 90-х гг. XX в. в качестве настоящего переворота в исследовании Аппиана. Но если вчитаться в критические замечания Бахера по поводу историографии вопроса, то можно заметить, что историк критикует точку зрения Жозефа Скалигера XVII века! Он последовательно передает именно его аргументы⁷⁴, хотя о том, что Скалигер в свое время исследовал Аппиана, он не упоминает. Т.е. получается, что между XVII в. и концом XX в. в науке не произошло ровным счетом ничего. Свою работу автор «скромно» называет приглашением к пересмотру «устоявшихся» точек зрения на Аппиана. Такое позиционирование себя в качестве первопроходца в итоге приводит к тому, что автор пишет очередную «общую статью», где вновь повторяет все то, что было сказано даже не только в XIX, но и в XVIII веке.

⁷³ Bucher G. S. The Origins, Program, and Composition of Appian's Roman History. P. 411.

⁷⁴ Ibid. P. 414.

Хотя я и не сторонник новых направлений в исторической науке, но стоит отметить монографию Кордулы Шнегг «Половые представления и социальная дифференциация у Аппиана Александрийского» 2010 года. Эта монография является одной из чрезвычайно редких в современной историографии Аппиана, поскольку, в отличие от других, является проблемной. Автор пытается уже давно выявленные основные понятия, которыми оперирует Аппиан, к примеру, «доблесть», связать с проблемой пола⁷⁵. Кроме этого, Кордула Шнегг обращает пристальное внимание на женских персонажей «Римской истории» Аппиана, каковые ранее почти не появлялись на страницах исследований⁷⁶.

Предлагаю теперь обратиться к отечественной историографии. На направленность отечественных исследований Аппиана решающим образом повлияла идеология, поскольку Карл Маркс в свое время высказал весьма лестную оценку творчества древнего историка: «По вечерам я читал для отдыха Аппиана о гражданских войнах в Риме [...] Очень ценная книга. [...] Шлоссер говорит, что у него «нет души», вероятно потому, что он старается докопаться до материальной основы этих гражданских войн»⁷⁷. При этом отмечу, что, несмотря на это, по теме наша историография породила очень малое количество работ.

Первой работой в отечественной историографии на эту тему можно назвать статью Сергея Александровича Жебелева к изданию перевода «Гражданских войн» Аппиана 1935 года. Хотя она носит скорее справочный, а не исследовательский характер и в ней описываются все те же пункты, что и в многочисленных «общих» статьях, но академик в своем тексте и не претендует на большее. При этом стоит отметить, что автор в дополнение к справке по собственно Аппиану дает и краткие, но весьма емкие сведения по

⁷⁵ Schnegg K. Geschlechervorsstellungen und soziale Differenzierung bei Appian aus Alexandrien. Wiesbaden, 2010. S. 37.

⁷⁶ Ibid. S. 76.

⁷⁷ Маркс К. Письмо Энгельсу от 27 февраля 1861 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений в 50-ти томах. Изд. 2-е. Т. 30. М., 1963. С. 126.

историографии вопроса, отмечая чрезвычайную сложность его источниковедческой части⁷⁸.

Следующей работой является статья О. И. Севастьяновой «Аппиан и его «Римская история»» 1950 года, предваряющая публикацию Вестником древней истории новых переводов античного историка. Автор критикует буржуазную историографию за ее «пренебрежение» Аппианом⁷⁹. Взяв за основу положительную характеристику Маркса, О. И. Севастьянова пытается ее развить и дополнить, в чем иногда доходит до искажения действительности. К примеру, вышеупомянутая работа Георгия Крамера «Богословие Аппиана», как и некоторые другие труды, наглядно показывает, что боги являются непосредственными участниками исторического процесса, советский же историк пытается затушевать, принизить влияние этого фактора у Аппиана⁸⁰.

Следующей укажем статью Иштвана Хана «Аппиан и Александрия»⁸¹. В этой статье в первую очередь обращает на себя внимание работа с историографией. Автор добросовестно проработал значительнейшую часть исследований, но по причине идеологического давления зачастую вынужден был искажать их содержание. К примеру, как он пишет, буржуазная наука считает, что Аппиан в своих взглядах был целиком зависим от своих источников⁸², но при этом в использованной им диссертации Вийне⁸³ содержится исследование индивидуальных взглядов Аппиана на исторический процесс⁸⁴.

Но, несмотря на это, статья является значительным вкладом в изучение античного историка. Как справедливо отмечает автор, ранее факт египетского

⁷⁸ Жебелев С. А. Аппиан и его «Гражданские войны» // Аппиан. Римские войны. СПб, 1994. С. 13.

⁷⁹ Севастьянова О. И. Аппиан и его история. С. 253.

⁸⁰ Там же. С. 259–260.

⁸¹ Можно ли ее отнести к данному разделу? Поскольку она написана на русском языке, опубликована в виднейшем советском историческом журнале, а также находится под влиянием марксизма, я упоминаю ее здесь.

⁸² Хан И. Аппиан и Александрия // Вестник древней истории. 1961. № 1. С. 73.

⁸³ Там же. С. 77.

⁸⁴ Wijne I. A. De fide et auctoritate Appiani in bellis romanorum civilibus enarrandis exploratis fontibus, quibus usus esse videtur. Groningae, 1855. P. 90.

патриотизма Аппиана просто констатировался историками без дальнейшего раскрытия⁸⁵, Иштван Хан же в свою очередь дает единственное в своем роде исследование, посвященное специально этой проблеме. Автор ставит произведение Аппиана в контекст общественных настроений Александрии, показывая доходящий до фанатизма патриотизм ее жителей, нашедший свое выражение в *Acta alexandrinorum*, а также – в отрицательном смысле – в произведениях римских и даже греческих авторов⁸⁶. Это позволяет Иштвану Хану внести свою лепту в решение вопроса об источниках Аппиана, поскольку Александриец пытается защитить свой город, то он, используя противных ему авторов, изменяет направленность их сообщений⁸⁷.

Далее автор очень удачно использует факт наличия в Александрии сильных антисемитских настроений, которые показывают, что многие ошибки Аппиана являются тенденциозным искажением действительности, к примеру, александрийский историк говорит о том, что Помпей разрушил Иерусалим, Иштван Хан объясняет это желанием Аппиана представить взаимоотношения евреев и римлян в более темном свете, чем это было⁸⁸.

Следующей работой по данной теме является статья Я.Ю. Заборовского «Аппиан и римская *civitas* в последний век существования республики». Автор пытается внести свою лепту в решение вопроса об оригинальности Аппиана, предлагая пристальнее всмотреться в начальные шесть глав «Гражданских войн», содержащие краткий обзор римской истории⁸⁹. Как считает автор, обзора Гражданских войн до Аппиана не существовало, что он доказывает отсутствием достойного описания эпохи Гракхов в античной историографии⁹⁰, каковое появляется только у Аппиана, поэтому древний историк должен был создать его сам, что в свою очередь объясняет

⁸⁵ Хан И. Аппиан и Александрия. С. 72–73.

⁸⁶ Там же. С. 75–76.

⁸⁷ Там же. С. 78.

⁸⁸ Там же. С. 83.

⁸⁹ Там же. С. 141.

⁹⁰ Там же. С. 142.

модернизацию некоторых моментов этой эпохи Аппианом. Т.е. Аппиан, если можно так выразиться, переплавил все имеющиеся у него источники согласно своей схеме, ввиду чего выявить их ныне не представляется возможным⁹¹. Надо сказать, что статья весьма спорная и оставляет после себя множество вопросов: имена Гракхов не были забыты, тогда почему не могло существовать хотя бы краткого обзора их деятельности? Если Аппиан так сильно переработал свои источники, то почему во многих работах, о которых в том числе я упоминал выше, исследователи находят вполне ясные параллели с другими авторами? Имеет ли вывод о полной переработке источников Аппианом какой-нибудь практический смысл для исторической науки?

В заключение скажу следующее: изучение Аппиана Александрийского и его трудов проделало с XVII века большой путь, который можно представить таким образом: в XVII в. Жозеф Скалигер, основываясь на многочисленных неточностях и ошибках, найденных в «Римской истории» Аппиана, делает вывод о его небрежности и вторичности его труда, эту мысль берут на вооружение виднейшие филологи XVII – начала XVIII веков, Иоганн Фабриций, Герард Фосс и Каспар фон Барт, которые несколько развивают ее и добавляют тезис о полной зависимости Аппиана от своих источников (*fusus laborum alienorum*), по большей части основанный на Парфянской книге Аппиана. В конце столетия будущий издатель Александрийца Иоганн Швайгхойзер делает его «Римскую историю» предметом специального рассмотрения, приходит к выводу о подложности Парфянской книги, нанося тем самым серьезный удар по теории Аппиана-компилятора, и закладывает основы для более серьезного изучения творчества историка. Благодаря полному изданию Аппиана Иоганна Швайгхойзера, а также его монографии во второй половине XIX века

⁹¹ Wijne I. A. De fide et auctoritate Appiani in bellis romanorum civilibus enarrandis exploratis fontibus, quibus usus esse videtur. P. 144.

наступает время невиданной популярности Аппиана в научной среде, именно тогда в плодотворном противоборстве сторонников теории единого источника и их противников из лагеря почитателей творчества древнего историка создается классическая историография. После этого бурного расцвета на сравнительно долгий период наступает затишье, прерываемое порой весьма интересными работами в 60–70 и 90-е гг. XX века.

ГЛАВА II. «ГРАЖДАНСКИЕ ВОЙНЫ» АППИАНА АЛЕКСАНДРИЙСКОГО: МЕЖДУ РЕЛИГИОЗНОСТЬЮ И РАЦИОНАЛИЗМОМ

2.1. Боги как фактор истории гражданских войн

В «Гражданских войнах» Аппиана можно выделить два взаимодействующих между собой типа причин: рациональные и теологические. В данном параграфе сделана попытка выяснить их степень влияния на историю, а также их взаимосвязь.

Классики марксизма высоко оценивали труд Аппиана Александрийского из-за его, как они считали, материалистического взгляда на исторический процесс⁹². Подобный взгляд встречается и у их современника И. А. Вийне. Исследователь перечисляет примеры божественного вмешательства, но не пытается увидеть в них какой-либо системы. По его мнению, все эти свидетельства Аппиан почерпнул у своих источников из-за добросовестности или затем, чтобы показать «дух древности»⁹³.

Марксистская историография, хотя и не отрицает идею божественного вмешательства у Аппиана, но пытается принизить ее значение. К примеру, О. В. Севастьянова пишет, что «мистический элемент у Аппиана незначителен» и «если такие истолкования и встречаются, они касаются всегда фактов незначительных и зачастую представляют собой скорее риторический оборот»⁹⁴.

В то же время можно встретить работы, которые говорят о большой роли богов в историческом процессе у Аппиана, ярким примером которых служит работа Александра Доминика. По его мнению, Аппиан считает, что судьбы народов и людей находятся в руках богов, конкретное же их влияние он видит в неожиданных поворотах истории⁹⁵.

⁹² Маркс К. Письмо Энгельсу от 27 февраля 1861 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений в 50-ти томах. Изд. 2-е. Т. 30. М., 1963. С. 126.

⁹³ Wijne I. A. De fide et auctoritate Appiani in bellis romanorum civilibus enarrandis exploratis fontibus, quibus usus esse videtur. P. 79.

⁹⁴ Севастьянова О. И. Аппиан и его история. С. 259–260.

⁹⁵ Dominicus A. N. G. De indole Appiani Alexandrini Graeci Romanarum rerum scriptoris. Confluentes, 1844. P. 27.

При этом такую полярность мнений относительно религиозности Аппиана объяснить несложно. К примеру, И. Вийне пытался реабилитировать Александрийца перед научным сообществом. Его труд исполнен пафоса апологии, ведь как раз в его время появляются многие работы, жестоко критикующие Аппиана⁹⁶. Поэтому Вийне стремился показать независимый характер повествования Аппиана, показать, что он был свободен от заблуждений своего века.

Противоположный лагерь, видя в повествовании многочисленные примеры божественного вмешательства, не имел причин подвергать их сомнению, особенно учитывая личность самого Аппиана, человека достаточно среднего ума, далекого от философских измышлений (App. Mith. 28).

Представление о соотношении религиозных и рациональных причин в повествовании Аппиана в современной историографии, на первый взгляд, кажется более сбалансированным. Среди таковых работ остановимся подробнее на монографии Мартина Хозе «Обновление прошлого. Историки в Imperium Romanum от Флора до Диона Кассия». Автор указывает, что Аппиан во введении к своему труду отводит большую роль в историческом процессе личным качествам представителей каждого народа (доблесть, благородство и т.д.)⁹⁷. Таковыми качествами у римлян, с одной стороны, и стазисом, с другой, по мнению Хозе, Аппиан объясняет падение предыдущих империй и возвышение Рима. При этом Хозе отмечает, что такое объяснение не оставляет места для некоего божественного, или «мирового», замысла⁹⁸. В то же время автор справедливо отмечает, что в самом повествовании Аппиан широко использует теологическую схему в осмыслении римской истории⁹⁹. Но при этом современный историк не считает божественное вмешательство

⁹⁶ Esspersen J.C. De excerptis et fragmentis aliquot Appiani commentatio critica et historica... P. 9.

⁹⁷ Hose M. Erneuerung der Vergangenheit. Die Historiker im Imperium Romanum von Florus bis Cassius Dio. Stuttgart und Leipzig, 1994. S. 345.

⁹⁸ Ibid. S. 347.

⁹⁹ Ibid. S. 348.

определяющим, поскольку оно зачастую соседствует с рациональным объяснением событий. К примеру, в эпизоде, где Ганнибал отказывается от похода на Рим, Хозе выделяет две рациональные причины и одну метафизическую¹⁰⁰: «или бог [...] тогда отнял у него разум, или испугавшись доблести и счастья этого города, или [...] не желал кончать войны из страха перед карфагенянами, ибо тогда ему пришлось бы сложить командование» (App. Hann. VI, 40, пер. С. П. Кондратьева). Помимо этого Хозе указывает, что у богов не было замысла даже в повествовании «Гражданских войн», поскольку иногда боги вредили сторонникам единовластия¹⁰¹. В итоге Хозе приходит к выводу, что теологический компонент не играет у Аппиана определяющей роли и остается на втором плане, уступая экономическим и психологическим причинам¹⁰².

Хотя немецкий историк раскрывает теологические мотивы в повествовании Аппиана, но все же стоит ближе к советской историографии, делая, в сущности, те же выводы. Но почему религиозность не могла играть значительной роли в повествовании? Почему Аппиан не мог мыслить за всеми эпизодами, где он пишет о влиянии божества, чего-то большего, чем просто риторических приемов? Чтобы разобраться в этих вопросах следует обратиться к личности нашего историка.

Аппиан, хотя и достигает значительных высот в карьере, будучи адвокатом фиска, но его личность не является исключительной в чиновничьем аппарате империи, он не имеет прямых сношений с императором и вынужден хлопотать о своем назначении прокуратором через Корнелия Фронтон, который, прося в свою очередь императора, говорит, что Аппиан его старый друг и «именно для того, чтобы возвысить свое достоинство в старости, он желает достичь этого отличия, а не из честолюбия или жажды жалованья прокуратора» (Fronto Ep. ad Anton. Pium. I, 9, 2), а

¹⁰⁰ Hose M. Erneuerung der Vergangenheit. S. 349.

¹⁰¹ Ibid. S. 350.

¹⁰² Ibid. S. 350.

также то, что Аппиан «несколько» превосходит остальных честью и честностью (Fronto Ep. ad Anton. Pium. I, 9, 3). Фронтон не упоминает более никаких личных качеств Аппиана, не говорит о его уме, эрудиции, и складывается впечатление, что к аргументу о некотором превосходстве в честности он прибегает как к последнему средству. Главное то, что Аппиан — старый и бездетный друг Фронтона. Т.е. из этого письма нельзя сказать, что наш автор «вращался в высших интеллектуальных кругах своего времени», как это представляет Кэтрин Уэлш¹⁰³. Аппиан, хотя и далеко не глуп, но не является выдающимся интеллектуалом. Это подтверждает мнение Георга Крамера о том, что Аппиан не только был достаточно далек от философствования¹⁰⁴, но и очень близок к народной вере¹⁰⁵. Об этом же говорит и религиозный контекст эпохи, когда религия была не только в полной силе, но даже укрепила свои позиции¹⁰⁶, претерпев при этом определенные изменения, частью которых стало усиление суеверий, веры во всевозможные прорицания и оракулы¹⁰⁷, что также проявляется у Аппиана (App. В.С. I, 83; II, 36; IV, 4). Поэтому возможность того, что религиозность Аппиана была искренней, не дает свести роль божества лишь к риторическому обрамлению.

Теперь перейдем собственно к «Гражданским войнам» Аппиана и попытаемся выяснить соотношение рациональной и религиозной составляющих в историческом процессе, а также качества последней.

В целом произведение Аппиана делится на две неравные части: в большей степени материалистическое видение истории появляется в общем обзоре эпохи, данном в начале первой книги, далее акцент смещается в сторону участия божественного начала. Вероятным объяснением этого

¹⁰³ Welch K. Appian and Civil War: a History without an Ending // Lange C. H., Vervaeke F. J. (eds.). The Historiography of Late Republican Civil War. Leiden, Boston, 2019. P. 439.

¹⁰⁴ Kramer G. Theologumena Appiani. Vratislavia, 1889. P. 9, 14.

¹⁰⁵ Ibid. P. 9.

¹⁰⁶ Штаерман Е.М. Социальные основы религии Древнего Рима. М., 1987. С. 213.

¹⁰⁷ Latte K. Römische Religionsgeschichte. München, 1960. S. 329.

кажется различие характера этих двух частей. В обзоре автор уходит от деталей, он обозревает в целом процесс, который движется в большей степени массами. Религиозность Аппиана в «Гражданских войнах» проявляется прежде всего по отношению к отдельным личностям, а простор для описания действий таковых предоставляется только в основном повествовании.

Вначале следует выяснить, был ли, по мнению Аппиана, у богов замысел относительно будущности Рима, ведь если подтвердится его наличие, то любая материальная причина будет являться лишь его частью. На первый взгляд может показаться, что этот замысел в повествовании был, ведь относительно войны Помпея и Цезаря Аппиан пишет: «так распорядилось божество, чтобы установить ту власть, которая теперь охватывает все» (App. В.С. II.71, пер. М. С. Альтмана), т. е. автор проводит мысль о божественном происхождении принципата¹⁰⁸. Но в какой момент повествования божество решило установить эту власть? Было ли так задумано с давних времен, или это решение пришло богам в конце эпохи? Был ли возникший кризис способом установления новой власти? Чтобы ответить на эти вопросы следует обратиться к обзору эпохи, который дал Аппиан в первой книге.

В самом начале Аппиан указывает вполне материальные причины конфликтов: «Между римским народом и сенатом часто происходили взаимные распри по вопросам законодательства, отмены долговых обязательств, раздела общественной земли, выбора магистратов» (App. В.С. I, 1, пер. С. А. Жебелева). Причины эти действуют на протяжении всей республиканской истории, постепенно усиливаясь ко времени начала повествования. В этот момент они перевешивают религиозность общества, его веру в законы, что приводит к началу гражданских войн. Исходным событием является убийство Тиберия Гракха. Аппиан особенно отмечает место, где были убиты многие его сторонники: у храма на Капитолии (App.

¹⁰⁸ Kramer G. Theologumena Appiani. P. 18.

В.С. I, 1). Т.е. преступление, положившее начало кровавой эпохе имеет и религиозную окраску, что говорит нам об антибожественном течении исторического процесса в повествовании историка, ведь далее Аппиан говорит о Сципионе Назике, когда тот призвал к вооруженному сопротивлению реформам Гракха, «он как бы надел на себя шлем в знак предстоящей войны, или [...], чтобы скрыть от богов то, что он собирался сделать»¹⁰⁹ (App. В.С. I, 16, пер. С. А. Жебелева).

Если обратить внимание на начало основного повествования, то можно заметить, какое большое внимание уделяет Аппиан описанию предпосылок гракханских реформ. Главы 7 и 8 полностью посвящены истории земельного вопроса в Италии. Конечно, Аппиан не упоминает многие процессуальные детали, его рассказ в деталях противоречит другим авторам¹¹⁰, оценки некоторых явлений кажутся преувеличенными¹¹¹, но историк дает вполне ясное видение кризиса римского общества. Исходя из этого исторического экскурса нам становится понятно, что причина для кризиса была всегда, с самых древних времен Республики, ко времени гражданских войн она лишь усугубилась. При этом боги к этой причине не имеют никакого отношения.

Аппиан в первой книге «Гражданских войн» описывает драматическую борьбу вокруг законодательства Гракхов, но и далее он не оставляет земельного вопроса. Так, Цезарь говорит своим легионерам: «я всем дам землю, и не так, как Сулла, отнимая ее у частных владельцев и поселяя ограбленных с ограбившими рядом, так что они находятся в вечной друг с другом вражде, но раздам вам землю общественную и мою собственную» (App. В.С. II, 94, пер. М. С. Альтмана). В той же книге Брут также использует землю в качестве инструмента воздействия на население, пространно

¹⁰⁹ Также стоит отметить, что на протяжении повествования у Аппиана неоднократно встречается вполне рациональное объяснение тех или иных событий: желание почестей, богатства и пр. Wijne I. A. *De fide et auctoritate Appiani in bellis romanorum civilibus enarrandis exploratis fontibus, quibus usus esse videtur*. P. 90.

¹¹⁰ Лапырёнок Р. В. *Наследие аграрного закона Тиберия Гракха: земельный вопрос и политическая борьба в Риме 20-х гг. II в. до н.э. М., 2016. С. 49.*

¹¹¹ Там же. С. 128.

описывая отъем земли мятежными полководцами у населения для наделения ею своих ветеранов (App. В.С. II, 140). В третьей книге присутствует эпизод, где в отношении Октавиана возбуждается множество судебных процессов из-за распределенной его отцом между ветеранами земли (App. В.С. III. 22). Мотив земельных противоречий продолжается и в пятой книге (App. В.С. V.12,13,19). Т.е. основная причина кризиса остается актуальной на протяжении всего повествования. Это отмечали уже классики марксизма: «Из древних историков, которые описывали борьбу, происходившую в недрах Римской республики, только Аппиан говорит нам ясно и отчетливо, из-за чего она в конечном счете велась: из-за земельной собственности»¹¹².

Резюмируя это, можно сказать, что причина кризиса, как она описывается в повествовании, не была подвластна воле богов, они с ней мирились все предшествующее развитие Рима так же, как мирились с нею люди. Т.е. сам кризис явно не входил в божественный замысел. Так в чем же роль богов в историческом процессе? Несмотря на заявления «рационалистического крыла» историографии¹¹³, их нельзя исключить из повествования, тем более, что Аппиан явно дает понять, что новый государственный строй имеет божественную природу. Это означает, что боги неким образом все же могли влиять на исторический процесс, т.е. перед нами встает задача проследить связь между сугубо материальной причиной кризиса и его божественным завершением.

Для этого следует рассмотреть упоминание божественной силы в основном повествовании. Она указывается по трем сходным поводам¹¹⁴: при объяснении каких-нибудь поступков персонажей, при предсказании чего-нибудь (как правило, бедствия) и при описании чрезвычайной жестокости происходящих событий.

¹¹² Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений в 50-ти томах. Изд. 2-е. Т. 21. М., 1961. С. 312.

¹¹³ Севастьянова О. И. Аппиан и его история... С. 259–260; Wijne I. A. De fide et auctoritate Appiani in bellis romanorum civilibus enarrandis exploratis fontibus, quibus usus esse videtur. P. 79.

¹¹⁴ Dominicus A. N. G. De indole Appiani Alexandrini Graeci Romanarum rerum scriptoris. P. 27–28.

Среди сообщений о предзнаменованиях особого внимания заслуживает пассаж I, 83. В нем указываются всевозможные знамения, что массово обрушились на Италию: землетрясения, странные роды, пожары, среди которых — знаменитый пожар, уничтоживший Капитолийский храм, которые толкуются римлянами как указания на ниспровержение существующего государственного строя. Т.е. как раз в 80-х гг. до н.э. появляется божественный замысел, каким образом прекратить эпоху смут. После смерти Суллы замысел этот был еще раз подтвержден уже во второй книге перед войной Помпея Великого и Цезаря, где содержится совершенно сходное с первым сообщение (App. В.С. II, 36). Последнее же подобное указание присутствует в IV книге: «Во время этих событий в Риме происходили [...] грозные чудеса и знамения. [...] сенат вызвал [...] гаруспиков и прорицателей. Старейший из них сказал, что старинная власть возвратится вновь» (App. В.С. IV, 4, пер. Е. Г. Кагарова).

Представляется, что таким образом Аппиан подчеркивает единство членов общины, богов и людей, что в целом характерно для античной историографии¹¹⁵, ведь кризис общины не мог не отразиться на ее божественных членах. Нестроение и жестокость, воцарившиеся в Городе, одинаково противны людям и богам, что подтверждается многочисленными ссылками на божественное при описании жестокости и коварства: «Ведь они умертвили Цезаря, бывшего императором, верховным понтификом, [...] умертвили среди священного места [...] на глазах у богов» (App. В.С. IV, 8, пер. Е. Г. Кагарова); «Во всем происходившем не видно было ни почтения к богам, ни боязни мести со стороны людей, ни страха перед мерзостью таких поступков» (App. В.С. I, 71, пер. С. А. Жебелева). Кажется, что боги во многом поэтому стремились установить мир в государстве любой ценой, пусть даже ниспровержением государственного строя, который, как отмечает

¹¹⁵ Достаточно вспомнить, что религия римлян отличалась практическим характером, боги участвовали практически в каждом действии человека. Wissowa G. Religion und Kultus der Römer. München, 1902. S. 21.

Аппиан, к этому времени представлял весьма жалкое зрелище: «государство было чрезвычайно дезорганизовано и [...] находилось в тяжелом состоянии. Ведь магистраты назначались [...] при всякого рода злоупотреблениях, с помощью камней и мечей» (App. В.С. II, 19, пер. С. И. Ковалева). Если использовать слова самого Аппиана, высказанные по адресу Суллы, то боги решили «одно зло уврачевать другим» (App. В.С. I, 3, пер. С. А. Жебелева), т.е. решили прекратить смуты единовластием.

Каким образом боги воплощали свой замысел, помогут понять сообщения, объясняющие те или иные поступки персонажей влиянием божественной силы. Божество не вмешивается напрямую в ход исторических событий, предпочитая воздействовать на настроения людей. К примеру, в повествовании Аппиана очень часто можно встретить внезапную смену настроения персонажа, когда до сего момента деятельный и активный политик внезапно становился апатичным и пассивным. Иштван Хан, комментируя данные эпизоды, ограничивается указанием, что эта теологическо-психологическая схема, подразумевающая божественное влияние на разум, *theoblabeia*, является обычным способом для Аппиана объяснить роковые ошибки своих героев и представляет собой собственно то, что принадлежит перу Аппиана¹¹⁶, при этом Майкл Вольф, рассматривая образ Сципиона Африканского у Аппиана, совершенно верно указывает, что эта схема употребляется, как правило, применительно к противникам установления монархии¹¹⁷, отчего можно сделать вывод, что в этой схеме соединилась лояльность имперского чиновника с его религиозностью, дав идеологическое обоснование установлению принципата.

¹¹⁶ Hahn I. Appian und Rom // Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. T. II. Bd. 34, 1. Berlin; New York, 1993. S. 393.

¹¹⁷ Wolf M. Appian, the Rise of Rome, and Monarchy: An Analysis of the Romaika through the Portrayal of Africanus and Aemilianus. Williamstown, 2004. P. 49.

Рассмотрим несколько эпизодов, где влияние божества на настроение персонажа коренным образом затронуло исторический процесс. Первым из них будет Серторианская война.

Аппиан достаточно ярко показывает самостоятельный и деятельный характер Сертория, благодаря которому ему удалось изгнать из Испании бывших до него полководцев и восемь лет оборонять ее от римских войск (App. В.С. I, 108). Историк неоднократно называет Сертория смелым (App. В.С. I, 108, 110), говорит, что не было «на тот момент человека более воинственного, более удачливого» (App. В.С. I, 112, пер. С. А. Жебелева). Однако в 72 г. до н.э. Серторий внезапно, «по божьему попущению» (βλάπτωντος ἤδη θεοῦ), забрасывает все дела и предается чувственным наслаждениям, чем объясняет Аппиан его неоднократные поражения, которые терпит он с этого времени (App. В.С. I, 113). В конце концов подобное поведение приводит к образованию заговора и убийству Сертория. При этом Аппиан предполагает, что война «не окончилась бы так скоро и так легко, если бы Серторий оставался в живых» (App. В.С. I, 115, пер. С. А. Жебелева). Т.е. мы видим, как божество опосредованно повлияло на ход истории, поспособствовав сохранению единства римской державы, ведь Серторий не слишком дорожил ее целостностью (App. Mithr. 68).

Другим ярким примером является биография Помпея Великого. Аппиан описывает его как «человека великого, [...] до этого дня бывшего наиудачливейшим»¹¹⁸ (App. В.С. II, 69, пер. М. С. Альтмана). Он по собственному почину пришел к Сулле во главе набранных им самим трех легионов (App. В.С. I, 80), во время войны Суллы с Марием активно участвует в боевых действиях (App. В.С. I, 90; 96), уже после этой распри

¹¹⁸ Любопытно отметить, что К. Маркс после чтения Аппиана имеет прямо противоположное мнение: „Едва ему [Помпею] пришлось показать себя в борьбе против Цезаря, как обнаружилось его полное ничтожество“. Маркс К. Письмо Энгельсу от 27 февраля 1861 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений в 50-ти томах. Изд. 2-е. Т. 30. М., 1963. С. 126. Маркс просто не замечает замешательства Аппиана, когда он пытается объяснить поведение Помпея и объясняет его божественным вмешательством. Т.е. Марксу не был интересен сам Аппиан, его привлекал лишь материал для собственных размышлений о римской истории.

участвует в борьбе с пиратами, в устройении восточных провинций (App. В.С. II, 1), успешно справляется с продовольственной проблемой (App. В.С. II, 18) и т.д. Таковым Помпей остается и на начальном этапе противостояния с Цезарем: он активно заключает союзы, готовит войско и корабли (App. В.С. II, 49), с не меньшей быстротой, чем Цезарь, их водит (App. В.С. II, 55) и даже наносит последнему чувствительное поражение (App. В.С. II, 61), но именно после этой победы удача отворачивается от Помпея, поскольку он не довершил разгрома Цезаря. Аппиан видит в этом волю божества (App. В.С. II, 62). Историк также указывает, что божество в этот же момент помогает Цезарю, укрепляя боевой дух его войска (App. В.С. II, 63).

Моментом наивысшего напряжения божественных сил становится преддверие битвы при Фарсале, когда «Помпей отказался от своих собственных расчетов и уступил, поврежденный в разуме божеством, и на сей раз, как и в других случаях в течение всей войны»¹¹⁹ (App. В.С. II, 67, пер. М. С. Альтмана), и в его лагере происходят многочисленные неблагоприятные знамения, в то время как Цезарь успешно совершает жертвоприношение Марсу и обращает молитвы Венере (App. В.С. II, 68).

В итоге «так распорядилось божество, чтобы установить ту власть, которая теперь охватывает все» (App. В.С. II, 71, пер. М. С. Альтмана). Собственно, желание божества установить единоличную власть Цезаря наличествует уже в эпизоде перехода через Рубикон, где Аппиан указывает, что Цезарь перешел ее стремительно, будто «вдохновленный свыше» (App. В.С. II, 35, пер. С. И. Ковалева).

Любопытен эпизод со смертью Цезаря. Аппиан сосредотачивает внимание читателя на том, что диктатор в мартовские иды получает многочисленные знамения о скорой смерти: сон жены, три неблагоприятных жертвоприношения (App. В.С. II, 115, 116). Помимо этого, три человека

¹¹⁹ Уже после битвы Аппиан объясняет оцепенение Помпея опять-таки влиянием божества и сравнивает его с помрачением разума у Аякса (App. В.С. II.81).

пытаются его предупредить о заговоре, но все тщетно (App. В.С. II, 116). Все это дает повод Аппиану сказать: «Ибо то, что с Цезарем случилось, должно было случиться» (App. В.С. II, 116, пер. М. С. Альтмана). В данном эпизоде прежде всего интересно то, что Цезарь является для Аппиана настоящим любимцем судьбы. Если Сулле историк посвящает целую главу, в которой он, хотя и признает его счастье в борьбе с врагами, но как бы пытается его скрыть за описанием безудержной и чрезмерной лести его окружения, всячески показывает свое отрицательное отношение к нему (App. В.С. I, 97), то Цезарь без всяких оговорок объявляется счастливым (App. В.С. II, 88, 95, 97; 111, 149), но оказывается убит, кажется, что это можно объяснить замыслом богов относительно самого Города. Т.е. можно предположить, что Цезарь, по их мнению, не мог обеспечить достойную будущность Риму, поэтому они продолжили искать подходящую кандидатуру, но это не согласуется с религиозностью самого Аппиана и с образом богов в его труде.

Сам историк был вполне восприимчив к народным верованиям¹²⁰, этим во многом объясняется некоторая хаотичность божественного вмешательства¹²¹, отсутствие у богов осознаваемого замысла, каковой, к примеру, присутствует в труде Ливия. Боги более приближены к отдельным персонажам, как уже было сказано, они воздействуют на исторический процесс посредством влияния на конкретных деятелей, но воздействие это не всегда имеет под собой общинную пользу. Боги субъективны¹²², что доказывает эпизод с Октавианом: «Божество, однако, позавидовало его счастью: войска возмутились [...], требуя скорейшего роспуска и таких же наград, как те, что были розданы сражавшимся при Филиппах» (App. В.С. V, 128, пер. А. И. Тюменева). Вполне может быть, что они позволили этому случиться из-за неуважения Цезаря к различным оракулам и предсказаниям, о

¹²⁰ Kramer G. *Theologumena Appiani*. P. 13.

¹²¹ Дошедшая однажды до откровенного вредительства в сторону цезарианцев. Hose M. *Erneuerung der Vergangenheit. Die Historiker im Imperium Romanum von Florus bis Cassius Dio*. S. 350.

¹²² Александр Доминик указывает, что Аппиану иногда бывает близко представление Геродота о гневе и зависти богов. Dominicus A. N. G. *De indole Appiani Alexandrini Graeci Romanarum rerum scriptoris*. P. 28.

чем пространно говорит Аппиан в трех главах второй книги (149, 152, 153): «Оба [Цезарь и Александр] презирали предзнаменования, предсказывавшие их судьбу» (App. В.С. II, 152, пер. О. О. Крюгера). А ведь как раз оракулы и предсказания играют для Аппиана очень большую роль¹²³, что можно понять из нескольких крупных блоков предсказаний, каковые он старательно собирал из своих источников и переносил в свой труд (App. В.С. I, 83; II, 36; IV, 4). Цезарь оскорбил божество, за что и поплатился.

Последний эпизод, который кажется мне замечательным в плане влияния божества на исторический процесс, — битва при Филиппах. После того, как сторонники сената потерпели поражение, боги не допустили возобновления войны, повредив разум войска (App. В.С. IV, 131) и самих Брута и Кассия (App. В.С. IV, 134). При этом Аппиан демонстрирует поистине судебное красноречие, когда описывает все плоскости греха убийц Цезаря: «он был совершен против друга, был совершенно неожиданным; грех против спасшего их в войне благодетеля, представлявший поэтому проявление неблагодарности; грех против императора, что было нечестиво; грех, притом совершенный в курии; грех против жреца, облеченного в священные одежды; грех против властителя, равного которому не было, принесшего пользу и родине и власти более всех других» (App. В.С. IV, 134, пер. Т. Н. Книпович). К этому он присовокупляет обширный список свидетельств божественного гнева: здесь и падение золотой фигурки Виктории, посвященной Кассием, и стаи птиц над лагерем, и рои пчел, и демон, явившийся Бруту (App. В.С. IV, 134). Резюмируя эту главу, Аппиан пишет, что Брут и Кассий были наказаны.

Любопытно отметить, что религиозные мотивы в данном эпизоде соседствуют со вполне рациональными причинами поражения республиканцев. Ведь если, к примеру, Помпей поддался уговорам войска, будучи поврежден в уме божеством (App. В.С. II, 67), то характер Брута, как

¹²³ Kramer G. Theologumena Appiani. P. 9.

указывает сам Аппиан, был изначально весьма податливым, к тому же, как пишет историк, Брут и Кассий боялись измены войска, поэтому уступили ему (App. В.С. IV, 124). Поведение Помпея было для него нехарактерно, поведение Брута было вполне в его духе. Но имея очевидное рациональное объяснение поведения республиканцев, Аппиан все же придает ему яркий религиозный окрас, поскольку боги *должны были* участвовать в этой битве и участвовать на стороне цезарианцев.

В заключение следует отметить следующее: в повествовании Аппиана существует вполне объективный мир рациональных причин, которые определяют развитие общества, бросают общине вызов, на который она должна ответить соответствующим изменением. Основной материальной причиной, запустившей повествование «Гражданских войн» и остающейся на всем его протяжении, является земельный вопрос. Эта причина сделала явными многочисленные недостатки существующего строя, приведшие государство к кризису. На протяжении всего произведения община пытается найти выход из сложившегося положения. При этом боги мыслятся как члены общины. Они, подобно людям, ищут выход из кризиса, они не предвидели его, до определенного момента у них даже не было ясного понятия о будущем Рима. Они могут воздействовать на исторический процесс только посредством влияния на отдельных персонажей или ограниченные коллективы людей, это значит, что они должны были соотносить свои действия с действиями людей. Они выбирают человека, которому будет суждено установить единоличную власть и мир в Риме: Сулла, Цезарь, Октавиан¹²⁴, но лишь последнему удается установить новый порядок, что опять говорит о борьбе богов с материальным миром, об их зависимости от людей.

¹²⁴ Заборовский Я. Ю. Аппиан и римская *civitas* в последний век существования республики // Вестник древней истории. 1981. № 4. С. 141.

Как раз это должно составлять наполнение понятия теолого-психологического, которое встречается у И. Хана¹²⁵, но не применительно лишь к схеме объяснения необычного поведения персонажей, а вообще применительно к сущности богов. Т.е. религиозность в данном случае принимает чрезвычайно личный и непосредственный характер, что является одной из основополагающих черт религиозной жизни эпохи Аппиана¹²⁶.

Но если пойти несколько дальше, то можно сказать, что проявления этой религиозности на страницах сочинения находятся в прямой зависимости от исторического метода Аппиана. Александриец, как справедливо указывают авторы, критически к нему настроенные, добросовестно перенес основной момент повествования своего источника – земельный мотив, который проходит через все повествование¹²⁷, но поскольку историк был человеком глубоко верующим, то не мог допустить чисто материалистического понимания исторического процесса, поэтому всячески старался примирить его с религией. Он не имел четкого собственного видения исторических событий, да и не ставил своей целью полностью переработать свои источники в соответствии с некой концепцией (App. Proom. 13), ввиду чего мы и получаем некий симбиоз действия материальных и божественных причин: Аппиан расставляет примеры божественного вмешательства в наиболее значимых местах повествования подобно подпоркам в саду, он приспособливает, прилаживает богов к течению истории у своего источника.

2.2. Земля как постоянный мотив повествования «Гражданских войн»

Как уже было сказано выше, в историографии можно заметить достаточно упорную тенденцию приписывать Аппиану Александрийскому материалистическое понимание истории. Она проявляется и в западных

¹²⁵ Hahn I. Appian und Rom. S. 393.

¹²⁶ Штаерман Е. М. Социальные основы религии Древнего Рима. С. 214.

¹²⁷ Виппер Р. Ю. Очерки истории Римской империи. СПб, 2019. С. 146, 157.

работах¹²⁸, но более всего — в отечественном антиковедении, представленном прежде всего советскими авторами¹²⁹, которые в своем стремлении рационализировать древнего историка видят основой повествования его «Гражданских войн» земельный вопрос, по большей части подтверждая свою мысль ссылкой на известное письмо Маркса¹³⁰ Энгельсу, где классик пишет, что Аппиан «старается докопаться до материальной основы этих гражданских войн»¹³¹, основа же эта — вопрос о земельной собственности, как нам поясняет Энгельс¹³².

Мотив этот действительно проходит красной нитью сквозь все повествование, собственно, первые же слова произведения упоминают его: «Между римским народом и сенатом часто происходили взаимные распри по вопросам законодательства, отмены долговых обязательств, раздела общественной земли, выбора магистратов» (App. В.С. I, 1, пер. С. А. Жебелева). Далее вереницей идут реформы Тиберия Гракха, закон Апулея о галльских землях, раздача земель ветеранам Суллы, разделы Цезаря, распоряжения триумвиров. Однако их описание Аппианом обнаруживает почти полное нежелание историка касаться социально-экономической сущности этих мероприятий, что было замечено В. Штайде¹³³. В данной статье я постараюсь подробнее рассмотреть проблему, отмеченную немецким историком.

В большей степени свидетельства Аппиана обрывочны и кратки, однако реформа Тиберия Гракха представлена достаточно обстоятельно, в ее

¹²⁸ Hose M. Erneuerung der Vergangenheit. Die Historiker im Imperium Romanum von Florus bis Cassius Dio. S. 350; Famerie E. Appien d'Alexandrie, historien grec de Rome. Liege, 1989. P. 14; Westall R., Brenk F. The Second and Third Century // Political Autobiographies and Memoirs in Antiquity / Ed. by G. Marasco Leiden, 2011. P. 390.

¹²⁹ Севастьянова О. И. Аппиан и его история. С. 259–260.

¹³⁰ Любопытно, кстати, что, по мнению некоторых историков, Аппиан оказал большое влияние на формирование материалистической концепции истории Маркса. Bonnell A. G. 'Very valuable book': Karl Marx and Appian // Appian's Roman History: Empire and Civil War / Ed. by K. Welch. P. 16.

¹³¹ Маркс К. Письмо Энгельсу от 27 февраля 1861 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений в 50-ти томах. Изд. 2-е. Т. 30. М., 1963. С. 126.

¹³² Engels F. Ludwig Feuerbach und der Ausgang der klassischen deutschen Philosophie // Marx K., Engels F. Werke. Bd. 21, 5. Berlin (DDR), 1975. S. 302.

¹³³ Steide W. Beobachtungen zu Appians 'ΕΜΦΥΛΙΑ' // Hermes. 1983. Bd. 111. H. 4. S. 422.

описании особенно привлекает внимание пространный исторический экскурс, предваряющий рассказ о самой реформе. Любопытно сравнить настроение этого экскурса с его аналогом у Плутарха. Херонейский биограф в нем однозначно настроен против богачей, причиной народных бедствий он видит их неумную алчность и хитрость, в своем изложении он не скупится на изображение их коварства: «затем богачи исхитрились прибирать к рукам соседние участки через подставных лиц, а под конец уже и открыто завладели почти всею землей» (Plut. Gr. 8, пер. С. П. Маркиша). У Аппиана же совершенно другое настроение: «При этом богатые пользовались покупными рабами как рабочей силой в качестве земледельцев и пастухов, с тем чтобы не отвлекать земледельческими работами свободнорожденных от несения военной службы» (App. В.С. I, 7, пер. С. А. Жебелева). Богатые люди у Аппиана поступали так не из собственной выгоды, а ради блага государства, как они его понимали. То, что Плутарх называет вопиющим нарушением закона, Аппиан готов простить: «[Положение] было и тяжело, и не во всех отношениях справедливо: нельзя же было такое количество людей [т.е. богачей], владевших столь долго своим достоянием, лишить принадлежавших им насаждений, строений, всего оборудования» (App. В.С. I, 8, пер. С. А. Жебелева). В изложении не видно осуждения крупных землевладельцев, хотя наш историк понимает, что объективно их действия привели к ослаблению государства.

При этом ослабление Республики — основной мотив аппианового рассказа: в том же экскурсе народ беспокоится не о бедственном положении своих сыновей, а о состоянии государства: «[Народ] боялся, что Италия не даст ему больше союзников в достаточном числе, да и создавшееся положение станет опасным из-за такой массы рабов» (App. В.С. I, 8, пер. С. А. Жебелева). В результате можно заметить, что понятие народа здесь крайне консервативно, под ним подразумеваются те элементы общества, что ввиду своего благополучного материального положения имели возможность

думать о государстве. И этот справедливый древний народ, чтущий государство, в дальнейшем повествовании противопоставляется личности, заботящейся лишь о своей выгоде. С понятием народа у Аппиана связаны гарантии собственности и твердого порядка, герои же «Гражданских войн» представляют собой революционную силу, осуществляющую насильственный передел этой собственности.

М. Е. Сергеенко в свое время заметила, что экскурс этот не отражает реальной картины, но создан на основе целей, которые в повествовании озвучивает Гракх, обращаясь в поисках поддержки к разным социальным слоям римского населения, и имеет в своей основе некий памфлет времен Гая Гракха¹³⁴. Вывод любопытный, однако если посмотреть на общую картину земельного вопроса, то можно убедиться, что с той же степенью вероятности он мог быть целиком написан самим Аппианом, поскольку неприязнь к переменам, насилию и всякому проявлению революции — характерные черты его повествования, в полной мере проявляющиеся и в земельном вопросе. Можно еще добавить, что соответствие исторических задач, озвученных в экскурсе, и плана реформы Тиберия объясняется опять же характерным для Аппиана невнимательным отношением к формальной сути земельных мероприятий, что проявляется и в других эпизодах.

Тиберий Гракх у Аппиана является непосредственным продолжателем дела «народа», каким оно предстает в историческом экскурсе, ведь бедствия сограждан, в сущности, ему безразличны, основная его мысль — благополучие государства, основой коего является военная мощь. Восстановить ее реформатор стремится путем возврата к старым временам, т.е. к законам Лициния-Секстия. И именно поэтому Аппиан называет план Тиберия «превосходным». Однако при попытке вернуть древние справедливые отношения Тиберий зашел слишком далеко, он предпринял

¹³⁴ Сергеенко М. Е. Земельная реформа Тиберия Гракха и рассказ Аппиана // Вестник древней истории. 1958. № 2. С. 154.

революционное действие — сместил своего коллегу по должности, пусть справедливо, пусть не самовольно, а поставив вопрос на голосование, в чем он даже не нарушил закона, но нарушил обычай, что уже стало достаточным основанием для Аппиана рассматривать дело Тиберия как революционное. Довершило же картину революционности драка, устроенная Гракхом и его сторонниками на Капитолии, вызванная отказом трибунов ставить на голосование его кандидатуру. Именно эти два обстоятельства и погубили «превосходный» план и самого реформатора.

Аграрное законодательство Тиберия Гракха стоит у Аппиана особняком не только потому, что с него начинаются смуты и нестроение в Риме, но в большей степени ввиду своего целеполагания. Как уже было отмечено, Гракх имел в виду пользу государства, что особенно отмечает наш историк, последующие же попытки изменить земельные отношения были направлены лишь на пользу отдельным личностям, стремившимся захватить верховную власть в Городе, наиболее наглядной из таких попыток являются земельные экспроприации и раздачи Луция Корнелия Суллы.

Сообщение о них очень кратко и являет собой лишь один из пунктов в длинном перечне всех бед, причиняемых новоявленным властителем населению (App. В.С. I, 96). Относительно него Аппиан совершенно однозначно и точно определяет целеполагание земельных раздач: они совершаются не во имя государства, но чтобы создать тирану слой преданных людей по всей Италии (App. В.С. I, 96). Земельные экспроприации Суллы для Аппиана являют своего рода эталон несправедливости, поэтому дальнейшие земельные мероприятия иногда сопровождаются ссылками на «счастливого полководца», так, Цезарь говорит своим легионерам: «я всем дам землю, и не так, как Сулла» (App. В.С. II, 94, пер. М. С. Альтмана), Марк Брут, обвиняя Цезаря в земельных экспроприациях, сравнивает его с Суллой (App. В.С. II, 140). Акцент в действиях Суллы в данном случае делается именно на

желании наказать непокорных. Аппиан даже не рассматривает в качестве мотива этих действий желание Суллы вознаградить своих ветеранов.

По смыслу сообщения близко к действиям Суллы стоят раздачи триумвиров¹³⁵. Они, после реформы Тиберия, освещены Аппианом наиболее подробно. Автор дает яркую картину бедствий, превосходящих по своим масштабам конфискации Суллы, ведь последний отбирал земли у городов, оказавших наибольшее сопротивление, триумвиры же выбрали наиболее процветающие области (App. B.C. IV, 3). При этом населению он приписывает понимание цели этого передела: «понимали, что война велась не ради пользы Рима, а в интересах правителей, желавших произвести государственный переворот. Награды раздавались и колонии учреждались для того, чтобы более уже не возрождалась демократия, так как устраивались для правителей поселения наемников» (App. B.C. V, 12, пер. Т. Н. Книпович). Этот мотив развивается далее — когда Луций Антоний и Фульвия пытаются провести своих людей в организацию выведения колоний, наш историк замечает, что ими двигало желание умалить славу Октавиана и поддержать влияние Антония (App. B.C. V, 14). Может быть, конечно, что столь яркое изображение действий брата и супруги триумвира, как предполагает Л. Кеппи, являются следствием пропаганды будущего принцепса, стремившегося переложить бедствия конфискаций на Антония¹³⁶, однако Аппиан придал этому оттенок борьбы за власть и влияние в войсках — чуть позже Антоний скажет, что «Цезарь оклеветал меня перед войском, будто из жалости к земледельцам я препятствую раздаче земель» (App. B.C. V, 39, пер. Т. Н. Книпович). Попытка же оправдать Октавиана проявляется в том, что, как особо отмечает Аппиан, он, несмотря на брожение в народе, вылившееся в движение Луция Антония, брата триумвира, ввиду отсутствия средств для

¹³⁵ Надо сказать, что близость своей политики сознавали и сами новоявленные властители, всячески стремясь дистанцироваться от счастливого полководца. Pitcher L. Appian // *Characterization in Ancient Greek Literature. Studies in Ancient Greek Narrative*. Vol. 4. Leiden, 2018. P. 216.

¹³⁶ Keppie L. J. F. *Colonisation and veteran settlement in Italy, 47–14 B.C. Rome*, 1983. P. 66.

наград капризному и сознающему свое главенствующее положение войску, был вынужден отбирать земли у италийских городов (App. BC. V, 15). Мотив зависимости Октавиана от войска сохранится и далее (App. BC. V, 16, 128).

Крайне противоречиво выглядит описание земельных мероприятий Цезаря в бытность его диктатором. Вплоть до описания его смерти в повествовании нельзя найти и следа каких-либо притеснений землевладельцам, более того, в одной из речей, что вкладывает в его уста историк, он говорит следующее: «Когда война будет закончена, я всем дам землю, и не так, как Сулла, отнимая ее у частных владельцев и поселяя ограбленных с ограбившими рядом, так что они находятся в вечной друг с другом вражде, но раздам вам землю общественную и мою собственную, а если нужно будет, и еще прикуплю» (App. B.C. II, 94, пер. М. С. Альтмана). Но сказано это восставшим легионерам, требовавшим до того увольнения и наград, поэтому представляется, что данные слова не имеют значения в сравнении с дальнейшими сообщениями, ведь после смерти диктатора ситуация меняется кардинальным образом. Здесь, в речи Марка Брута, Аппиан упоминает все ту же мысль, которую что мы ранее видели применительно к Сулле и триумвирам, и которая, как замечает Александр Тайн, является риторическим приемом¹³⁷: «Но этого-то как раз и хотели тираны: не того, чтобы вы получили землю, которую они могли и в другом месте добыть и вам предоставить, а чтобы вы имели пред собою строящих козни врагов и всегда были бы надежными стражами [...] власти [...]»¹³⁸ (App. II, 141, пер. О. О. Крюгера). Более того, Брут здесь ставит действия Цезаря-диктатора в один ряд с мероприятиями Суллы, при этом проявляя значительную осведомленность о выводе ими колоний: «Они поселяли вас в

¹³⁷ Thein A. Sulla's Veteran Settlement Policy // Daubner F. (Hg.) *Militärsiedlungen und Territorialherrschaft in der Antike*. Berlin, 2011. P. 82. Хотя Вернер Шур считает эту мысль, по крайней мере, применительно к Сулле верной, см.: Schur W. *Das Zeitalter des Marius und Sulla*. Leipzig, 1942. S. 229.

¹³⁸ Из этих слов опять видно, что для Аппиана основой всех действий с землей эпохи гражданских войн является личная воля претендента, ведь он полностью исключает желание ветеранов селиться не в глухих провинциях, а именно в Италии.

колониях большими массами со знаменами, в военном снаряжении, так что вы не знаете мирного покоя от тех, кто был прогнан» (App. II, 141, пер. О. О. Крюгера). Сложно представить, чтобы Аппиан вложил в уста человеку, говорящему перед лицом самих ветеранов, пустые слова. К тому же в третьей книге упоминаются многочисленные судебные процессы, которые велись против Октавиана, как наследника Цезаря, из-за земельных участков, при этом тяжущиеся указывали, что «земля была отнята [его отцом] при проскрипциях в результате происшедших конфискаций, изгнаний и казней» (App. III, 22, пер. О. О. Крюгера), однако аргументы Октавиана о том, что Цезарь покупал эти участки, не принимались в расчет, будущий триумвир терпел одно судебное поражение за другим.

Вопрос о конфискациях Цезаря является дискуссионным¹³⁹, возможно, вскрывшиеся после смерти Цезаря свидетельства о притеснениях являются плодом недовольства тех землевладельцев, которые под давлением должны были уступить свою землю в обмен на некие обещания диктатора о будущих компенсациях, неосуществленных после его смерти¹⁴⁰. Однако для Аппиана эти конфискации безусловно существовали и были даже сравнимы с сулланскими, ведь и цель указана та же. Представляется, что такой перенос критики земельных раздач диктатора в повествование о делах, происходящих уже после его смерти, являют собой художественный прием, ведь основная тяжесть этой критики вложена в уста врага Цезаря. Отмечу также, что Аппиан, вероятно, здесь следует оптиматской традиции, представленной в т.ч. в письмах Цицерона, из которых мы узнаем, по выражению Малица, что «поездки цезаревых землемеров были предметом постоянного страха землевладельцев»¹⁴¹.

¹³⁹ Schneider H. C. Das Problem der Veteranenversorgung in der späteren römischen Republik. Bonn, 1977. S. 187.

¹⁴⁰ Keppie L. J. F. Colonisation and veteran settlement in Italy, 47–14 B.C. P. 55.

¹⁴¹ Malitz J. Die Kanzelei Caesars – Herrschaftsorganisation zwischen Republik und Prinzipat // Historia. Zeitschrift für Alte Geschichte. 1987. Bd. 36. S. 62.

Довольно поверхностным выглядит описание Аппианом земельного закона Цезаря, который был принят в бытность его консулом. По поводу него Аппиан ограничивается коротким сообщением: «Цезарь же тем временем тайно вербовал себе большую дружину, вносил в сенат законы в пользу бедных, раздавал им земли, а лучшую землю, особенно вокруг Капуи, которая предоставлялась всем для заселения, предложил раздать людям, имеющим троих детей» (App. В.С. II, 10, пер. С. И. Ковалева). Изображение данного закона у Аппиана следует рассматривать не в контексте развития земельных отношений в Риме, но лишь применительно к борьбе Цезаря со своим коллегой по консульству, Бибулом, поскольку будущий диктатор выдвигает его затем, чтобы обеспечить себе народную поддержку. Цезаря поддерживают Помпей с Крассом, но не потому, что он был выдвинут в интересах ветеранов Помпея¹⁴², а лишь ввиду союза с будущим диктатором. На стороне Бибула же выступает сенат, оказывающий жестокое сопротивление новому закону и связанной с ним растущей популярности Цезаря. Аппиану не интересна сущность закона, он не приводит его истории, долгой борьбы вокруг наделения ветеранов Помпея землей, более того, он смешивает два земельных мероприятия Цезаря — раздачу земель бедным и раздел кампанского поля — это не имеет для него никакого значения¹⁴³, в повествовании на его месте мог быть некий абстрактный *lex frumentaria*, сущность эпизода от этого бы никак не изменилась, ведь, как и Помпей с Крассом поддерживают Цезаря не именно из-за данного закона, так и сенат противостоит не самому закону, а Юлию, ведь никаких даже малейших замечаний с их стороны по существу в тексте нет, лишь чрезвычайно драматические и отчаянные попытки обструкции. И такое изображение не оригинально, но при этом характерно для Аппиана. Мотив обструкции и земельного закона в качестве средства приобретения власти можно встретить

¹⁴² Schneiderhan V. Die Politik des Caius Julius Caesar in seinem ersten Konsulat. Rottweil, 1839. S. 11.

¹⁴³ Steide W. Beobachtungen zu Appians 'ΕΜΦΥΛΙΑ'. S. 407.

у Светония (Suet. D.C. 20), Веллея Патеркула (Vell. Pat. II, XLIV, 4–5) и Плутарха в биографиях Цезаря (Plut. Caes. 14) и Помпея (Plut. Pomp. 47). В плутарховой биографии Катона Младшего встречается замечание, что Помпей, не найдя поддержки в сенате относительно своих распоряжений на Востоке, «стал призывать солдат к разделу земли» (Plut. Cat. Min. 31), сблизился с Цезарем, который и провел нужный закон, однако и здесь, описывая земельные законы Цезаря, Плутарх делает акцент на политическом влиянии, который дает этот закон, чем он, собственно, и плох (Plut. Cat. Min. 31, 34). И лишь Дион Кассий останавливается на неудаче Помпея с земельным законодательством очень подробно, рассказывая среди прочего о законопроекте Луция Флавия о наделении земель ветеранов Помпея, предусматривающим и участие в разделе простых граждан, что было сделано в целях привлечения народа к положительному мнению о законе (Dio Cass. XXXVII, 49). Однако и он, подобно Плутарху и остальным, говоря о земельном законе Цезаря, пишет, что тот искал расположения народа (Dio Cass. XXXVIII, 1).

Теперь перейдем к рассмотрению во многом сходного с *lex Julia* земельного закона Апулея Сатурнина, коего некоторые обстоятельства принятия, как отмечал еще Вернер Шур, были неверно поняты уже современниками¹⁴⁴. По мнению Аппиана, он был задуман, чтобы расправиться с политическими врагами, для которых принятие его по какой-то причине было принципиально невозможным, в результате чего сущность закона отходит в повествовании на второй план — противоречия между городским плебсом и сельским населением, преимущественно италийцами, многие из которых были ветеранами Мария, в пользу которых и был выдвинут этот законопроект, выступает лишь как фон основного противостояния Апулея, Главции, Мария и сената. При этом Марий в принятии данного закона — явно второстепенная фигура, поскольку его еще

¹⁴⁴ Schur W. Das Zeitalter des Marius und Sulla. S. 90.

ранее склонил к союзу Апулей и Главция (App. В.С., I, 29), основной его мотив — неприязнь к Квинту Цецилию Метеллу, его ветераны — не цель, а средство в принятии закона, в результате представляется очевидным, что содержание закона совершенно не имеет значения, ведь он — просто средство к устранению врагов.

Хотя Вернер Шур пишет, что сопротивление сената было вызвано самой сущностью закона¹⁴⁵, однако представляется, что сам закон должен был удовлетворить народные интересы, не затрагивая существующих земельных отношений в самой Италии¹⁴⁶. В принципе, здесь было уместным замечание Клауса Брингманна о том, что «Даже противники законов о наделении среди оптиматов не имели принципиальных возражений против колонизации и выделения земли, если они выполняли важную общественную функцию, а приобретение земли не противоречило документально подтвержденным правам собственности»¹⁴⁷. Однако конфликт стал принимать угрожающие формы, но при этом причины его в повествовании Аппиана (и Плутарха), на первый взгляд, кажутся неясными. Конструктивных возражений против раздела освобожденных от кимбров и ставших государственными земель в тексте не видно. Более того, противление закону не может быть объяснено и личной неприязнью сенаторов к Марию и его товарищам, поскольку в повествовании сенат полностью доверяет Марию, что, кстати, Фредерику Мюллю кажется фантастическим¹⁴⁸, а относительно Сатурнина проявляет смешанные чувства — второй цензор не поддержал Метелла в его намерении исключить популяра из сената¹⁴⁹ (App. В.С., I, 28). Можно сказать, что эта запутанность объясняется не совсем удачным построением эпизода у Аппиана — сам закон кажется той самой софизмой, что придумали Апулей и

¹⁴⁵ Schur W. Das Zeitalter des Marius und Sulla. S. 89.

¹⁴⁶ Schneider H. Die Entstehung der römischen Militärdiktatur Krise und Niedergang einer antiken Republik. Stuttgart, 2017. S. 93.

¹⁴⁷ Bringmann K. Krise und Ende der römischen Republik (133–42 v. Chr.). Berlin, 2003. S. 54.

¹⁴⁸ Muhl F. V. De L. Apuleio Saturnino tribuno plebis. Basileae, 1906. P. 32.

¹⁴⁹ Гельмут Шнайдер полагает, что цензоры отказались от своего замысла из-за народного возмущения. Schneider H. Die Entstehung der römischen Militärdiktatur Krise und Niedergang einer antiken Republik. S. 92.

Марий, однако движущей силой эпизода является не он, а добавление, сделанное к нему — клятва, которую обязан был дать сенат. Можно сказать, что земельный закон упоминается потому, что с ним связана клятва — другие важные мероприятия Сатурнина Аппиана не интересуют¹⁵⁰. На нее делает упор в своих выступлениях перед сенатом Марий (App. В.С., I, 30), она является основным препятствием к принятию закона, что ясно видно из мотивации Метелла — он отказывается дать клятву из-за гордыни, «ὄλο φρονήματος» (App. В.С., I, 29). Именно это добавление позволяет спровоцировать сенат. Хотя стоит отметить, что такое построение эпизода, очевидно, не принадлежит собственно Аппиану, который пишет в русле общей оптиматской традиции, которая почти единодушна в данном вопросе¹⁵¹, к примеру, если сравнить описание деятельности Апулея у Аппиана с другими источниками, то можно заметить, что у Плутарха, к примеру, этот эпизод повторяется почти в точности, за исключением того, что не Мария привлекли Апулей и Главция для избавления от Метелла, а он их для той же цели (Plut. Mar. 28). И точно так же у Плутарха основой эпизода является гордыня сената, которому противно принуждение клятвой: «даже если закон и не плох, наглость— заставлять сенат принять его не по доброй воле, а по принуждению» (Plut. Mar. 29). Фредерик Мюллер логично полагает, что описания этого эпизода у Плутарха и Аппиана имеют один источник¹⁵², что, однако, на мой взгляд, не умаляет характерности такого описания для мировоззрения Аппиана. Наиболее точно мотив деятельности этих персонажей находим у Павла Орозия, где он, вовсе не упоминая земельного закона, указывает, что «Марий, [...] Главкия и [...] Сатурнин сговорились тайным образом, во что бы то ни стало, отправить в изгнание Метелла Нумидийского» (Paul. Oros. Н. с. р. XVII, 4, В. М. Тюленева). И лишь Аврелий Виктор, сравнительно подробно описывая саму сущность

¹⁵⁰ Steide W. Beobachtungen zu Appians 'ΕΜΦΥΛΙΑ'. S. 422.

¹⁵¹ Schwartz Ed. Appianus 2 // RE. Bd. II, 1. 1895. S. 261–269.

¹⁵² Muhl F. V. De L. Apuleio Saturnino tribuno plebis. P. 33.

законодательства, указывает причиной, побудившей Апулея его выдвинуть, желание завоевать популярность у ветеранов Гая Мария (Aur. Vict. d. V. ill. 73, 1). Более того, у него требование клятвы четко отделено от самого закона (Aur. Vict. d. V. ill. 73, 6–7).

Подобное же политическое толкование земельного мотива мы можем видеть и в описании мятежа Лепида, где из всей программы консула Аппиан оставил лишь обещание отдать италийцам землю, отнятую у них Суллой (App. B.C. I, 107). При этом обещание это упоминается мимоходом и дается оно, не потому что Лепид желает исправить злодеяния Суллы, или вообще отменить его установления, но лишь из стремления его победить в очередной распре. Более того, мотив этого передела так и не выходит за пределы этой главы: Аппиан не упоминает его последствий, вылившихся в восстание в Фезулах или в Этрурии¹⁵³.

Также стоит отметить, что работе нашего историка нет даже малейшего упоминания закона Сервилия Рулла, который являлся одним из важнейших событий в истории аграрного законодательства той эпохи. Отсутствие его можно объяснить и простым незнанием, но скорее всего он просто не был интересен Аппиану, который рассматривал земельные законы послегракханского времени в качестве политического инструмента в борьбе за власть. Закон же Сервилия открыто не ставится в связи с какой-нибудь сильной личностью, более того, он не был принят, а значит не повлиял на продвижение этой самой личности. Это – вообще очень характерная черта Аппиана – пропускать дела менее значимые, по его мнению, как пишет Александр Доминик¹⁵⁴.

Об отсутствии специального интереса к земле или даже об отрицательном отношении Аппиана ко всем земельным переделам свидетельствует также и то, что несмотря на всю религиозность нашего

¹⁵³ Rosenblitt J. A. Rome after Sulla. London, 2019. P. 48.

¹⁵⁴ Dominicus A. De indole Appiani Alexandrini Graeci Romanarum gestarum scriptoris. P. 16.

историка¹⁵⁵, земля и религия идут в тексте параллельно, никак и никогда не соприкасаясь, хотя земельный вопрос прямо подталкивает к этому¹⁵⁶, ведь одной из черт, часто встречающейся при описании этого вопроса, является упоминание домашних богов. К примеру:

Рад своих клиентов ты
 Присвоить землю, – и чета несчастных
 С грязными ребятами
 Богов отцовских тащит, выселяясь...

(Hor. Od. II, 18, пер. Н. С. Гинцбурга)

Ювенал в XIV сатире также противопоставляет жадность латифундистов набожности простых земледельцев (Juv. Sat. XIV, 180). Мелибей в первой Эклоге у Вергилия говорит: «Поле, возделанным мной, завладеет вояка безбожный» (Verg. Buc. Ecl. I, 70, пер. С. В. Шервинского). Можно взять пример более близкий нашему автору: Плутарх, передавая речь Тиберия Гракха по поводу своего закона, приводит следующие слова: «ни у кого из такого множества римлян не осталось отчего алтаря, никто не покажет, где могильный холм его предков» (Plut. Grac. 9, пер. С. П. Маркиша). Сам Гракх мог использовать этот мотив¹⁵⁷, но у Аппиана в параллельном месте мы этого не встречаем, поскольку наш историк не воспринимал обезземеливания крестьянства, он не был знаком с этим явлением, несмотря даже на то, что примерно в его время этот процесс все еще продолжался на территории Италии. Он глух чаяниям народа, что сам подчеркивает при описании целеполагания Гракха: государство важно для него, не народ, что, кстати, говорит как о его происхождении и жизни в столице бывшего эллинистического государства с крайне своеобразным социально-экономическим устройством, так и о процессах в общественном сознании жителей Империи, что происходили в его время.

¹⁵⁵ Kramer G. Theologumena Appiani. P. 13.

¹⁵⁶ Гревс И. М. Очерки из истории римского землевладения. Т. 1. СПб, 1899. С. 165.

¹⁵⁷ Stern E. von. Zur Beurteilung der Politischen Wirksamkeit des Tiberius und Gaius Gracchus. // Hermes. 1921. Bd. 56. H. 3. S. 231.

В заключение же скажу, что, как справедливо пишет Гельмут Шнайдер, «Оптиматы больше не могли видеть социально-политические проблемы ни в каком другом аспекте, кроме политики силы»¹⁵⁸. Аппиан в своем описании земельных мероприятий как раз строго придерживается этого взгляда. Каждое земельное мероприятие рассматривается им с точки зрения политического содержания и методов его проведения, т.е. Аппиан, как ему кажется, пытается докопаться до истинного мотива этих мероприятий, который неизменен почти на протяжении всего повествования — борьба за власть, ввиду чего содержание земельных законов порой сильно искажается, всякая социальная сторона их исключается или задвигается на второй план, что касается в особенности необходимости наделения ветеранов землей, которая открыто и четко присутствует только в деятельности триумвиров, да и там несколько скрадывается указанием на политическое значение выведения колоний в Италии. Даже в реформе Тиберия Гракха для Аппиана важен именно политический аспект как с точки зрения цели, коей является благополучие государства, а вовсе не отдельных римлян, так и методов политической борьбы, в результате которых были попорчены старые обычаи, и даже убиты должностные лица, что составляет особенный интерес нашего автора¹⁵⁹. При этом те законопроекты, которые не вызвали острой политической борьбы, как творения Сервилия Рулла или Луция Флавия, им вовсе не упоминаются. Хотя многие указанные эпизоды имеют значительное сходство с параллельными местами других источников, все же представляется, что единство их описания говорит о мировоззрении самого историка, которое, конечно, сформировалось под сильным влиянием оптиматской традиции.

¹⁵⁸ Schneider H. Die Entstehung der römischen Militärdiktatur Krise und Niedergang einer antiken Republik. S. 190.

¹⁵⁹ Steide W. Beobachtungen zu Appians 'ΕΜΦΥΛΙΑ'. S. 419.

ГЛАВА III. РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ В ИСТОРИИ АППИАНА

3.1. Народ как действующее начало в «Гражданских войнах»

Хорошо известно, насколько народ Древних Афин был политически активен, настолько народ римский выказывал свою пассивность, однако это не значит, что в историографии в целом и у Аппиана Александрийского, в частности, он не занимает сщественного места, достаточно посмотреть на количество упоминаний слова δῆμος в трудах древних авторов, к примеру, у Фукидида, оно встречается 119 раз, а у Аппиана — более 180. Уже Генрих Ульрици заметил, что, конечно, пристальное внимание Аппиан уделяет личности, но и нередко обращает внимание на состояние народа¹⁶⁰. При этом роли народа в труде Аппиана, насколько мне известно, за исключением Мартина Хозе никто не уделял должного внимания, однако и у него в работе внимание прежде всего устремлено на упрощение Аппианом социальных отношений народа и высших классов, т.е. слабо выраженным понятием о клиентеле, помимо чего он фактически констатирует неутешительное мнение Аппиана о моральном разложении римского народа¹⁶¹. Этьен Фамери в своей работе о языке Аппиана вовсе ограничивается замечанием, что у Аппиана нет четкой системы использования δῆμος и сопредельных ему слов¹⁶².

В данном параграфе я попытаюсь шире охарактеризовать содержание «δῆμος» и связанных с ним понятий в «Гражданских войнах» Аппиана, а также его эволюцию.

Употребление понятия народ у историка на протяжении повествования различно: в некоторых местах им обозначаются все римляне, в иных — римские граждане, за исключением сенаторов и всадников. Так, при описании предшествующих нестроений в римском государстве, Аппиан противопоставляет народ и сенат: «Между римским народом и сенатом часто

¹⁶⁰ Ulrici H. von. Charakteristik der antiken Historiographie. S. 242.

¹⁶¹ Hose M. Erneuerung der Vergangenheit. Die Historiker im Imperium Romanum von Florus bis Cassius Dio. S. 283–285.

¹⁶² Famerie É. Le latin et le grec d'Appien: contribution a l'étude du lexique d'un historien grec de Rome. Paris, 1998. P. 108.

происходили взаимные распри по вопросам законодательства, отмены долговых обязательств, раздела общественной земли, выбора магистратов» (App. В.С. I, 1, пер. С. А. Жебелева), после чего он вообще сообщает, что «Сенат и народ как бы разделились на две партии» (App. В.С. I, 1, пер. С. А. Жебелева). Казалось бы, все дальнейшее повествование мы будем наблюдать драматичную борьбу этих двух сил со все большим включением в нее третьей силы, личности и подвластного ему войска, однако картина представляется несколько иначе.

Так, уже в самом начале, в предыстории земельного вопроса, являющейся вступлением к рассказу о реформах Тиберия Гракха, описываемая борьба за законодательство Лициния–Секстия полностью лишена упоминания сената. Народ по предложению народных трибунов «с трудом» устанавливает известные условия владения землей (App. В.С. I, 8). Можно подумать, что в этом «μóλις» и сосредоточена ожесточенная борьба патрициев и плебеев, ведь в рассказе Ливия земельный закон знаменитых трибунов стоит в ряду других реформ, направленных против патрицианского господства (Liv. VI, 35). У Аппиана же мотив совершенно иной, а именно — забота о военном могуществе государства, ведь если не принять такой закон, «Италия не даст ему [Риму] больше союзников в достаточном числе, да и создавшееся положение станет опасным из-за такой массы рабов» (App. В.С. I, 8, пер. С. А. Жебелева). Это значит, что все граждане Рима, патриции и плебеи, богатые и бедные, сенаторы, всадники и простой народ сплотились в единый демос, принявший решение ограничить себя в размерах землепользования.

Однако уже при описании движения братьев Гракхов демос раскалывается на две группы, богатых и бедных, враждующих друг с другом, к которым присоединяется третья «толпа» — италийцы, также заинтересованные в разрешении земельного вопроса (App. В.С. I, 10), хотя и четко отделяемые от «δῆμος» (App. В.С. I, 19). Все эти группы пока

чрезвычайно активны, ведут ожесточенную борьбу за свои интересы, которые очень ярко обрисованы в повествовании, к примеру, так: «Заимодавцы ссылались на долговые обязательства, связанные с землей; некоторые указывали, что земля их принадлежит кредиторам по долговым обязательствам. В общем, стоял стон и негодование» и «Со своей стороны бедные жаловались на то, что из людей, обладавших достатком, они обратились в крайних бедняков, что вследствие этого жены их бесплодны» (App. В.С. I, 10, пер. С. А. Жебелева). Со времени Гая Гракха противники бедняков дробятся далее — теперь уже они составляют группы сенаторов и всадников, со времени судебной реформы Гая Гракха начинается их жестокое противостояние, доходящее до «неприкрытого издевательства» всадников над сенатом (App. В.С. I, 22).

Стоит отметить, что народ в это время еще играет большую, хотя и относительно пассивную, роль в политической жизни Рима, его поддержки вынужден активно искать как сенат, изыскивая разные способы его задобрить, так и личность, представленная прежде всего фигурами братьев-реформаторов (App. В.С. I, 23). И если Тиберий имел всю поддержку народа вплоть до своей смерти, то у Гая ее ловко перехватил сенат, что приблизило трагическую развязку его деятельности (App. В.С. I, 24).

Если здесь мы еще видим противостояние народа и оптиматов, оптиматов и всадников, то в эпоху Мария и Суллы картина постепенно меняется. Личность получает все большую силу, постепенно занимает главенствующую роль. Так, в описании земельного закона Апулея Сатурнина все повествование сосредоточивается на интригах Мария, Главции и самого Апулея против Метелла, народ же играет очевидно подчиненную роль, о его интересах говорится очень кратко. В данном эпизоде можно заметить, что понятие народа подвергается дальнейшему дроблению: в повествовании встречаются три действующих силы, подходящих под понятие народ: сам «δῆμος», затем — «πολιτικὸς ὄχλος» и «ἀγροίκου». «δῆμος» выражает

недовольство законом, поскольку он «направлен на пользу италийцам», но сразу затем противостоящие стороны именуется как «сельчане», составляющие сторонников Апулея, и «горожане», его противники. Хотя и есть некий резон в том, чтобы предположить, что под демосом предполагаются именно горожане, а под поселянами — италийцы, как это неоднократно делалось¹⁶³, однако предполагаю, что «δῆμος» — более общее понятие, включающее противоборствующие группировки. Эту мысль, кажется, опровергает следующее место: «ὁ δὲ δῆμος ἀγανακτῶν ἐς τὴν ἐπιούσαν ἡμέραν μετ' ὀργῆς συνέτρεχεν ὡς κτενοῦντες τὸν Ἀπουλήιον. ὃ δ' ἄλλο πλῆθος ἀλίσας ἀπὸ τῶν ἀγρῶν μετὰ Γλαυκίου καὶ Γαΐου Σαυφηίου ταμίου τὸ Καπιτώλιον κατέλαβε» (App. В.С. I, 32), в котором «δῆμος» противостоит «πλῆθος ἀπὸ τῶν ἀγρῶν», однако такое противопоставление было и в другом месте (App. В.С. I, 13), где толпа сопровождает Гракха до дома, народ же думает над судьбой его закона, из какового места можно заключить, что «δῆμος» включает в себя «πλῆθος», так следует понимать и вышеприведенное место: не «δῆμος», но одна часть его против другой. Это подтверждает и речь Мария перед сенатом, в которой он говорит, что боится демоса, и предлагает дать клятву, чтобы сельчане, поддерживающие закон ушли (App. В.С. I, 30). В результате здесь мы можем увидеть, что народ оказался разделен на две враждующие группировки, из противостояния которых вышла победителем личность.

Роль личности увеличивается, как на это указывает сам Аппиан, во время Союзнической войны, по окончании которой на фоне продолжающейся борьбы между старыми силами, т.е. народом, сенатом, всадниками (App. В.С. I, 36), выдвинулись вожди, которые «в борьбе между собой прибегали не к внесению законопроекта, не даже к заискиванию перед народом, но к сплочению военной силы» (App. В.С. I, 34). Наиболее ярко новый тип личности проявился в первом захвате Суллою Рима, во время которого народ

¹⁶³ Schur W. Das Zeitalter des Marius und Sulla. S. 90.

предстает перед нами опять в качестве единого, но немого целого, перед которым Сулла и его товарищ Помпей откровенно осуждают всех, ищущих его расположения, ограничивают власть народных трибунов, пытаются сосредоточить все полномочия в руках другой силы, также выступающей в пассивной роли, — сената (App. В.С. I, 59). Казалось бы, личность восторжествовала над старыми коллективными силами, однако Сулла неожиданно отказывается от единоличной власти, и мы вновь можем увидеть народ в качестве самостоятельной и, что важно, сознательной силы, поскольку демос, удивленный сложившейся ситуацией подобно Аппиану, самостоятельно назначает Квинта Помпея, одного из душителей своих свобод правителем Италии и передает под его начало войско, которое должно его охранять от «στασιῶται», ограниченной группы сторонников изгнанных, ради их возвращения готовых на убийство консулов, т.е. полностью противоположных демосу, ставящих свои узкие интересы выше блага государства (App. В.С. I, 63).

С отбытием Суллы на войну с Митридатом народ снова подвергается дроблению: те самые «στασιῶται» подстрекают новых граждан к возмущению. К этим «νεοπολίται» присоединяется Цинна, лучшая же часть народа, «τὸ καθαρώτερον πλῆθος», под которыми разумеются старые граждане, примкнула к консулу Октавию (App. В.С. I, 64). Во всем этом эпизоде нет упоминания демоса, лишь «ὅσοι δ' αὐτῷ συνῆσαν», «πλῆθος», «οἱ μὲν ἀμφὶ τὸν Κίνναν προλαβόντες». Лишь чуть позже, когда Цинна заискивал перед войском, стоящим в Капуе, мы можем увидеть понятие демос, упоминаемое им, когда он указывает, что был избран народом, лишен же должности сенатом: «ὁ γὰρ δῆμος ἐχειροτόνησεν· ἡ βουλή δ' ἀφείλετό με χωρὶς ὑμῶν» (App. В.С. I, 65). Какой контраст! Бывший консул упомянул о народе в тот момент, когда этот самый народ, расколовшись на две враждующие группировки, перестал существовать. По возвращении Мария и Цинны в Город картина разложения римского общества начинает приобретать все

более угрожающий характер: борьбу между собой теперь ведут не только партии, но и отдельные личности: «ἄλλος ἤν τῶν στασιωτῶν φόνος ἐς ἀλλήλους ἀνεύθυνος» (App. В.С. I, 73).

С приходом Суллы ничего не меняется, народа все также нет: в посланиях Луция Корнелия он дробится на личных врагов будущего диктатора и прочих граждан, среди которых также проводится разделение на новых и старых (App. В.С. I, 77). Более того, во время переговоров Сулла предоставляет возможность спастись своим врагам, если Город того пожелает: «τῆ πόλει δ' οὐ φθονήσειν χαρίζομένη τὴν σωτηρίαν αὐτοῖς» (App. В.С. I, 79). Город, а не народ, т.е. опять некая часть народа, фракция, партия. Да и разве можно назвать народом тех, против кого выступает этот же народ, поэтому и после можно встретить слова «находящиеся в городе», «οἱ δ' ἐν ἄστει» (App. В.С. I, 81). И далее, когда Аппиан говорит о том, что общественное мнение склонялось в пользу консулов, а не Суллы, шедшего войной против родины, он все же использует выражение «ἡ εὖνοια τῶν ἀνδρῶν» (App. В.С. I, 82), опять-таки имея ввиду тех, кто находится в городе и чувствует себя соучастником преступлений наиболее активных противников Суллы (τῶν ἀντιστασιωτῶν, App. В.С. I, 89). Этот мотив дробления сохранится с перерывами на протяжении почти всего повествования.

Народ вновь появляется лишь после победы Суллы в гражданской войне, когда он, почти уничтоживший противную партию, собирает римлян на народном собрании и объявляет, что улучшит положение народа («ὅτι τὸν μὲν δῆμον ἐς χρηστὴν ἄξει μεταβολήν», App. В.С. I, 95). И появляется народ вновь, как и в случае Цинны, лишь в качестве некоего риторического допущения, мысленной абстракции, появляется для того, чтобы оттенить разобщенность римского общества, в котором перед лицом сулланских проскрипций более не остается никаких связей, ни дружеских, ни родственных, каждый встречает свою смерть в одиночестве (App. В.С. I, 96).

Все правление Суллы мы не видим народа: когда он намеревается устроить игры, чтобы дать отдохнуть населению, Аппиан использует не «δῆμος», а «πλῆθος» (πρόφασις δ' ἦν ἀναπνεῦσαι καὶ ψυχαγωγῆσαι τὸ πλῆθος ἐκ καμάτων, App. В.С. I, 99), когда диктатор созывает людей в народное собрание, то также собирается не народ, а толпа (καὶ συναγαγὼν τὸ πλῆθος, App. В.С. I, 101). И только перед самым сложением власти Суллою мы снова встречаем демос (τῷ δ' ἐξῆς ἔτει ὁ μὲν δῆμος καὶ τότε τὸν Σύλλαν θεραπεύων ἤρεϊτο ὑπατεύειν, App. В.С. I, 103).

Со смертью Суллы все как будто приходит в порядок, и вот мы уже можем увидеть перечисление традиционных политических сил Республики: сенат, всадники и демос («βοῆ δ' ἐλευφῆμουν ἢ τε βουλή πρώτη καὶ οἱ ἰππέες ἐν μέρει, εἶθ' ὁ στρατός, εἶθ' ὁ δῆμος», App. В.С. I, 106). Однако личность уже играет в Риме определяющую роль, что демонстрирует нам окончание первой книги, в которой после завершения войны со Спартаксом демос, т.е. весь народ, в страхе перед новыми междоусобиями униженно просит Помпея и Красса пойти на примирение (App. В.С. I, 121).

Во второй книге «δῆμος» в большей степени употребляется в речах ораторов (App. В.С. II, 50, 129, 138, 140), хотя иногда Аппиан его использует в смысле «народного собрания» (App. В.С. II, 12, 31, 119), иногда как обозначение количества населения (τὸ δὲ τοῦ δήμου πλῆθος; App. В.С. II, 102), как верховного собственника земли (τὴν τοῦ δήμου γῆν; App. В.С. II, 94). Однако достаточно часто употребляется он и самим Аппианом, при этом складывается впечатление, что во второй книге народ буквально проснулся ото сна, и сердца его сыновей снова полны болью за свое отечество. Действительно, Брута сподвигает своими надписями народ (App. В.С. II, 112), народ же радуется, когда Цезарь отклонил диадему, протянутую ему Антонием (App. В.С. II, 109), ропщет, когда кто-то назвал его басилеем (App. В.С. II, 108), надеется на возвращение демократии, глядя на поведение Цезаря (App. В.С. II, 107), печалится, когда получает новости о победах в

братоубийственных войнах (App. В.С. II, 101), надеется на примирение Помпея и Цезаря с тем, чтобы в государстве сохранялось равновесие сил, и не установилась бы монархия (App. В.С. II, 27, 48), трепещет перед воспоминаниями о сулланских злодеяниях¹⁶⁴ (App. В.С. II, 36, 40, 41), приветствует подавление заговора Катилины (App. В.С. II, 7), даже устраивает потасовку с солдатами Помпея (App. В.С. II, 24). Представляется, что Город был исполнен прореспубиканскими настроениями, на которые, в конце концов, надеялись заговорщики, планируя убийство Цезаря. Однако берусь утверждать, что все поведение народа в данной книге — это проецирование иллюзий Брута, Кассия и их товарищей, ведь уже до важнейшей для темы 120-й главы мы можем заметить, что народ можно подкупить (App. В.С. II, 19, 22), народ за щедрые раздачи (App. В.С. II, 1) может активнейшим образом потворствовать почти тираническому правлению Цезаря в его первый консулат (App. В.С. II, 10, 12), сама же упомянутая глава сподвигает нас перечитать всю книгу, зная ее содержание: после убийства Цезаря заговорщики решили переманить плебс на свою сторону денежными раздачами, нелогичность какого-то поступка удивляет Аппиана, ведь тираноубийцы желали, «чтобы окружающие их любили свободу и, одновременно, за плату служили их интересам» (App. В.С. II, 120). Далее же наш автор пространно рассуждает о порче уже всего римского народа в целом, который смешался с рабами, вольноотпущенниками, иностранцами, плутнями всех мастей, ветеранами и т.д. Т.е. наш автор уже в принципе не признает некоего единого, истинно (ἀκριβῶς) римского народа, каковой оказывается разделен и перемешан. Все предыдущее употребление «δῆμος» как бы оскверняется этим пассажем, мы уже не можем верить в искренность народных масс.

¹⁶⁴ Здесь, кстати, народ как совокупность противопоставляется личности, т.е. Цезарю, поскольку последний стремится привлечь «δῆμος» на свою сторону.

И держа это памятью, нетрудно убедиться, что, если предыдущая республиканская направленность народа была просхемой, как выразился бы Аппиан, то последующие цезарианские настроения безусловно являются горькой правдой, свидетельствующей о его все возрастающем моральном разложении, яркий пример чего — ненависть демоса по отношению к заговорщикам после оглашения завещания, когда народ в гневе начал громить Рим и убивать ни в чем не повинных сограждан и должностных лиц (App. В.С. II, 143, 146, 147, 148).

В третьей книге остаются неизменными две закономерности: «δῆμος» все еще обозначает общность большую, нежели «πλῆθος» (App. В.С. III, 23), также Аппиан по-прежнему вкладывает «δῆμος» в уста различным политикам (App. В.С. III, 13, 15, 17, 20, 22, 28, 32, 34, 35, 39, 54, 55)¹⁶⁵, но при этом кажется, что в целом использует это понятие беспорядочно, что неудивительно, ведь само понятие это дискредитировало себя во второй книге, представляется, что теперь под ним разумеется народная масса, которая продолжает беспорядки, начатые в конце второй книги (App. В.С. III, 1), более того, здесь мы можем увидеть, как «иной» народ восстает на Антония, поддерживаемого народом (ὁ ἄλλος δῆμος и ὑπὸ τοῦ δήμου; App. В.С. III, 3), позже народ, надо полагать, в совокупности начинает Антония ненавидеть (App. В.С. III, 4), Антоний же, хотя использует народ в качестве предлога к своей деятельности, но сознает все его падение, всю его бессознательность и непостоянство (App. В.С. III, 20).

Дальше же Аппиан употребляет «δῆμος», как правило, совокупно с мотивом его подкупа, «раздач» и «обходов», совершаемых, к примеру, Октавианом (App. В.С. III, 21, 23), чем тот, несомненно, и завоевал большую популярность в народе (App. В.С. III, 31), что позволяет ему, а позже и всей

¹⁶⁵ В данном месте, как и ранее, различные персонажи пытаются показать себя выразителями воли народа, поэтому употребление «δῆμος» вполне понятно и дополнительных объяснений не требует.

цезарианской партии, успешно бороться с сенатом, противопоставляя ему демос (App. В.С. III, 49, 51, 92).

Все же представляется, что и в третьей книге Аппиан играет с «δῆμος» не просто так, но с неким умыслом, каковой довольно легко разглядеть: если не вдаваться в контекст и посмотреть лишь на народ, то сложится его крайне любопытный образ — он будет во всем напоминать «исконный римский народ», подобно ему он державно вмешивается в политику, отдает распоряжения, спорит с сенатом и т.д. Удивительная параллель! Однако при этом мы не должны забывать, что на этот момент никакого римского народа в высоком смысле больше нет, а есть масса, целиком продавшаяся очередным претендентам, в пользу каковых она и выражает свое державное мнение.

В четвертой книге, помимо традиционных речей (App. В.С. IV, 91, 92, 96, 97), демос будто парализован — он лишь дает моральную оценку того или иного события (к примеру, App. В.С. IV, 41), поскольку значительная часть книги и посвящена проскрипциям Антония и Октавиана.

В пятой же книге мы видим облик народа, дошедший до своего логического завершения — он больше не решает вообще ничего, что выходит за пределы его собственного благополучия, нет даже и видимости его влияния и значения, он подобен ленивому животному, которое готово на какое-либо действие лишь тогда, когда от этого зависит его пропитание. Так, доведенный экономической политикой триумвиров до отчаяния, демос провозглашает Луция Антония, руководителя восстания против Октавиана, императором (App. В.С. V, 31), после чего народ снова упоминается при взрыве недовольства от приказа Цезаря уплатить новый военный налог на войну с Секстом Помпеем (App. В.С. V, 67, 68), далее этот сюжет развивается, когда народ, угнетаемый голодом и поборами, требует от Цезаря и Антония примириться с Помпеем (App. В.С. V, 69, 71, 92), и далее народ упоминается прежде всего с опасностью голода (App. В.С. V, 99). Дополнительным и очень характерным штрихом к портрету павшего народа является упоминание о

встрече победоносного новоявленного властителя в Риме: его встречают украшенные венками сенаторы и народ (App. B.C. V, 130).

В заключение следует сказать, что одним из существеннейших мотивов «Гражданских войн» Аппиана Александрийского является постепенный распад единого римского народа и падение его политической роли. Основное повествование начинается с представления о некоем идеальном народе, «δῆμος», имеющем ввиду только государственные интересы, который ради них может обуздать отдельные свои части. В эпоху Гракхов народ резко подразделяется на богатых и бедных, богатые в свою очередь чуть позже разделяются на сенаторов и всадников. С этого времени встречается понятие «πλῆθος» в качестве обозначения определенного движения в демосе. Личность пока представлена слабо и заботится не о себе, а о государстве, для чего она, как и сенат, вынуждена заискивать у демоса, который, хотя и имеет четко выраженные интересы, но нуждается в ведущей силе. Личность усиливается ко времени Мария, когда она начинает использовать различные части народа в своих интересах, ввиду чего «δῆμος» постепенно замещается на наименование разных заинтересованных групп: «πολιτικὸς ὄχλος», «ἀγροίκου», «πλῆθος ἀπὸ τῶν ἀγρῶν». Но настоящий упадок демоса начинается с окончания Союзнической войны, т.е. со времени начала полномасштабных междоусобных войн, когда «δῆμος» как реальное понятие, т.е. высказываемое самим Аппианом, а не его героями, почти полностью исчезает и заменяется характерными для гражданского противостояния выражениями: «στασιῶται», «ὄσοι δ' αὐτῷ συνῆσαν», «πλῆθος», «οἱ μὲν ἀμφὶ τὸν Κίρναν προλαβόντες», «οἱ δ' ἐν ἄστει». Вновь же это понятие появляется лишь к концу первой книги, чтобы показать приближающееся наступление единовластия, когда народ становится единым под тяжким давлением личности и из страха перед новыми бедствиями вынужден униженно молить личность о их прекращении.

Во второй книге мы наблюдаем совершенную иллюзию народных настроений — складывается впечатление, что народ представляет собой

сплошь республиканцев, готовых при всяком удобном случае скинуть тиранию триумвиров, однако эти настроения в действительности не имеют глубоких оснований, что роковым образом сказывается на судьбе тираноубийц. Именно во второй книге Аппиан решает дать развернутое мнение касательно морального упадка римского народа и причин этого.

Зная эту оценку, мы оращаемся к третьей книге и видим народ главенствующим и чрезвычайно активным, но в действительности эта активность оказывается напрямую зависимой от щедрости претендентов, интересы которых за скромную мзду державный римский народ взялся продвигать в борьбе с нобилитетом.

В четвертой книге народ совершенно парализован, чтобы в пятой обнажить перед читателем свои самые гнусные стороны, показать свое совершеннейшее равнодушие к делам общины и заинтересованность лишь в собственном материальном благополучии.

Работа Аппиана с понятием «δῆμος» заставляет предположить глубокую проработку труда: пусть этот персонаж уже с самого начала произведения представлял собой не лучший характер, однако с течением повествования мы видим его стремительный метаморфоз в буквальное ничто, задуманный Аппианом, надо полагать, с самого начала.

3.2. Аристократия как хранитель римского государства в повествовании

Аппиана

Важнейшей частью римской гражданской общины, если мы на время забудем о божественном, всегда являлась аристократия. Может показаться, что к моменту начала Гражданских войн она еще предстает перед нами совокупно и нераздельно, и те отдельные персонажи, упоминаемые Аппианом, которые будут появляться на протяжении всего повествования, и называемые им «благоразумными» (τοῖς εὖ φρονοῦσιν; App. В.С. I, 12; они же ὅσοι ἄλλοι λογισμῶ; App. В.С. I, 11; οἱ δὲ ἐμφρονέστεροί; App. В.С. IV, 14) не

играют особой роли и по бессилию своему представляют собой скорее выражение мнения самого автора, желающего думать, что среди описываемых им событий существовали люди сходного с ним образа мыслей. Это как будто можно заметить и по отношению к реформе старшего Гракха: когда богачи пригласили его для разбирательства в сенат, он в надежде найти благоразумных отправился туда, однако нашел там лишь насмешки (App. В.С. I, 12).

Однако это не так, доказательством чего служит эпизод с расправой над Тиберием, точнее одна его деталь: кто пошел убивать его и его сторонников. Деталь эта кроется буквально в нескольких словах: κρίναντες δ' ὅσα ἔκριναν (App. В.С. I, 16). Кто эти «решившие»? В большей или меньшей степени из переводов английского Горация Уайта¹⁶⁶, немецкого Фердинанда Диллениуса¹⁶⁷, итальянского Алессандро Браччио¹⁶⁸, латинского 1529 года¹⁶⁹, особенно латинского Иоганна Швайгхойзера¹⁷⁰ и русского под ред. Е.С. Голубцовой¹⁷¹ следует, что вместе со Сципионом Назикой «спасать отечество» отправился весь сенат в полном составе, до того собравшийся в храме богини Верности. Джеймс Страчан-Дэвидсон в комментариях к своему изданию «Гражданских войн» применительно к данной строке указывает, что Аппиан не знал, принял ли сенат *ultimum senatus consultum*, поэтому использовал столь странную конструкцию¹⁷². Допустим, это так, но для чего тогда рассуждения нашего автора о предпочтительности употребления в

¹⁶⁶ «After reaching the decision that they did reach, they marched up to the Capitol» (The Roman history of Appian of Alexandria. Ed. by Horace White. London, 1899. P. 13).

¹⁶⁷ «Nachdem sie ihre Beschlüsse gefaßt, zogen sie aufs Capitolium» (Appians von Alexandrien Romische Geschichten, übersetzt von Ferdinand L.J. Dillenius. Stuttgart, 1830. S. 897).

¹⁶⁸ «Sendo la cosa in questo disordine il senato si ridusse nel tempio della Fede, dove hauendo ordinato quello che pave necessario, subito ando in campidoglio» (Historia delle querre esterne de Romani di Appiano Alessandrino tradotta da Messer Alessandro Braccio Secretario Fiorentino. Appresso Domenico de' Farri, 1555. P. 14).

¹⁶⁹ «Decretis igitur his quae inter se consuluerant, in Capitolium statim ascenderunt» (Appiani Alexandrini De ciuilibus Romanorum bellis historiarum libri quinque ueterum collatione codicum à mendis accuratius quàm antehac unquam repurgati, summaque diligentia excusi. Moguntiae, 1529. P. 14).

¹⁷⁰ «Senatusconsulto pro tempore facto, pergunt in Capitolium patres» (Appiani Alexandrini Romanarum historiarum. Supers. Ioh. Schweighaeuser. Lipsiae, 1785. P. 24).

¹⁷¹ «Сенат с принятым им решением отправился на Капитолий» (Аппиан Александрийский. Римская история: В 2 томах. Т. II. Гражданские войны. М., 2006. С. 16).

¹⁷² Appian. Civil wars: book I / Ed. by J. L. Strachan-Davidson Oxford, 1902. P. 17.

данном случае диктатуры? Если весь сенат единогласно решил уничтожить Гракха, что изменило бы назначение диктатора? Напротив, все становится на свои места, когда мы предположим, что сенат был расколот, и значительную часть его должны были составлять «благомыслящие», назначив диктатора из среды которых действительно можно было избежать кровопролития. При этом выходка великого понтифика выглядит как самостоятельное предприятие, каковым оно и являлось, поскольку сенат совершенно точно ничего не постановил, ведь в тексте выражением этого служит $\psi\eta\phi\acute{\iota}\zeta\omega$ (к примеру, App. В.С. II, 29), а раз так, то $\kappa\rho\acute{\iota}\nu\alpha\nu\tau\epsilon\varsigma$ относится к этой ограниченной группе Сципиона Назики, именно они решили сделать то, что нужно было скрыть от взора богов. При этом группа благомыслящих достаточно слаба, раз не предотвратила выступления понтифика и его сторонников.

Эти две части сената будут наличествовать и далее, о чем свидетельствует судьба Гая Гракха, точнее его судебная реформа. Сам Гракх выставил свою кандидатуру в демархи вследствие презрения со стороны многих сенаторов (App. В.С. I, 21), можно сказать, что вся его дальнейшая деятельность связана со стремлением унижить и поколебать сенат, о чем нам ясно говорят как слова Аппиана ($\epsilon\upsilon\theta\acute{\upsilon}\varsigma \epsilon\pi\epsilon\beta\omicron\upsilon\lambda\epsilon\upsilon\epsilon \tau\eta\ \beta\omicron\upsilon\lambda\eta$; App. В.С. I, 21), так и сам Гай (App. В.С. I, 22). Сенат, конечно, это понимал, однако приносит в жертву собственные интересы и выражает свое согласие с законопроектом, стыдясь сложившейся репутации сенатских судов ($\eta\ \beta\omicron\upsilon\lambda\eta\ \mu\acute{\alpha}\lambda\iota\sigma\tau\alpha \alpha\acute{\iota}\delta\omicron\upsilon\mu\acute{\epsilon}\nu\eta \acute{\epsilon}\varsigma \tau\omicron\nu\nu \nu\omicron\mu\omicron\nu \acute{\epsilon}\nu\epsilon\delta\acute{\iota}\delta\omicron\upsilon$; App. В.С. I, 22), однако сложно представить, чтобы порочные сенаторы стремились исправить свою порочность.

При этом Аппиан в данном эпизоде пытается оправдать сенат в целом, ведь, как показывает дальнейшее повествование, Гай лишь чрезвычайно ухудшил положение, уничтожив саму основу государства, положив начало новой распре, по сравнению с которой преступления сената представляются совсем ничтожными. Положительный образ сената раскрывается далее в

разрешении противостояния с Фульвием Флакком и Гракхом — последние действуют подобно безумцам, действия же сторонников сената обдуманно, относительно гуманны и исполнены благородства (App. В.С. I, 24–26)¹⁷³.

Подобное же обеление аристократии путем очернения ее врагов будет встречаться и далее, ярчайшим примером чего является земельное законодательство Апулея Сатурнина. В этом эпизоде есть четкое разделение партий — популяры во главе с испорченными и дурными Сатурнином, Главцией, Сауфеем, Марием и оптиматы, предводительствуемые образцом добродетели и доблести Квинтом Цецилием Метеллом, эти персонажи, естественно, задают характеристику каждой стороне, хотя стоит отметить, что последний являет собой образ истого аристократа (App. В.С. I, 30–32), противопоставляемый своему веку, своему окружению, однако освящающий его своим присутствием, задающий ему моральный образец (App. В.С. I, 33). Собственно, на этой его особенности и построен весь эпизод, о чем было сказано в параграфе о земле.

Любопытен эпизод с Ливием Друзом. Народный трибун стремился преодолеть противоречия, раздирающие верхушку римского общества, сенаторов и всадников, однако его по виду благотворный законопроект о включении в состав сената трехсот всадников, передачи сенаторам судов по делам о взяточничестве вызвал живейшее раздражение обеих групп (App. В.С. I, 35). Кажется, они замкнулись в своих узкословных интересах, что должно было бы вызвать резко негативную оценку автора, однако таковая наличествует лишь по отношению к всадникам. Гордость сената, каковая не допускала и мысли, чтобы он пополнился всадниками, не является негативным качеством, но составляет неотъемлемую часть сущности аристократии, о чем свидетельствует в т.ч. пример Квинта Метелла. Более того, из этого эпизода следует, что сенаторы в случае успеха реформы Друза возобновили бы разбирательства о взяточничестве. Всадники же предстают

¹⁷³ Впрочем, об этом ниже.

воплощением коварства и подлости, ведь после смерти Ливия, человека, кстати, очень знатного, они устроили настоящие репрессии против самых видных сенаторов (App. В.С. I, 37), по поводу которых в повествовании римский народ и италийцы выражают свое возмущение (App. В.С. I, 38).

Можно заметить, что сенат на протяжении повествования проявляет крайнюю пассивность, граничащую с оцепенением, и по большей части представляет собою жертву, лишь иногда он выражает свою волю самостоятельно, как это было, к примеру, в эпизоде с отрешением Цинны от должности (App. В.С. I, 65) или в эпизоде с восстанием Лепида (App. В.С. I, 107). При этом воля эта, как правило, заключается в стремлении охранить существующий порядок или предотвратить большое кровопролитие, о чем свидетельствует противостояние марианцев и сулланцев (App. В.С. I, 69, 70, 77, 107). В тех же случаях, когда сенат имеет возможность править державно, он тонет в противоречиях — основная его часть с полной готовностью принимает мнение последнего говорившего, ярчайшим примером чего являются прения по поводу судьбы катилинариев (App. В.С. II, 5, 6; также вопрос о консульстве Цезаря: App. В.С. II, 8).

Ото сна сенат начинает просыпаться лишь с образованием первого триумvirата, когда он представляет собой единое целое, противостоящее новой угрозе, единодушие это доходит до такой степени, что Цезарь целый год его не собирает (App. В.С. II, 10). Хотя сенат не может ничего противопоставить триумвирам, все же активно сопротивляется их правлению: собираясь в доме Бибула, наставляет его в противодействии своему коллеге (App. В.С. II, 11), после изгнания Цицерона рекомендует его «городам, царям и династам» (App. В.С. II, 15), даже при настоятельной необходимости диктатуры измышляет для Помпея консулат *sine collega*, чтобы он «фактически был диктатором и вместе с тем был бы подотчетен сенату как консул» (App. В.С. II, 23). Однако и здесь весь смысл его деятельности носит сугубо консервативный характер, что ярко проявляется

перед началом войны Цезаря с Помпеем. Сенат не желает по доброй воле отдавать предпочтение одному из претендентов, прекрасно сознавая их честолюбивые устремления (App. В.С. II, 30), и лишь надменное письмо Цезаря, вызванное активным противодействием его планам со стороны консулов, вынудило его к объявлению войны покорителю Галлии (App. В.С. II, 32), однако вынужденность этой меры обусловила и почти мгновенную потерю боевого духа при известии о стремительном продвижении последнего (App. В.С. II, 36). При этом знать, как уже сказано, присоединилась к Помпею лишь под давлением обстоятельств, рассматривая его одновременно как прямую угрозу существующему государственному строю и орудие к его сохранению, о чем свидетельствуют все противоречивые настроения, раздирающие лагерь Гнея (App. В.С. II, 30).

После победы Цезаря настроения знати остались прежними, лишь были загнаны вглубь, что явно сознавал властитель, Аппиан дважды упоминает стремление Цезаря не раздражать сенат (App. В.С. II, 115, 116). И удручающая для заговорщиков картина пустого сената после убийства Цезаря, как и лесть по его отношению, свидетельствует лишь о малодушии знати, но никак о ее настроениях по отношению к господину, ведь в дальнейшем Аппиан многократно пишет о стремлении сенаторов всячески содействовать Бруту и его товарищам (App. В.С. II, 125, 127, 145; III, 2, 3, 6), и лишь собственные интересы смогли умерить эти симпатии, чем воспользовался Антоний (App. В.С. II, 128).

Собственно, время от гибели Цезаря и до начала открытой войны между вторыми триумвирами и республиканцами является в повествовании наиболее яркой страницей деятельности сената. Именно в это время с ним считаются все, от его решения зависят судьбы претендентов, он развивает активную деятельность: решает судьбу заговорщиков и установлений Цезаря (App. В.С. II, 135), поручает Бруту и Кассию снабжение Города хлебом (App. В.С. III, 6), интригует против Антония (App. В.С. III, 7), проверяет слухи о

нападении гетов, чтобы не дать Антонию командования над македонским войском (App. В.С. III, 25), предпринимает все усилия, чтобы отнять у него Галлию (App. В.С. III, 30, 49), всячески пытается найти силу для проведения независимой политики (App. В.С. III, 47, 51), объявляет Антония врагом буквально сразу после получения его письма об объявлении войны Дециму Бруту и дает чрезвычайные полномочия Бруту и Кассию (App. В.С. III, 63), под различными предлогами отменяет часть распоряжений Цезаря, надеясь отменить и остальные (App. В.С. III, 82). При этом, хотя Цицерон и играл большую роль в формировании сенатской политики и боевого духа знати, однако не стоит думать, что он тиранически правил сенатом — при первой же его попытке выразить собственный интерес он был тут же осмеян сенаторами (App. В.С. III, 82), скорее представляется, что он наиболее полно выражал сенатские интересы.

Однако вся эта активность, невероятное напряжение, кульминацией которого стала организация обороны Города от Октавиана (App. В.С. III, 90, 91), при приближении его войск буквально в одно мгновение сходит на нет (App. В.С. III, 92), чтобы не возродится уже никогда. Знать показала свою полную несостоятельность в борьбе за отеческий государственный строй, борьбе, к которой Аппиан испытывает глубокое уважение¹⁷⁴.

Представляется, что это — логичное завершение самостоятельной политики сената, весь образ действий которого от смерти Цезаря вызывает у Аппиана осуждение, можно сказать, что голосом его в этот момент был Луций Пизон, выражающий умеренные настроения, противопоставляемые бездумному стремлению сената к разрыву с претендентами (App. В.С. III, 59, 60). Однако это поведение, объясняется во многом личной симпатией сенаторов к Кассию и Бруту, выдающимся римлянам, о чем неоднократно

¹⁷⁴ Gowing A. M. Appian and Cassius' Speech before Philippi ("Bella Civilia" 4.90–100) // Phoenix. 1990. Vol. 44, 2. P. 162.

заявляет Аппиан, полностью раскрывая свою позицию в окончании четвертой книги (App. В.С. IV, 132).

Отныне сенат¹⁷⁵ представляет собой лишь покорное орудие в руках триумвиров (App. В.С. IV, 69): еще до проскрипций приговаривает к смерти Квинта Галлия за подозрение в заговоре против Цезаря (App. В.С. III, 95), хотя и под давлением, но отменяет все враждебные постановления против Лепида и Антония (App. В.С. III, 96) и т.д. Теперь основной мотив деятельности знати — мир, что горячо поддерживает Октавиан (App. В.С. V, 21, 28). Собственно, обеспечение мира и примиряет с ним аристократию, кульминацией всего произведения является сцена «безмерных почестей», назначенных сенатом Октавиану как раз за его обеспечение (App. В.С. V, 130).

Поводя итог, можно сказать, что большую часть произведения автор находится почти целиком на стороне нобилитета, все преступления его объясняются наличием неких несознательных членов, как это было с группой Сципиона Назики, вымогателями перед судебной реформой Гая, сторонниками марианцев в период первого взятия Рима войсками Суллы. Сенат выступает в качестве хранителя государства и мира, что проявляется также почти во все эпизоды с его участием, надо полагать, именно это вызывает наибольшие авторские симпатии, усиливаемые его положением жертвы по отношению к «стасиотам», однако как только сенат отказывается от этой пассивной роли и начинает проводить хотя бы относительно деятельную политику, симпатии нашего автора резко ослабевают, поскольку условия гражданской войны вынуждают сенат нарушать рамки формальной законности, примерять роль партии, что ярко проявляется в четвертой книге, когда Аппиан неоднократно причисляет сенат к партии Помпея, и это, конечно, претит такому стороннику законности, каким является наш автор.

¹⁷⁵ За редчайшими исключениями (App. В.С. III, 93; V, 48).

3.3. Личность как противостоящая общине сила в труде Аппиана

Личность в повествовании Аппиана играет, как представляется, исключительную роль, собственно, уже во введении он сообщает о подразделении истории гражданских войн по полководцам их (App. Praef. 14). Форма соответствует содержанию, по всему повествованию внимание почти исключительно сосредоточено на отдельных выдающихся персонажах, думаю, это даже не стоит расписывать, достаточно вспомнить титанические фигуры Мария, Суллы, Цезаря, Октавиана, какими их живописует Аппиан, чтобы понять роль личности в его повествовании, их характер, жизненный путь, убеждения — все это отражено на страницах произведения.

В предыдущих книгах «Римской истории» мы также можем увидеть выдающихся личностей, судьба которых раскрывается почти на протяжении всего повествования, это и Ганнибал, и Антиох, и Митридат, и др., однако стоит отметить, что большая часть из них были врагами римлян, с ними связаны масштабнейшие военные действия, описание которых составляет отдельные книги труда, римские же персонажи, какими бы значительными они ни были, теряются среди «римлян», которые в целом являются действующим лицом повествования. Достаточно посмотреть на количество упоминаний самого этого слова, чтобы убедиться, что основной акцент в предыдущих книгах был сделан именно на римском народе, что, собственно, отражено и во вступлении, где Аппиан говорит именно о римлянах в целом, а не отдельных личностях. Гражданские же войны представляют совершенно особенную часть труда, в этом плане наш автор с самого начала задает тон произведению, предполагая указать в последних книгах то, что триумвиры предпринимали «против друг друга и против римлян» (ὅσα οἱ τρεῖς ἐς ἀλλήλους τε καὶ Ῥωμαίους ἔδρασαν; App. B.C. I, VI).

Как было сказано в предыдущем параграфе, личность постепенно подчиняет своим интересам всю жизнь общины, в этом заключается религиозная составляющая этих книг, а в противостоянии коллектива и

отдельного человека состоит важнейшее и основное отличие «Гражданских войн» от всех предыдущих книг. Любопытно понять, каким путем состоялось это подчинение.

Личность неспособна подчинить коллектив, поэтому в повествовании она, слабая сама по себе, постоянно находится в поисках союзников. Первым из них становятся народные массы, на которые решил положиться Тиберий Гракх. Строго говоря, решил он не сам, поскольку видел своей целью не благополучие бедняков, а силу государства, но ввиду обстоятельств, поскольку никаким иным мероприятием, кроме земельного закона, он в повествовании Аппиана не запомнился, народ становится его естественным союзником, имущие же классы — естественными противниками. И однако же прочной опорой народ не стал, поскольку, как только дело доходит до описания борьбы, народ раскалывается на несколько частей, о чем сказано выше, далее же он дробится еще сильнее, и в критический момент перед трибунскими выборами около Гракха мы видим только его «приверженцев» (ὁ Γράκχος ἔτι νυκτὸς τοῦς στασιώτας συναγαγὼν; App. В.С. I, 15), в число которых не вошли поселяне (τοῦς ἐκ τῶν ἀγρῶν), находившиеся в это время на полях, а также городская чернь, к которой он был вынужден обращаться отдельно (ἐπὶ τὸν ἐν τῷ ἄστει δῆμον; App. В.С. I, 14), и они, эти «приверженцы», оказались столь слабо связаны с Гракхом личной привязанностью, что, когда Назика наткнулся на них в своем праведном походе (τοῖς Γρακχείοις ἐπιδραμόντι), они расступились, уступая место столь высокопоставленному гражданину и сопровождавшим его сенаторам (App. В.С. I, 16).

Гай в первый свой трибунал идет по пути своего брата, раздачами хлеба завоеывая популярность среди народа и обеспечивая себе повторное избрание (App. В.С. I, 21), после которого он уже идет дальше и перетягивает

на свою сторону всадников¹⁷⁶, проводя свою судебную реформу, целью которой уже было не благо государства, а уничтожение существующего государственного строя, что и имеет в виду Аппиан (App. В.С. I, 22). Однако народ — ненадежный союзник, δῆμος не только отвернулся от своего благодетеля, но и после гибели его стал грабить дома вождей партии (App. В.С. I, 26).

Марий привлекает на свою сторону отдельных демагогов, первым из которых был Апулей Сатурнин, потерпевший поражение, в сущности, по той же причине, что и братья Гракхи, — он опирался на поддержку народа (App. I, 32; 52), хотя, конечно, среди этого народа были ветераны Мария, но они не составляли правильной боевой силы, это — просто наиболее активные сторонники. На этом этапе личность еще не имеет существенного перевеса над коллективом, что доказывает судьба вышеуказанных демагогов.

Его она получает лишь после Союзнической войны, что отмечает и Аппиан: «Однако при ее окончании она породила другие смуты и выдвинула более сильных руководителей партий, которые в борьбе между собой прибегали не к внесению законопроекта, не даже к заискиванию перед народом, но к сплочению военной силы» (App. В.С. I, 34, пер. С. А. Жебелева). Как раз в это время правильно организованное войско Суллы победило Мария и примкнувшего к нему демарха Сульпиция. С именно этого момента мотив войска как основной силы новоявленных властителей будет непрерывно сопровождать дальнейшее повествование, и именно теперь личность получает безраздельное господство над коллективом. При этом если Сулла над своими войсками господствует совершенно безраздельно, и Аппиан лишь упоминает солдат как орудие в руках полководца, то далее вышеупомянутый мотив превращается в триумф разгульной военщины, значительнейшая часть второй и последующих книг посвящена

¹⁷⁶ Подобным же образом ведет себя и Цезарь, сознавая слабость народа и силу деловых людей, на что особенно обращает внимание Аппиан (App. В.С. II, 13).

взаимодействию воинов и их вождей, чем дальше развивается повествование, тем более войско становится самостоятельным, тем громче слышен его недовольный ропот в сторону скаредных водителей, что достигает апогея уже на завершающем этапе произведения, где Аппиан передает нам знаменитый эпизод, произошедший между Октавианом и недовольными солдатами: «трибун Офиллий начал кричать, что венки и пурпурные одежды— детские игрушки, награда же воинам— земля и деньги» (App. V, 128, пер. А. И. Тюменева). Однако и из этого противостояния личность выходит победителем — путем различных хитростей, даже убийств некоторых главарей, Октавиан смог расколоть мятежное войско и успокоить его так, что на этом эпизоде данный мотив оканчивается.

При этом Аппиан не просто боится личности, он оценивает ее с оптиматских позиций, искажая и делая однозначно отрицательными образы тех персонажей, что являлись активными противниками нобилитета, примером чего является фигура Гая Гракха, из описания которой для наибольшей наглядности возьмем эпизод ее гибели и сравним его изображение у Аппиана и Плутарха. Он достаточно краток и рисует очень живую и яркую картину гибели мятежного демарха. Толчком к ее началу становится потеря им популярности в народе: сенат, почти все время правления Гракха проявлявший поразительную растерянность, неожиданно меняет свою тактику и берет на вооружение методы самого трибуна, с помощью закона Ливия Друза о колониях переманив толпу на свою сторону (App. В.С. I, 23). Следующим шагом сенат пытается отменить основание колонии на месте Карфагена, важное предприятие Гракха, само по себе предосудительное, по мнению Аппиана, оказавшееся еще и негодным богам, о чем свидетельствовали дурные предзнаменования, после чего, как пишет Аппиан, руководители партии «стали подобны безумным» (App. В.С. I, 23, пер. С. А. Жебелева).

У Плутарха же можно заметить, как старательно правительствующая партия стремилась уничтожить все установления Гракха, коварно искала повод к открытому нападению, своим демаршем по поводу Карфагена пыталась спровоцировать противную партию, что ясно сознавал сам трибун (Plut. Grach. 34).

Далее любопытен момент с первой жертвой нарождающейся смуты — простого плебея Антиллы. У Аппиана он представляет собой одну из важнейших деталей для создания образа Гракха: совершая в портике жертвоприношение, он увидел там мятежного демарха, схватил его за руки и взмолился к нему, чтобы тот пощадил родину, и тут же был убит приверженцами Гракха, которых спровоцировал дикий взгляд, брошенный Гаем на Антиллу (App. В.С. I, 25). Т.е. Гай уподоблен злому гению, задумавшему погубить Город.

Плутарх же дает совершенно иную картину: у него Квинт Антилл — это ликтор консула Опимия, который, совершая жертвоприношение, оскорбил приверженцев Фульвия Флакка, сказав: «Дурные граждане, дайте место лучшим!», и сделав неприличный жест, за что и поплатился смертью (Plut. Grach. 34). Эта смерть, в которой Плутарх обвиняет самого Антиллу, и стала желанным поводом для расправы над приверженцами Гракха.

У Аппиана развязка наступает быстро: сразу после того, как Опимий послал отряд против Гракха и Флакка, они сразу же покинули холм, чтобы в бегстве найти свою смерть. Действия консула при этом спокойны и размеренны, действия же сторонников трибуна лихорадочны, они лишены поддержки народа, никто не выражает им сочувствия, есть только те, кто с ними, которые и заняли вместе с вождями Авентин, да и они покинули их (App. В.С. I, 26).

Плутарх же строит настоящую трагедию: Гракх не желает сражаться, думает о многих жертвах, что готовит день грядущий, но уступает своему более развязному товарищу, Фульвию Флакку, Гракх не один, даже в бегстве

его не оставляют друзья, которые жертвуют ради него жизнью, однако большинство народа его предаёт, получив помилование от консула, проявляя тем самым самую черную неблагодарность (Plut. Grach. 37–38).

Обратный пример — Луций Сулла. У Аппиана касательно этой фигуры проявляется некоторая неоднозначность, находящая себе выражение прежде всего в изображении его врагов, к которым наш автор не питает и малейшей симпатии, что можно заметить в описании приготовлений марианцев к обороне Города во время второго прибытия Суллы, когда проявляется большое усердие и энергия, автор даже не предполагает, что энергия эта вызвана какими-то положительными мотивами, нет, по его мнению, «теми, кто в городе» действовал лишь ужас перед мыслью о том, что они были соучастниками постановлений, направленных против Суллы (App. В.С. I, 81), позже Аппиан еще усиливает складывающийся образ, говоря, что «большинство в Городе чувствовали себя соучастниками преступлений консулов» (τῶν τε ἀμαρτηθέντων αὐτοῖς οἱ πολλοὶ συνεγνώκότες; App. В.С. I, 82, пер. С. А. Жебелева).

С другой стороны сам Сулла, как пишет Аппиан в обзоре истории Гражданских войн, стремился «уврачевать одно зло другим» (App. В.С. I, 3, пер. С. А. Жебелева)¹⁷⁷, при этом он предпослал подобному желанию полководца крайне преувеличенное описание смут, происходящих со времени гибели Тиберия Гракха, из которого следует, что за пятьдесят лет со времени гибели демарха и до диктатуры Суллы прошли в непрерывных гражданских войнах, многочисленные враждебные партии неоднократно брали Город штурмом (App. В.С. I, 2), из чего следует, что как будто и не было иного способа усмирить смуты, кроме как диктатура, т.е. Сулла не однозначно желал зла своей родине, наш автор здесь не решается дать точной оценки его

¹⁷⁷ Маргин Хозе справедливо замечает, что единоличная власть в форме диктатуры рассматривается Аппианом иногда как спасительное средство, однако стоит отметить, что диктатура эта будет благотворна лишь в том случае, если будет направлена на пользу Республики, и, желательно, подотчетна сенату (App. В.С. II, 23). Hase M. Erneuerung der Vergangenheit. Die Historiker im Imperium Romanum von Florus bis Cassius Dio. S. 265.

деятельности, перечисляя все возможные варианты: «Таков был еще страх перед его властью у всех, кто его видел: или все были поражены его отставкой, или преклонялись перед его готовностью дать отчет о своей деятельности, или просто относились к нему человеколюбиво, или считали, наконец, что его тирания послужила на пользу» (App. В.С. I, 3, пер. С. А. Жебелева). Конечно, Аппиан пользовался здесь просулланской традицией, живописующей его усмирителем междоусобиц, в то время, как, к примеру, в «Истории» Саллюстия уже в конце его правления возникают новые раздоры¹⁷⁸.

Даже картина смерти Суллы представлена у Аппиана крайне размеренно: он заранее узнает о приближении конца, приводит свои дела в порядок, и умирает внезапно посреди цветущего здоровья и безграничной власти (App. В.С. I, 104–105).

Для Плутарха же Сулла — однозначно отрицательный персонаж (Plut. Sull. 39), против которого сплочается весь народ (Plut. Sull. 10). Сулла — злодей, коварный и хитрый, упивающийся кровью своих врагов и простых граждан. Плутарх, также не имеющий особой симпатии к Марию, все же считает Суллу более худшим из них, не считая, что его деятельность привела к каким-либо положительным результатам, но была лишь жестокой тиранией, и единственным благородным деянием Суллы, по мнению Плутарха, была его война против Митридата (Plut. Sull. 45). Также изображение конца диктатора имеет куда более негативный оттенок: последние месяцы он буквально гниет заживо, ведет распутный образ жизни, при этом он, предчувствуя смерть, всячески сопротивляется этому предчувствию — даже на пороге ее отдает приказание удавить провинившегося магистрата, что провоцирует разрыв сосуда и гибель (Plut. Sull. 37).

Еще одним примером может служить и изображение Катилины, вступление которого в повествование Аппиан изображает красками даже

¹⁷⁸ Rosenblitt J. A. Rome after Sulla. London, 2019. P. 96–97.

более мрачными, чем Саллюстий, опуская все симпатичные стороны персонажа¹⁷⁹.

Для Аппиана личность — сила, полностью противопоставляемая коллективу, общине и связанным с ней законам, она растет в ее недрах, ищет союзников в борьбе за власть, временно находит их в народных массах, однако быстро убедившись в ненадежности такой поддержки, обращается за помощью к войску, установив сильную личную связь с которым, с помощью него постепенно подчиняет себе гражданский коллектив, а потом подчиняет и лишает голоса самого своего развратившегося союзника. В этом плане стоит упомянуть и отречение Суллы — Аппиан отказывается понимать мотивы этого поступка, хотя прекрасно знает, что Сулла был назначен диктатором по закону для устройства государства, по завершении чего сложил с себя полномочия. Это — не просто следование распространенной в поздней историографии теме¹⁸⁰, а точно продуманная мысль — личность не может добровольно подчиняться законам коллектива.

При этом не все личности для Аппиана равноценны, популярны для него — чистейшее зло, даже Гай Гракх представляется в его труде в виде губителя родины, сторонники же нобилитета, хотя бы и столь своеобразные как Сулла, представлены в более благоприятном свете.

3.4. Войско как важнейший фактор «Гражданских войн»

Герман Ульрици замечает, что история Аппиана — это история войн внешних, мятежей, партийной борьбы и гражданских войн¹⁸¹. Войска играют в повествовании исключительно важную роль, уже во вступительном обзоре эпохи Гражданских войн Аппиан прямо связывает возвышение личности с армией: вожди враждебных партий не желали распускать войска, данные им народом, или набирали их из чужеземцев (App. В.С. I, 2), при этом единственным

¹⁷⁹ Pitcher L. Appian... P. 208.

¹⁸⁰ Famerie É. Le latin et le grec d'Appien: contribution a l'étude du lexique d'un historien grec de Rome. Paris, 1998. P. 117.

¹⁸¹ Ulrici H. von. Charakteristik der antiken Historiographie. S. 242.

примером такого поведения во всем обзоре являются Цезарь и Помпей, которые не желали распускать свои легионы, необходимые им для защиты друг от друга (App. В.С. I, 4). В обзоре войско выступает скорее как некий бессловесный ресурс, орудие, которым совершенно самостоятельная личность добывает себе власть, однако достаточно обратится к основному повествованию, чтобы понять, насколько очередной претендент был зависим от настроений своих легионеров.

Как указывает Аппиан, войско вступает в повествование после Союзнической войны (App. В.С. I, 34), и в связи с этим сразу на ум приходит, конечно, Луций Корнелий Сулла. Действительно, его тесная связь с войском общепризнана, однако в повествовании Аппиана она представляет собой любопытное явление по сравнению с последующими событиями.

В биографии Суллы впервые полностью совпали интересы войска и личности, что проявилось изначально в стремлении Корнелия вести кампанию против Митридата, участия в которой желало и его войско, интерес этот был столь силен, что при угрозе ему оно потребовало от Суллы «вести их смело на Рим» (App. В.С. I, 57), при этом будущий диктатор не ведет в своих войсках регулярной политрабoты, ограничившись речью перед походом на Город, однако между ним и его войском сразу возникла тесная связь, первоначально объясняемая почтительностью по отношению к командующему (App. В.С. I, 58)¹⁸². Эта связь укрепилась и полностью оформилась за время Митридатовой войны, как о том говорит Аппиан: «Сулла возвратился с большим преданным ему войском, хорошо вышколенным, гордящимся его подвигами» (App. В.С. I, 76). Любопытно

¹⁸² У Плутарха настроение войска (Plut. Sull. 9) вполне объяснимо, ведь Сулла ведет обстоятельную работу с солдатами уже во время Марсийской войны, имея прицел на войну с Митридатом (Plut. Sull. 6). У Аппиана же до бегства Суллы в Капуе вообще нет никаких сведений о его личной связи с войском, из-за чего становится непонятным, почему оно решило, что Марий устроит новый набор. Знал ли Аппиан, что армия, стоявшая в Капуе, была оставлена Суллой после взятия Бовиана во время Союзнической войны ради домогательства консульства? Должен был догадываться, ведь оба эти города находятся друг от друга неподалеку, и сложно представить, чтобы у сената было какое-то иное войско для войны с Митридатом. Но почему он не пожелал более ясно указать на связь Суллы с этим войском? Вероятно, желал выставить это как вынужденный поступок полководца, в то время, как у Плутарха план Суллы касательно войны с Митридатом созрел задолго до назначения его командующим, ради чего он и обхаживал свое войско.

отметить, что в дальнейшем столь же преданными будут и многочисленные новобранцы (App. В.С. I, 86) и перешедшие к Сулле солдаты марианцев (App. В.С. I, 85, 87, 89, 91). При этом Сулла не идет на поводу у войска, оно не командует им и не выдвигает требований, наоборот, исполняет все беспрекословно и терпеливо сносит наказания (App. В.С. I, 59). Даже колонии ветеранов он выводит, имея главной целью упрочение своей власти в Италии, и Аппиан лишь добавляет, что это снискало расположение к нему солдат (App. В.С. I, 96), и это расположение было столь велико, что и после смерти Суллы ветераны ревностно охраняли его память (App. В.С. I, 105, 106).

В лагере марианцев мы наблюдаем совершенно иную картину: их войска не имеют ровно никакой связи со своими водителями, являются в большей части новобранцами и чувствуют себя гражданами, о чем говорит, к примеру, то, что трижды после поражений солдаты не перебежали на сторону противника, а просто разбредались по домам: так произошло с войском Цинны (App. В.С. I, 78), легионами Марция (App. В.С. I, 90) и брошенной армией Карбона (App. В.С. I, 92), и все эти случаи произошли с защитниками государства от нового претендента, каким его считало общественное мнение (App. В.С. I, 82).

О гражданских настроениях в войске марианцев говорит и речь Цинны, находящая совершенно замечательную параллель и противоположность в речи Октавия (App. В.С. III, 65), о которой ниже. В ней Цинна, заискивая перед капуанскими легионами, называет воинов гражданами и прямо отождествляет их с народом: «от вас, граждане, получил власть, ибо народ меня избрал» (παρὰ μὲν ὑμῶν, ᾧ πολῖται, τὴν ἀρχὴν τήνδε ἔλαβον· ὁ γὰρ δῆμος ἐχειροτόνησεν; App. В.С. I, 65), притворно негодуя на них, он обращает их мысли к мирной жизни, говоря: «Какую власть вы будете иметь в народных собраниях, при голосованиях, при консульских выборах, коль скоро вы не обеспечите то, что даете, и не отнимете данное вами, когда сами это решите?»

Конечно, такая речь не могла создать личных отношений между командующим и войском, хотя Аппиан и указывает, что командиры привели войска к присяге Цинне, но присяга эта, «ὄρκος ὁ στρατιωτικός», имела смысл не как обет вождю лично, но как присяга консулу¹⁸³, ведь именно в этом суть эпизода: войско признало Цинну консулом.

Эти же настроения проявляются и далее. Выжившие после бури во время переправы в Либурнию новобранцы, собранные Карбоном и Цинной по всей Италии, отказались по доброй воле сражаться с гражданами (App. В.С. I, 78). Остальная же часть войска, узнав об этом, вовсе отказалась переправляться, подняла мятеж и убила Цинну, что еще раз говорит о полном отсутствии какой-либо личной связи.

И даже частые измены марианских войск своим командирам (App. В.С. I, 85, 87, 89, 91) происходят не из-за более выгодных условий Суллы, а из-за отсутствия воинского духа, отсутствия осознания себя солдатами. Так, наиболее вопиющий случай измены, произошедший с Луцием Сципионом, был вызван тем, что войско его было «совершенно бессильным и желало мира» (пер. С.А.Жебелева), а командующие их партии нарушили условия перемирия, что явно не способствовало его достижению (App. В.С. I, 85). Подобного же опасался и Норбан, поэтому поспешно увел свое войско подальше от Суллы¹⁸⁴ (App. В.С. I, 86).

Кажется, что среди всех марианцев наиболее крепкая связь с войском должна была присутствовать у Квинта Сертория. Так, мы ее видим в биографии Плутарха, особенно в эпизоде про знаменитую лань полковдца, являющую собой замечательный пример политработы в войсках¹⁸⁵ — он объявил ее божественным даром и с помощью нее манипулировал

¹⁸³ Что можно увидеть, к примеру, у Дионисия Галикарнасского, активно упоминающего эту присягу применительно к ранней истории Рима (Dion. Hal. Ant. Rom. VI, 23, 2; VI, 45, 1; XI, 7, 2 и т.д.). Стоит отметить, что больше в тексте Аппиана такая формулировка не встречается.

¹⁸⁴ Другие же случаи также обусловлены отсутствием боевого духа вследствие поражений, нанесенных им войсками Суллы: так случилось с Марием-младшим (App. В.С. I, 87), кельтиберами Карбона (App. В.С. I, 89), остатками войск Карбона и Норбана (App. В.С. I, 91).

¹⁸⁵ См. также Plut. Sert. 15.

религиозным сознанием своих войск (Plut. Sert. 11), однако у Аппиана все построено иначе. Описывая этот же самый эпизод, он вовсе не говорит о воздействии этой лани на войско, но лишь пишет, что сам Серторий искренне верил в ее чудодейственность (App. В.С. I, 110), лишая его религиозной связи с войском, которое не видело в нем действительного харизматичного лидера, хотя и признавало свою нужду в нем ввиду его таланта и храбрости. Это отсутствие связи и гражданские настроения выражаются еще далее, когда его солдаты без видимых причин начинают перебегать к Метеллу (App. В.С. I, 111), и лишь в следующей главе становится понятно, что недовольны они были варваризацией Сертория и его окружения, ценившего более испанцев, старых врагов Рима, из-за чего оказывалось, что римские воины нарушали верность родине (App. В.С. I, 112). И лишь смерть Сертория смыла с него все грехи в глазах войска.

Т.е. мы можем видеть, что в первой книге лишь Луцию Сулле удалось буквально из ничего создать со своим войском тесную и неколебимую связь, уловив его корыстные интересы. Вероятно, в повествовании эти интересы проявились в нем с такой силой и отчетливостью ввиду того, что солдаты эти служили давно и потеряли связь с общиной, в то время как состоящие по большей части из новобранцев войска марианцев все еще чувствовали себя гражданами, да и руководители не стремились их в этом разубедить, в итоге эти гражданские, мирные настроения обрекли партию Мария на гибель. Но стоит отметить, что и у Суллы армия еще не имеет отчетливо выраженной субъектности, солдаты еще ничего не требуют сами, спокойно подчиняясь своему вождю и с благодарностью принимая его дары. При этом самосознание появляется уже у его ветеранов, которые еще долго будут представлять собой замечательный материал для всех возмутителей общественного спокойствия (App. В.С. II, 2).

Следующей фигурой в нашем рассмотрении будет Юлий Цезарь, первым явивший взаимоотношения с войском в наиболее законченном виде.

Относительно него все действующие политические силы крайне внимательно относятся к настроениям в войске, так, уже в самом начале войны Помпея с Цезарем Аппиан указывает на важность сведений о настроениях в армии, сенат предполагает, что легионы Юлия враждебны ему (App. В.С. I, 33), сам же будущий диктатор ведет активную политработу среди своих людей (App. В.С. I, 33), более того — берет с войск клятву¹⁸⁶ помогать ему в течение всей войны (App. В.С. II, 47). Эта работа, в противоположность действиям помпеянцев, будет отличать его на протяжении всего повествования, в том числе и по отношению к взятым в плен войскам врага, являя собой одно из важнейших направлений «*clementia Caesaris*»¹⁸⁷, при этом Цезарь должен был противодействовать собственным легионерам ради осуществления своей политики (App. В.С. II, 42), Аппиан ясно осознает причину такого поведения полководца — он желал дискредитировать своих противников, быть их полным антиподом, и, вероятно, наш автор был недалеко от истины¹⁸⁸.

Речи Цезаря, направленные войску, отличает чрезвычайное своеобразие, они очень конкретны и имеют своим предметом тяготы и интересы самого войска, даже само обращение очень характерно: «О мужи, вы, которые мне помогаете в величайших делах» (App. В.С. II, 53, пер. О. О. Крюгера). Вся речь из приведенной главы представляет собой точный план действий с его обоснованием и указанием на выгоды, ожидающие всех участников его замысла, при этом он спрашивает мнение своего войска: «Хотя я знаю вашу покорность, все же я жду ответа» (App. В.С. II, 53, пер. О. О. Крюгера). Доверие Цезаря войску кажется безграничным, так, перед битвой при Диррахии, когда он никак не мог перевезти часть своего войска из Брундизия, он, сомневаясь в своих легатах, на случай, если они откажутся вести легионы через море, написал письмо самому войску, что «не пожелает

¹⁸⁶ Именно клялись, Аппиан здесь использует глагол *συνόμνυσι*, который также встречается и применительно к обмену клятвами среди катилинариев (App. В.С. II, 2).

¹⁸⁷ Утченко С. Л. Юлий Цезарь. М., 1976. С. 316.

¹⁸⁸ Моммзен Т. История Рима. Т. 3. М., 1941. С. 301.

ли кто из воинов последовать за Постумием на суда, и чтобы те, которые отправятся, пристали в то место, куда их пригонит ветер» (App. В.С. II, 58, пер. О. О. Крюгера).

При этом Цезарь не во всем идет на поводу своих воинов, так, во время бунта в Плаценции он первоначально желал провести децимацию одного из легионов и только горячие мольбы войска смогли уменьшить число казненных до 12-ти человек (App. В.С. II, 47). После же поражения при Диррахии, когда войско Юлия позорно бежало, а один знаменосец чуть не убил своего вождя, когда Помпей ожидал от войска своего соперника предательства, Цезарь отказал своим командирам, в раскаянии своем требовавшим децимации, чем спровоцировал невиданный подъем боевого духа у легионов (App. В.С. II, 63), не прекращающийся до самого Фарсала (App. В.С. II, 66) и вызывающий неподдельное удивление у Аппиана. Сочетанием милости и некоторого презрения Цезарь подавил и восстание, начавшееся после Фарсала, сыграв на алчности и тщеславии своих воинов (App. В.С. II, 93). Свои же обещания перед солдатской массой он смог выполнить лишь после своего триумфа.

Также стоит отметить, что уважение среди войск он заслужил и личным участием в сражениях. При Диррахии, Фарсале, Кордубе Цезарь при необходимости порыва или при угрожающем положении устремлялся в передние ряды, личным примером переламывая исход битвы (App. В.С. II, 81, 104).

На протяжении всей войны противная партия надеется на измену со стороны войска Цезаря, будь то сенат перед самой войной (App. В.С. I, 33), или Помпей и его приближенные уже во время активных боевых действий (App. В.С. II, 63, 65). При этом основным аргументом для этих настроений был голод, плохое снабжение армии или стыд ее за поражение при Диррахии, т.е. противники Цезаря не допускали даже и мысли о том, что Цезарь — это не просто полководец, а вождь, имеющий сильнейшую личную связь со

своими людьми, и разнообразные лишения этой связи не только не могут нарушить, но скорее укрепят ее. Эта мысль очень характерна для лагеря помпеянцев, поскольку касательно них нет никакого упоминания о политработе в войсках. Войско с Помпеем никак не связано, сам командующий никоим образом не пытается этой связи создать, даже в своей речи перед Диррахием он являет собой полный антипод Цезарю: его воззвание будто направлено не к войску, простым солдатам, а к знати, его окружающей, ведь начинает он ее с примера из истории классической эпохи Афин, сменяющимся эпизодом римской истории времен Фурия Камилла (App. В.С. II, 50), примеры максимально отвлеченные от текущего момента, слишком возвышенные для простой массы. Это полное игнорирование настроений войска характерно и для остальных командующих помпеянцев: Катон отказывает африканскому войску, желающему видеть его своим командующим (App. В.С. II, 87), Петрей, противясь стремлению Афрания и других вождей уступить Испанию Цезарю, стал убивать всех солдат, имеющих связи с воинами Цезаря, чем настроил против себя людей (App. В.С. II, 43).

Отсутствие этой связи сказывается роковым образом даже не в отсутствии желания сражаться с врагом, а, скорее наоборот, в излишней горячности у которой отсутствует обычная в таких случаях благотворная преграда в виде уважения к командующему. Аппиан особенно отмечает, что Помпей был вынужден сразиться при Фарсале собственным войском (App. В.С. II, 68), и самому Гнею вкладывает в уста речь, содержащую слова: «вы сейчас скорее военачальники, чем воины» (App. В.С. II, 72, пер. М. С. Альтмана). Заметив в стане врага приготовления к сражению, Цезарь тут же понимает, что ключевую роль в этом сыграло войско Помпея (App. В.С. II, 69).

При этом помпеянские войска не бунтуют из-за отсутствия каких-нибудь наград, как правило, ведут себя совершенно спокойно, и лишь некие

крайние неудобства, отсутствие снабжения могут сподвигнуть их на сношения с армией противника. Вероятно, связано это с тем, что они все же находятся на службе у государства и ведут себя соответствующе.

Хотя кажется, что Цезарь был целиком и полностью зависим от своего войска, сознающего свою важную роль в его борьбе, оказывается, что Цезарь им управлял совершенно по собственному желанию, неуклонно проводя свои планы в жизнь. Помпей же, на первый взгляд, совершенно независимый от войска, как и его окружение, рассматривающий его скорее в качестве немого орудия, в решающий момент оказывается полностью подавленным им, что и предопределяет исход всей войны.

Далее рассмотрим образ войск в последних двух книгах, т.е. во время образования второго триумvirата и его распада. Хотя оба новых претендента, Антоний и Октавий, были тесно связаны с Цезарем узами дружбы и родства, все же, как оказалось, это было важно лишь в том смысле, что именно они должны были руководить ветеранами во исполнение их основной цели — мести убийцам их вождя, обоим пришлось считаться с этим желанием и стараться привязать войско к себе любыми средствами, в первую очередь, деньгами (App. В.С. III, 47, 42), ведь, как особо отмечает Аппиан, ветераны отвыкли от тягот сельской жизни и нуждались в ином источнике пропитания (App. В.С. III, 42).

И хотя вожди пытались привить войску покорность себе, превратить его в орудие (App. В.С. III, 43), все же им приходилось идти на поводу у своих легионов, поскольку деньги не могли внушить уважения к командующим, а средства устрашения вместо страха вызывали лишь озлобление. Наиболее полно состояние дел в войсках было высказано Луцием Пизоном в речи перед сенатом: «Нет ничего хуже во время похода, чем непослушание [...] Войско Антония имело плохую дисциплину, обращалось с ним заносчиво. Об этом свидетельствуют два перебежавших от него легиона» (App. В.С. III, 56, пер. О. О. Крюгера) Отсутствие признанного вождя

способствовало росту самосознания солдатской массы, его политической активности: солдаты просят Октавиана объявить себя пропретором, в ответ же на передачу этого дела в сенат приходят в крайнее возмущение, погашенное лишь долгими увещеваниями и очередным денежным подарком, что дает Аппиану повод назвать их наемниками (*μισθοφόρους*; App. В.С. III, 48), наш автор даже дает центурионам произнести речь перед Антонием, в которой они рассуждают о неразрывной связи интересов его, младшего Цезаря и их, т.е. войска (App. В.С. III, 32), ответ Антония на которую поражает своей обстоятельностью, обширностью и предупредительностью. Претенденты вынуждены заискивать перед войском, унижаться, льстить: Октавиан признается войску, что власть сенат дал ему лишь из-за его легионов (App. В.С. III, 65), оба называют солдат «друзьями» (App. В.С. III, 34, 42), «содуружинниками» (App. В.С. III, 38; V, 47), часто упоминают об общности интересов (App. В.С. III, 87).

После битвы при Филиппах основной заботой Цезаря становится удовлетворение требований войска, прежде всего в земельных наделах и денежных наградах, ради чего он готов даже пожертвовать всем остальным (App. В.С. V, 5). При этом наш автор сосредоточивает внимание на беспомощности Цезаря в отношениях с войском: он уступает ему в требовании разорения лучших городов Италии (App. В.С. V, 12), позволяет легионерам в любой момент устраивать сходки и требовать присутствия на них своего вождя (App. В.С. V, 14), не наказывает их за открытый бунт и убийство своих сторонников (App. В.С. V, 16), поддается на требование воинов простить легионеров Луция Антония после окончания Перузинской войны (App. В.С. V, 47), лично объезжает и успокаивает ветеранов, когда во время войны с Секстом Помпеем потерял в буре большое количество войска и кораблей (App. В.С. V, 99).

Именно в пятой книге войско становится совершенно самостоятельной силой в повествовании: в одном из эпизодов солдаты, обвиняющие своего

собрата в пособничестве Цезарю, указывают, что он изменяет общему делу (App. В.С. V, 15), при угрозе войны между Цезарем и Лепидом войско, недовольное этим, оставило последнего и перешло к Цезарю (App. В.С. V, 124). Более того, перед началом Перузинской войны спор между Луцием Антонием и Цезарем выносится на суд предводителей войска, которые формулируют очень подробные и масштабные положения договора (App. В.С. V, 20) и далее «курируют» разногласия между Луцием и Цезарем (App. В.С. V, 21, 23).

Последний же эпизод, интересный в плане отношений триумвиров и войска — это мятеж легионов после окончания войны с Секстом Помпеем. Он представляет собой необычное явление, ведь Цезарь здесь впервые решил прибегнуть к угрозам, «напоминал об отечественных законах, о данных солдатами клятвах, о дисциплине», которые вскоре пришлось оставить, чтобы не вызывать излишнего раздражения, однако в вопросе наград он оставался тверд, отказываясь их выдавать тут же. Более того в тексте есть намек, что он приказал убить вождя восстания, трибуна Офилия (App. В.С. V, 129). Не уступая в войску ни в чем, он сумел разделить восставших и подавить мятеж.

Любопытно, что это — последний такой эпизод, объяснение этому можно найти в следующей главе (App. В.С. V, 130), в которой сенат и народ объединяются в выражении Цезарю своего почтения и благодарности, теперь — они основа нового, мирного правления, войско свою роль исполнило, более в повествовании Октавиан в нем не нуждается.

Это — ключевая мысль всей сюжетной линии армии. Аппиан подчеркивает взаимозависимость претендента и войска: «вождям нужно было, чтобы власть их поддерживалась войском, войску — чтобы существовала власть для закрепления того, что они себе забрали» (App. В.С. V, 13, пер. Т. Н. Книпович). И эта зависимость вышла из стремления очередного претендента к власти, который набирал войско вопреки закону, и

оно служило ему не ввиду закона, а из личной приязни, которая в любой момент могла остыть, это и стало причиной значительного упадка дисциплины в войсках, которое мы можем наблюдать в эпоху Гражданских войн (App. В.С. V, 17). Как только Цезарь-младший перешел к мирному строительству, роль войска значительно упала, и оно уже не могло диктовать свою волю вождю.

Исходя из этой же мысли, следует рассматривать военные деяния республиканцев. Относительно настроения войск Брута и Кассия в повествовании мы не имеем упоминаний даже о малейшем недовольстве или возмущении, что вызывает неподдельное удивление Аппиана, ведь состояло оно в большей части из ветеранов Гая Цезаря, ревностно относившихся к памяти своего вождя. Объяснение этому Аппиан находит в том, что действовали они «не из личных интересов, а ради демократии» (App. В.С. V, 133, пер. А. И. Тюменева). Подобное же объяснение подходит и к войскам Помпея, судьбу которого во многом повторил Брут, уступивший по мягкости своей и из опасения касательно настроений своих легионов войскам, желавшим дать Антонию и Цезарю сражение (App. В.С. IV, 124). Однако Брута и Кассия отличает от Великого очень серьезная политработа, ведь они не только раздавали своим солдатам разнообразные подарки и вообще всячески заботились о том, чтобы армия ни в чем не терпела ущерба (App. В.С. IV, 101, 118, 124), но и активно разъясняли, зачем они сражаются, при этом не забывая объяснять противоречие, почему ветераны Цезаря сражаются на стороне его убийц — Кассий объясняет это тем, что не у наследника Венеры они находились на службе, но у государства, и именно оно давало им награды и жалование (App. В.С. IV, 98). При этом Кассий всячески пытается напомнить солдатам, что они — прежде всего полновластные граждане Рима, и им стоит думать о мирном времени и судьбу свою связывать с мирным строительством (App. В.С. IV, 93), он позволяет себе назвать их гражданами (App. В.С. IV, 96), что должно было до крайней степени оскорбить ветеранов

Цезаря, как мы знаем из второй книги (App. В.С. II, 93), однако в данной ситуации мы видим, что воины и вправду не мыслили себя отделенными от гражданского коллектива. Таким образом тираноубийцы смогли снять это противоречие для ветеранов, что же касается новобранцев, то они и так были проникнуты прореспубликанскими настроениями, о чем говорит Панса младшему Цезарю (App. В.С. III, 76).

Как мы видим, республиканские настроения кардинально меняют облик войска, и касается это не только легионов Брута и Кассия, но и, как ни странно, Луция Антония, хотя и не в такой степени. В описании Перузинской войны мы можем увидеть чрезвычайное воодушевление, проявляемое его войсками, в отличие от войск тираноубийц, будучи подвергаемы чрезвычайным лишениям во время осады Перузии. И этот эпизод представляет в высшей степени драматический элемент повествования: воины, теряющие последние силы от голода не давят на консула, чтобы он заключил мир с триумвиром, но просят его повести их в последний бой, чтобы умереть или прорвать блокаду (App. В.С. V, 36). И в ходе повествования мы узнаем, что это были не пустые слова, воины действительно готовы были умереть, и только воля командующего остановила их. И вся эта отвага объясняется как целью Луция Антония, в борьбе с триумвирами желавшего вернуть отеческий строй (App. В.С. V, 40), так и тем, что он был консулом, закон в глазах Аппиана был на его стороне.

Образ войска в труде Аппиана удивительно сложен, с одной стороны мы можем заметить, что те из полководцев, что сохраняли с войском тесную и непосредственную связь, побеждали своих противников, те же, кто эту связь терял, проигрывали. Однако если мы посмотрим внимательнее, то увидим, что связь с войском имела значение лишь для претендентов, именно на их стороне войска приобретали политическую сознательность, отделялись от гражданского коллектива, превращаясь в самостоятельную силу, отстаивающую свои собственные интересы, в результате образуя с

личностью не иерархическую структуру, но блок, союз «содружников», если же мы посмотрим на республиканскую партию, то в ней войска сознательно отступаются от собственных интересов, даже выступают против них во имя борьбы за общее дело, сознавая себя гражданами Рима: они не бунтуют, не требуют наделов¹⁸⁹, ведут себя с вождями почтительно, и лишь только энтузиазм от одержанных побед, презрение к войску противника, и божественное ослепление полководцев побуждает их противиться воле последних и стремится к роковому сражению. Здесь же стоит отметить, что на стороне республиканской партии и формальная законность — и Помпей, и Брут с Кассием, и Луций Антоний были облечены законной властью, санкционированной сенатом.

Аппиан вовсе не упоминает военные нововведения Гая Мария, и они, естественно, не могли быть для него причиной изменений в римском войске, оно не разложилось в своей совокупности, разложилась лишь его часть, ведомая своими вождями на погибель родине, при этом вторая часть его наоборот приобрела выдержку, стойкость, сознание своей ответственности перед общиной, ведь образцом нормального состояния войска, в сущности, являются марианцы: не воодушевленные какой-либо высокой идеей, в меру храбрые, в меру трусливые, настроение которых может поколебать относительно значительное усилие врага, достаточно вспомнить, каким могло быть римское войско до эпохи вооруженных междоусобиц, ярким примером чего являются испанские легионы до прибытия Сципиона Эмилиана (*App. Iber. 85*) и африканские — до Метелла (*App. Numid. II*).

¹⁸⁹ Хотя Брут все же упоминает, что наделы никто у ветеранов Цезаря отнимать не будет, но казна покроет убытки бывшим землевладельцам, чтобы они не имели непримиримой вражды к новопоселенцам (*App. II, 141*).

ГЛАВА IV. ПОНЯТИЕ ЗАКОНА И ЗАКОННОСТИ В ТРУДЕ АППИАНА

4.1. Внешняя сторона законности у Аппиана

В литературе часто обращается внимание на моральную сторону произведения Аппиана. Действительно, повествование «Гражданских войн» буквально пересыпано подробными и обстоятельными описаниями ужасов междоусобиц, призванными показать читателю благость императорского правления, обеспечивающего твердый порядок. Однако представляется, что не менее, чем сами убийства, Аппиана волновало нарушение законности, ведь если окинуть взглядом все повествование, то вопрос закона и его нарушения встретится на всем протяжении в различных вариациях и ипостасях.

Уже в своем историческом экскурсе Аппиан подчеркивает важность направления противостояния в рамки закона, именно в этом заключается здоровая политическая жизнь. Так, характеризуя предыдущее развитие римской государственности, Аппиан указывает, что все распри проходили в рамках закона (*διαφοραὶ μόναι καὶ ἔριδες ἔννομοι*; App, В.С. I, 1), единственный же случай открытого восстания — Марций Кориолан, изгнанный не противозаконно, а вопреки справедливости (*παρὰ δίκην*; App, В.С. I, 1). Характеризуя же эпоху гражданских войн, Аппиан пишет: «Все время, за исключением коротких промежутков, царила беззастенчивая наглость, постыдное пренебрежение к законам и праву» (*ὑβρις τε ἄκοσμος ἐπεῖχεν αἰεὶ δι' ὀλίγου καὶ νόμων καὶ δίκης αἰσχροὶ καταφρόνησις*; App, В.С. I, 2). Эта мысль повторяется почти в одних и тех же выражениях и далее по поводу некоторых трагических событий: по поводу убийства Апулеем и Главцией Гая Меммия: «Народное собрание, приведенное этим в большое возмущение, было распущено, попораны были все законы, все судебные приговоры, забыт был всякий стыд» (App, В.С. I, 32, пер. С. А. Жебелева); «Дело дошло до того, что никого уже больше не могли защитить ни свобода, ни демократический строй, ни законы, ни авторитет власти» (App, В.С. I, 33, пер. С. А. Жебелева);

по поводу Союзнической войны и противостояния Мария и Суллы: «Однако при ее окончании она породила другие смуты и выдвинула более сильных руководителей партий, которые в борьбе между собой прибегали не к внесению законопроекта, не даже к заискиванию перед народом, но к сплочению военной силы» (App. В.С. I, 34, пер. С. А. Жебелева); о диктатуре Суллы: «Не было и речи о каких-либо законах или о голосованиях, или о выборах по жребию; все от страха дрожали, попрятались, безмолвствовали» (App. В.С. I, 97, пер. С. А. Жебелева).

Из чего мы можем увидеть четкое подразделение на законную древность и незаконное время Гражданских войн, однако в дальнейшем повествовании сам же Аппиан указывает два примера, вносящих некоторые коррективы в эту картину, и очень характерных для мировоззрения нашего автора. Так, в историческом экскурсе, предшествующем земельной реформе Тиберия Гракха, мы можем узнать о печальной судьбе законодательства Лициния–Секстия, бывшего основой новой реформы: Аппиан пишет о комиссии, избранной для исполнения закона, следующее: «Но на деле оказалось, что они вовсе не заботились о соблюдении ни закона, ни клятвы. Те из них, которые, казалось, заботились, распределили, для отвода глаз, землю между своими домочадцами; большинство же относилось к соблюдению закона пренебрежительно» (App. В.С. I, 8, пер. С. А. Жебелева). Т.е. законы уже в самом начале своего осуществления самым грубым образом нарушались даже в благостные древние времена, традиция чего в полной мере сохранилась в эпоху Гражданских войн, ведь народ избирает Гракха и «всю его фамилию» для продвижения закона, ибо, как пишет Аппиан, боится, что без него в исполнение решение приведено не будет (App. В.С. I, 13). И, как ни странно, народ в этом оказывается прав, со смертью Тиберия проведение реформы сходит на нет, чтобы ненадолго возродится при его брате Гае и окончательно умереть после его смерти.

Другим примером подобного отношения к законодательству в древности мы можем видеть в сообщении Аппиана по поводу возникшей во время Гражданских войн распри между должниками и займодавцами, в котором мы читаем о том, что закон, воспрещающий давать деньги в рост, ко времени основного повествования был основательно забыт, «По долголетнему обычаю укрепилось взимание процентов» (App. В.С. I, 54, пер. С. А. Жебелева). Хотя ростовщичество противно духу Аппиана, однако в тексте не видно осуждения подобного нарушения, более того, если бы претор Азелион не решил его возобновить и не поплатился за это жизнью, это вообще не представляло бы для нашего автора интереса.

Можно было бы предположить за этими двумя примерами оптиматскую настроенность Аппиана, каковую я уже указывал ранее, ведь преступления, нарушающие интересы бедных слоев, продолжающиеся столетиями и доведшие значительную часть римского населения до отчаяния, почти совершенно не трогают нашего автора. Однако в данном случае Аппиана скорее волнуют именно наиболее вопиющие и острые случаи нарушения законности, демонстративно, символически нарушающие ее. Так, на протяжении всего повествования можно заметить особенное внимание автора к обстоятельствам гибели или изгнания некоторых персонажей: Ливий Друз был убит во время своего трибуната (App. В.С. I, 37), Сульпиций был отправлен в изгнание будучи трибуном (App. В.С. I, 60), Октавий погиб будучи консулом, и голова его была выставлена на форуме перед ораторской трибуной (App. В.С. I, 71), Сауфей и Главция погибли при знаках своей власти (App. В.С. I, 32), по поводу гибели ненавистного Аппиану Апулея Сатурнина наш автор сокрушается, что священная и неприкосновенная должность трибуна подвергала и подвергалась насилию (App. В.С. I, 33). Подобное же сообщение можно увидеть и при рассказе о самоубийстве Корнелия Мерулы, фламина Юпитера, оставившего записку, в которой указывал, что «вскрывая себе артерию, он снял свой головной убор— не

дозволено было в нем умирать жрецу» (App. В.С. I, 74), также будучи в должности погибли народный трибун Сальвий, преторы Минуций (App. IV, 17), Анналис и Тураний (App. IV, 18). Ряд этих сообщений поистине бесконечен.

Это стремление к символичности проявляется и иначе: Аппиана возмущают убийства Гракхов, Азеллиона, Апулея, по поводу гибели Тиберия он даже пишет: «[некоторые] сожалели о том положении, в каком находилось государство, где не было больше законного правления, но где господствовали кулачное право и насилие» (App. В.С. I, 17), однако эти смерти все же с большой условностью можно назвать частью относительно нормальной политической жизни, ведь далее Аппиан указывает, что до Союзнической войны политическая борьба заключалась во «внесении законопроектов, заискивании перед народом» (App. В.С. I, 34, пер. С. А. Жебелева). И здесь нет противоречия: рубежным, символическим актом для того, чтобы назвать римскую повседневность царством насилия и беззакония стало использование армии, ведь даже Марий для продвижения земельного закона Апулея не использовал своих ветеранов в качестве правильной военной силы, но лишь довольствовался тем, что народный трибун созывал их в Город как обычных жителей для оказания давления на голосующих. Армия не должна участвовать в политической жизни, иначе вся она сводится к праву сильного, примеров чему в римской истории и после конца Республики было великое множество.

Удивительно, но, имея в сердце своем такую приверженность к внешней стороне законности, Аппиан самым решительным образом осуждает стремление к ней у своих персонажей, постоянно изобличая ее лживость, в результате чего создается впечатление, что все их попытки создать видимость исконного строя являли собой лишь горькие усмешки новоявленных властителей над истязаемым государством, что было очевидно для всех современников. Так, Марий и Цинна вызывают в суд Корнелия Мерулу и

Лугация Катула, что дает возможность Аппиану сказать о показной законности (App. В.С. I, 74), до этого Аппиан повествует нам о насмешке Мария над законом, когда он указывает на невозможность изгнаннику войти в Город (App. В.С. I, 74); подобный же фарс Аппиан обличает и в оформлении власти Суллы с его правовыми конструкциями относительно интеррекса и диктатора (App. В.С. I, 99). Позже Сулла также допускает выборы консулов, что Аппиан также оценивает как стремление создать видимость «отеческого строя» (πρόσχημα τῆς πατρίου πολιτείας; App. I, 100), и потом также с этой целью Корнелий становится второй раз консулом (App. В.С. I, 103). Однако это противоречие легко разрешимо: для Аппиана, в отличие от его персонажей, эти символы были исполнены живого содержания. Они были тем единственным признаком, за который мог ухватиться историк при своих суждениях о законности и беззаконии. В этом плане показательно сравнить Аппиана и Плутарха. Последний удивительно точно понимает суть времени, когда законы не всегда приносили пользу, так, в биографии Мария он не только вкладывает народу мысль о необходимости его нарушения ради спасения Города, но и открыто критикует легиста Октавия, который своей пассивностью и стремлением во всем соблюдать законность довел свою партию до поражения (Plut. Mar. 42). Аппиан в то же время превозносит Октавия как раз за стремление к законному порядку (App. В.С. I, 71). Эпизод с возвращением Мария из изгнания у Плутарха также построен иначе: если у Аппиана грозный старик дождался вынесения постановления, то у херонейского историка он еще до окончания голосования, отбросив притворство, двинулся в город (Plut. Mar. 43). Этот мотив встречается и в биографии Суллы, где в сопоставлении ее с жизнеописанием Лисандра Плутарх отмечает, что не желает осуждать того, кто при всеобщем разложении и попрании законов добился власти (Plut. Sull. 39).

Вообще же понятие Аппиана о законности чрезвычайно смутное, он никоим образом не стремится разобраться в многочисленных перипетиях их

нарушений, что особенно проявляется касательно ключевых личностей римской истории. К примеру, Цезарь неоднократно нарушал законодательство, каждое из этих нарушений отмечалось Аппианом, здесь и осуждение и изгнание трибунов, о котором говорилось выше, земельные законы, дело Веттия, и сама гражданская война, однако убийство Цезаря нашему автору кажется куда большим преступлением, достаточно вспомнить обличение Брута и Кассия, о котором уже говорилось в первом параграфе, прибавим лишь еще совершенно замечательное описание разрешения вопроса о статусе тираноубийц для участников в умерщвлении Цезаря, где указывается, что диктатора необходимо либо признать тираном и отменить все его постановления, либо признать его власть и постановления законными (App. В.С. II, 127). Заговорщики представлены людьми бесчестными, подкупающими народ, часть их сторонников, как только Антоний сказал о возможной отмене назначений, сделанных Цезарем, тут же переменили свое мнение на вышеуказанный вопрос и заговорщикам пришлось гарантировать им утверждение в должности, но «более законным» (νομιώτερον) путем, т.е. через народное голосование (App. II, 129). Из всего эпизода сквозит неуверенность автора в разрешении вопроса, с одной стороны, убийство Цезаря противозаконно, однако его распоряжения также не соответствуют законам, к тому же еще обе стороны действуют не согласно отеческим обычаям, интригуя, идя на компромиссы с совестью.

Однако можно предположить, что Аппиан по большей части считал незаконным то, что совершается по воле и в интересах отдельной личности, что можно понять, к примеру, из его рассуждений о метаморфозе армии в эпоху Гражданских войн: «полководцы занимали свои должности [...] не на основании выборов, [...] войска [...] служили не для общественного блага, а в интересах только тех, кто их в войска зачислял; да и им они служили, подчиняясь не силе закона, а потому, что их привлекали данные отдельными лицами обещания; и сражались они не против врагов всего государства, а

против врагов отдельных лиц [...]» (App. В.С. V, 17, пер. Т. Н. Книпович). В том числе, как правило, по почину отдельной личности происходит и одно из центральных преступлений всего повествования, все время гражданских войн несущее семя будущих распрей, именно — изгнания¹⁹⁰.

В итоге можно сделать вывод, что Аппиан и в данном вопросе целиком и полностью следует традиции. Он не проявляет и малейшей самостоятельности и попытки войти в контекст тех событий, в отличие от того же Плутарха, как кажется, действительно погруженного в ту эпоху. Аппиан — типичный чиновник, человек средних способностей, для него на первом месте стоит внешняя сторона законности, он никак не оценивает ее сущность, за исключением, кажется, некой градации ее нарушений: преступления совершенно явные и направленные против господствующей системы он осуждает яростно, однако преступления более массовые, направленные против народной массы, для него не представляют особенного интереса.

4.2. Закон в качестве орудия политической борьбы в труде Аппиана

Аппиан в своем труде уделяет неодинаковое внимание различным сюжетам: законы, битвы, политические интриги, страдания народа получают различное выражение как с точки зрения объема, так и качества. При этом в историографии, как представляется, даже не ставится вопроса о соотношении этих сюжетов, но каждый историк по своему вкусу указывает, на какой сюжет в большей степени ориентирован наш автор¹⁹¹. Поскольку предыдущий параграф, равно как и раздел о земле, явно показал значение законодательной инициативы и шире — политической борьбы, в данном параграфе предлагаю проследить ее изображение на примере эпизодов первой книги.

¹⁹⁰ Rosenblitt J. A. Rome after Sulla. London, 2019. P. 83.

¹⁹¹ К примеру, Фридрих Шлоссер выделяет военную составляющую у Аппиана. Schlosser F. Bemerkungen über das kritische Studium der Geschichte und Erleichterung desselben durch Uebersetzungen der alten griechischen Schriftsteller, erläutert durch einen Ueberblick über die historische Litteratur der Griechen nach Isokrates Zeit. // Cassius Dio Geschichte der Römer, übrzt. von Friedrich Lorenz. Jena, 1826. S. XXV. Также выше отмечалось, что Маркс и советская историография выделяла земельный вопрос.

Как указывает сам Аппиан, нормальная политическая жизнь заключается во внесении законопроектов и в исключительных случаях заискивании перед народом (App. В.С. I, 34), однако в ее изображении наш автор не проявляет должной аккуратности.

Так, к примеру, Тиберий Гракх вступает на историческую сцену совершенно внезапно, с ходу внося свой прожект земельной реформы, в повествовании нет и намека на мотивы, сподвигнувшие его на такой поступок, нет и хотя бы поверхностного изображения его подготовки, вместо этого Аппиан указывает, что Гракх «возобновлял» (ἀνεκαίνιζε) закон и «добавил» (προσέτιθει) к нему пункт о наделах для сыновей (App. В.С. I, 9), из чего следует, что никакой подготовки не было, он лишь возобновлял старую традицию.

При этом в связи с этим законом практически не упоминаются личные имена, действие разворачивается между группами, классами: бедные жалуются на свою судьбу (App. В.С. I, 10), Гракх увещевает зажиточных (App. В.С. I, 11), они же подговаривают Октавия препятствовать законопроекту Тиберия (App. В.С. I, 12), оптиматы (οἱ δυνατοὶ) пытаются выступить посредниками в борьбе (App. В.С. I, 12), над всем этим стоят государственные мужи, целью которых является не благополучие (εὐπορία), но обилие добрых мужей (εὐανδρία; App. В.С. I, 11). Из группы Гракха Аппиан упоминает лишь Гая, его брата, Аппия Клавдия, в повествовании до смерти старшего Гракха не принимающих активного участия, и Квинта Муммия. Из его противников названы лишь трибун Октавий, в повествовании являющийся орудием зажиточных, и великий понтифик Сципион Назика, без особых на то причин, взявший на себя роль руководителя группы убийц демарха.

В то же время у Плутарха эпизод с борьбой относительно законодательства Тиберия изложен куда более подробно: здесь и тщательная подготовка законопроекта, в которой демарху помогали Красс и Муций

Сцевола (Plut. Grac. 9), две редакции земельного закона (Plut. Grac. 10), большое количество имен, в т.ч. консулов Манлия и Фульвия (Plut. Grac. 11), а также мотивы многих присутствующих, в т.ч. Октавия и Сципиона Назики (Plut. Grac. 13). Также Плутарх упоминает и другие законопроекты Тиберия (Plut. Grac. 16), которыми он стремился привлечь народ на свою сторону.

Большую часть этих деталей Аппиан совершенно пропускает, что говорит в данном случае не о слабости автора, но о хорошей проработке эпизода: здесь читатель найдет ясную и четко очерченную мысль: из-за нарушения традиций страдает римское государство, видя это, Тиберий Гракх, человек знатного происхождения, что немаловажно в деле сохранения спокойствия и процветания государства, пытается возобновить традицию земельного закона, авторы коего даже не называются, но сам же нарушает уже иной обычай, нарушает неприкосновенность особы трибуна, пытаясь обойти внезапно проявившееся препятствие, что делает его в глазах Аппиана персонажем как минимум неоднозначным, ведь его новаторство послужило толчком гражданским распрям. Здесь нет никаких лишних деталей, лишь основной стержень.

Следы подобной же обработки носит на себе и эпизод с Гаем Гракхом, основная мысль которого — противостояние трибуна и сената. В общих чертах я затронул эту тему в параграфе про аристократию, здесь же добавлю несколько моментов. Так, среди всеобщего уныния, вызванного пробуксовкой работы земельной комиссии, младший Гракх выставил свою кандидатуру в демархи, радуясь (*ἀσπᾶσιος*; App. В.С. I, 21), вероятно, тому, что обстоятельства дают ему удобный случай отомстить сенату, ибо «многие сенаторы относились к нему презрительно» (App. В.С. I, 21, пер. С. А. Жебелева). О благе народа и государства он и не думает, все его действия строго подчинены озвученной цели, так, единственным его мероприятием в первый год своего трибуната был закон о распределении народу продовольственных денег, что дает право Аппиану сказать, что Гракх открыто

подкупал народ (ἔχων τὸν δῆμον ἔμισθον; App. B.C. I, 22), а после столь же открыто купил и всадников своей судебной реформой, при этом и после давая им все, чего бы они не пожелали (ἀντιλαμβάνοντες παρ' αὐτῶν, ὅ τι θέλοιν). Таким же образом он попытался привлечь на свою сторону и всех италиков, но сделать ему этого не удалось, что стало началом его конца, поскольку сенат решил противопоставить тирании, столь открыто в повествовании Аппиана готовящейся, другого трибуна, Ливия Друза, убедив его воспрепятствовать законам Гракха (App. B.C. I, 23). Собственно, мнение Аппиана, как можно понять из слов Плутарха, являлось господствующим¹⁹² (Plut. Grac. 22), ведь сам историк должен был специально опровергать эту точку зрения, главным образом добавляя новые факты и распространяя имеющийся материал. Так, одну строчку Аппиана о неприязни некоторых сенаторов к младшему Гракху Плутарх развивает в живую и яркую картину травли молодого политика, но при этом херонеец указывает нам, что не это сподвигло Гая искать должности трибуна, а забота о благе народа, в повествовании выражающаяся в многочисленных законопроектах, передаваемых Плутархом целым скопом, преследующих едино пользу плебса (Plut. Grac. 26, 28). Подобным же образом он развивает и сухое сообщение Аппиана о Ливии Друзе, добавляя множество весьма любопытных подробностей о взаимоотношениях последнего с самим Гракхом и с богачами, взявшими его себе на службу, и обличая его деятельность как антинародную и бесполезную для государства (Plut. Grac. 30).

Подобным же образом Аппиан поступает и с описанием законодательства Ливия Друза младшего, вписывая его в контекст предстоящей Союзнической войны¹⁹³, вся деятельность трибуна является необходимым звеном в истории италийского вопроса¹⁹⁴ и направлена на его

¹⁹² О чем свидетельствует и повествование Веллея Патеркула (Vell. Pat. II, VI, 2).

¹⁹³ Münzer F. Livius 18 // RE. Bd. XIII, 1. Stuttgart, 1926. S. 859.

¹⁹⁴ При этом в описании данного вопроса Аппиан не упоминает важного lex Licinia Mucia de civibus redigundis, указывает Lex Julia de civitate Latinis et socii danda без авторства (App. B.C. I, 49), а о lex Plautia

разрешение¹⁹⁵ (App. В.С. I, 35). Друз в представлении Аппиана действует подобно Гаю Гракху, пытаясь сплотить вокруг себя все сословия: народ — колониями, сенат и всадников — компромиссом касательно судов¹⁹⁶. В то же время среди остальных источников наблюдается поразительная разногласица¹⁹⁷, так, Веллей Патеркул считает основной целью Друза судебную реформу, предпринимаемую им в интересах сената (Vell. Rom. Hist. II, XIII), Аврелий Виктор вообще не выделяет из его законодательства важнейшего закона, но перечисляет их скопом: «В качестве народного трибуна он предложил латинянам права гражданства, плебеям — землю, всадникам — доступ в курию, сенату — суды» (Aug. Vic. De vir. ill. 66, 4, пер. В.С. Соколова). При этом позиция Аппиана в данном вопросе вызывает удивление, ведь он не осуждает Друза в его стремлении предоставить италийцам права гражданства, хотя относительно подобных же мероприятий Фульвия Флакка («подстрекал италийцев», ἠρέθιζε τοὺς Ἰταλιώτας; App. В.С. I, 34), Гая Гракха (делал то же, чтобы «иметь их при голосовании на своей стороне»; App. В.С. I, 23, пер. С. А. Жебелева), Гая Мария и Публия Сульпиция¹⁹⁸ (App. В.С. I, 55) придерживается мнения, сходного с точкой зрения Р. В. Лапыренка: «Италийский вопрос всегда был для римских политиков лишь способом обрести популярность среди союзников и представлял собой особый вид социальной демагогии»¹⁹⁹. Друз в повествовании действует не из собственных интересов, но лишь по просьбе италийцев (App. В.С. I, 35), вероятно, это связано с почти единодушным представлением традиции о Друзе как о человеке самых высоких моральных

Papiria de civitate вовсе дает лишь косвенный намек, говоря, что по окончании войны все союзники получили права гражданства (App. В.С. I, 53).

¹⁹⁵ Busolt G. Quellenkritische Beiträge zur Geschichte der römischen Revolutionszeit // Jahrbücher für classische Philologie. 1890. Vol. 141. S. 409.

¹⁹⁶ При этом поразительно, что Аппиан не упоминает предпринятой Друзом в интересах должников порчи монеты, которую можно было бы записать в интересующий его долговой вопрос. Schultz C. L. F. Grundlegung zu einer geschichtlichen Staatswissenschaft der Römer. Köln am Rhein, 1833. S. 390.

¹⁹⁷ Münzer F. Livius 18. S. 859.

¹⁹⁸ О зачислении новых граждан во все трибы.

¹⁹⁹ Лапырёнок Р. В. Гай Марий и Публий Сульпиций // Studia historica. 2004. Т. IV. С. 71.

качеств²⁰⁰, и кажется, не зря Аппиан особо упоминает, что он был «мужем очень знатного происхождения» (ἀνὴρ ἐπιφανέστατος ἐκ γένους; App. В.С. I, 35), что, кстати, указывалось и относительно Тиберия Гракха (ἀνὴρ ἐπιφανής; App. В.С. I, 9).

Забавно, что в тех случаях, где остальные источники предоставляют нам скудные и сухие сведения, наш автор кажется образцом исследователя. Так, в истории с гибелью претора Семпрония Азеллиона, когда Валерий Максим и эпитоматор Ливия указывают лишь обстоятельства его смерти, прибавляя, что в условиях долговых смут претор встал на сторону должников (Val. Max. XI, 7, 4; Liv. Per. LXXIV), Аппиан по уже ставшему обычаем образу дает предысторию этого дела, весьма правдивое изображение долгового вопроса в Риме²⁰¹, указывая на то, что Азеллион попытался возобновить старинный закон, по которому воспрещалось брать с должника проценты, что, собственно, и вызвало ожесточение кредиторов, приведшее к гибели претора (App. В.С. I, 54). Однако любопытно отметить, что несмотря на тягу Аппиана преследовать на протяжении всего повествования определенный вопрос, в данном случае он отставляет долговой сюжет вплоть до диктатуры Цезаря (App. В.С. II, 48), не указывая *lex Cornelia Pompeia unciaria*²⁰², вообще упоминаемый лишь у Феста²⁰³, забыв о радикальном законе Валерия Флакка, разрешавшем должникам уплачивать одну четвертую долга (*turpissimae legis auctor*; Vell. Pat. II, 23), ввиду чего кажется, что и сам случай Азеллиона он упоминает в большей степени по той же причине, что и Валерий Максим — как пример «насилия и мятежа», ведь в повествовании сенат предпринял определенные шаги к расследованию данного дела, оставшиеся, однако, безрезультатными ввиду преступной сплоченности кредиторов.

²⁰⁰ Münzer F. Livius 18. S. 863.

²⁰¹ Schultz C. L. F. Grundlegung zu einer geschichtlichen Staatswissenschaft der Römer. Köln am Rhein, 1833. S. 390.

²⁰² Ibid. S. 173.

²⁰³ Vockerstaert H. M. De L. Cornelio Sulla legislatore. Lugduni Batavorum, 1816. P. 97.

Подобным же образом обстоит дело и с трибуном Публием Сульпицием. Если Плутарх вовсе не желает описывать способ, каковым демарху удалось добиться избрания Мария полководцем в войне с Митридатом (Plut. Mar. 35; Sull. 8), эпитоматор Ливия просто перечисляет его мероприятия (Liv. Per. LXXVII), а Веллей Патеркул называет только один законопроект Сульпиция, именно о передаче командования²⁰⁴, то Аппиан расписывает деятельность Сульпиция значительно подробнее, вводя ее в уже знакомый италийский вопрос (App. B.C. I, 55), ибо, согласно нашему автору, Сульпиций решил передать командование в новой войне Марию при поддержке новых граждан из числа италийцев, которых последний обещал распределить по всем трибам. При этом насколько бы данная версия ни казалась неправдоподобной, особенно если учесть почти маниакальное стремление Аппиана приписать всем законопроектам некий злой умысел, что неоднократно уже демонстрировалось, нельзя не назвать странной тенденцию части историографии, не указывая ни одной ссылки на источник, при полном отсутствии в источниках иных предположений утверждать как само собою разумеющееся, что распределить новых граждан по всем трибам было изначальным желанием Сульпиция, а союз с Марием вторичен, как это делают Франц Герлах²⁰⁵ и Артур Кивни²⁰⁶. Внятное объяснение несостоятельности версии Аппиана дает А. В. Короленков²⁰⁷, но и его рассуждения не кажутся убедительными, особенно же предлагаемый им мотив действий Сульпиция, согласно которому часть сенаторов, связанных с италийскими общинами, могла иметь от нового закона «определенные выгоды». Мотив, как кажется, недостаточный в сравнении с железной конструкцией Аппиана, особенно если вспомнить историю италийского вопроса. Утверждение же Антона Викторовича относительно того, что

²⁰⁴ Закон о гражданстве, точнее посул о нем Веллей относит к Луцию Цинне (Vell. Pat. II, XX).

²⁰⁵ Gerlach F. D. *Verfassung der Römischen Republik von den Gracchen bis auf Julius Cäsar*. Basel, 1874. S. 30.

²⁰⁶ Кивни А. Что произошло в 88 г.? // *Studia historica*. 2006. Т. VI. С. 213.

²⁰⁷ Короленков А. В. Законодательство Публия Сульпиция и особенности его социально-политического контекста // *Вестник древней истории*. 2015. № 3. С. 36, 42.

Аппиан сам не верил в написанное им касательно данного эпизода²⁰⁸, мне кажется в корне неверным, ввиду уже озвученного стремления, каковое наиболее сходным образом проявилось в земельном прожекте Апулея Сатурнина.

Касательно законодательства Суллы Аппиан также передает достаточно подробные сведения в сравнении с другими источниками, к примеру, эпитоматор Ливия просто указывает, что Сулла «упорядочил положение государства» (*civitatis statum ordinavit*) и вывел колонии (*Liv. Per. LXXVII*), Плутарх вовсе ничего не пишет об этом, Веллей Патеркул применительно ко времени после первого захвата Рима Суллою указывает лишь один закон — об изгнании Мария с сыном и Сульпиция (*Vell. Pat. II, XIX*), а после второго — лишь назначение Суллы диктатором и проскрипции (*Vell. Pat. II, XXVIII*), и лишь наш автор не просто передает все законодательные мероприятия, он в сущности является единственным источником, приводящим их столь полно, связно и с такими подробностями, подразделяя деятельность Суллы на период его консульства и время после второго захвата Рима, при этом законы первого раздела имеются только у Аппиана²⁰⁹: «не представлять в народное собрание ничего, что предварительно не было бы подвергнуто обсуждению в сенате»; «голосование должно происходить не по трибам, но, как это установил царь Тулл Гостилий, по центуриям» (пер. С. А. Жебелева), лишение трибунов части их власти, зачисление в сенат трехсот наиболее выдающихся граждан (*App. B.C. I, 59*).

²⁰⁸ Короленков А. В. Законодательство Публия Сульпиция... С. 36, 42. Аргумент же о «фигуре умолчания», якобы использованной Аппианом, вообще кажется довольно забавным, поскольку буквально ту же самую фигуру можно усмотреть и у Сергея Львовича Утченко, что, конечно, не говорит о том, что он стремился тем самым показать свое недоверие этой версии. Утченко С. Л. Древний Рим. События. Люди. Идеи. М., 1969. С. 35.

²⁰⁹ Странно поступает К. С. Захария, давая ссылку на дополнения к Ливию Иоганна Фрейнгейма, указывая, что у него можно найти список всех источников, передающих нам сведения о законах периода консульства Суллы, поскольку и сам он, и другие авторы, пишущие о данном вопросе, и даже упомянутый Фрейнгейм ссылаются только на Аппиана: Zacharia K. S. Lucius Cornelius Sulla, genannt der Glückliche, als Ordner des römischen Freystaates. Erste Abt. Heidelberg, 1834. S. 104; Vockerstaert H. M. De L. Cornelio Sulla legislatore. Lugduni Batavorum, 1816. P. 93–99. Freinshemius J. T. Livii Patavini libri, qui supersunt omnes cum integris Joannis Freinshemii supplementis. Vol. IX. Biponti, 1786. P. 105.

Нужные книги Ливия не сохранились, Плутарха законодательный вопрос не интересовал вовсе, Веллей Патеркул стремился к краткости, почему Аппиан решил так построить свое повествование? Тем более, если принять точку зрения Артура Кивни, указывающего на минимальное понятие автором предмета своего повествования²¹⁰? Если же вслед за Стрэчан-Дэвидсоном предположить, что все законодательство периода консульства Суллы следует отнести к его диктатуре²¹¹, то означенный вопрос встает еще более остро.

Конечно, консульские мероприятия Суллы после первого штурма Рима выглядят вполне логично не только в изображении новых историков²¹², но и у самого Аппиана, ввиду чего можно вполне резонно предположить, что такое построение эпизода автор взял у своего источника, однако на вопрос можно ответить и иначе, исходя из внутренней логики повествования.

Как уже указывалось выше, Аппиан имеет как минимум неоднозначное, если не положительное мнение о Сулле, усматривая в нем установителя твердого порядка, такое же воззрение на диктатора формируется и учителя как раз ввиду разделения законодательной деятельности Суллы на два раздела. В первый период Аппиан представляет Суллу в качестве реставратора, стремящегося излечить раны, нанесенные Риму революцией Сульпиция²¹³, консул вполне гуманно восстанавливает старые порядки, пытаясь найти в древних обычаях опору против новых дел. Аппиан мог тем самым не только отделить благотворные начинания от расправы, что диктатор устроил впоследствии, но и объяснить его поступки поведением противной партии, спровоцировавшей его своей невиданной жестокостью (App. В.С. I, 71), всю законодательную деятельность которой Аппиан описывает буквально в двух словах: «законы, изданные при Сулле, были отменены»

²¹⁰ Кивни А. Что произошло в 88 г.? С. 234.

²¹¹ Appian. Civil Wars: book I. Ed. with notes and map by J. L. Strachan-Davidson. Oxford, 1902. P. 62.

²¹² Katz B. R. First fruits of Sulla's march // L'Antiquité Classique. 1975. T. 44. Fasc. 1. P. 104.

²¹³ Кажется, Моммзен, рассуждая об этом, следует общему посылу Аппиана. Моммзен Т. История Рима. Т. 2. От битвы при Пидне до смерти Суллы. М., 1937. С. 244.

(App. В.С. I, 73, пер. С. А. Жебелева), предполагая, что основой их деятельности являлся не закон, а насилие, и в этом случае даже эпитоматор Ливия при полностью идентичном смысле расписывает это куда подробнее, указывая не то, какие законы были отменены, а какие были введены (Liv. Epit. LXXXIV).

Применительно к периоду после разгрома марианцев наибольшим вниманием Аппиана пользуется избрание Суллы диктатором (App. В.С. I, 98), завершающее образ абсолютного властителя Рима. Этот эпизод, если его сравнить с изображением у Плутарха, очень хорошо характеризует нашего автора, так, Херонеец изображает становление Суллы как волевой акт самого полководца — он, ни перед кем не отчитываясь, провозглашает себя диктатором (δικτάτορα μὲν γὰρ ἑαυτὸν ἀνηγόρευσε; Plut. Sull. 33). Главная идея эпизода — абсолютная власть Суллы, позволяющая ему творить все по своему усмотрению, Плутарх знает сущность нового строя и не желает углубляться в его оформление, иначе у Аппиана — он также прекрасно понимает тиранический характер новой власти, но, указав, что Корнелий пожелал создать себе видимость законности, объясняет сущность этой задумки, предоставляя читателю в излюбленной им манере предысторию вопроса, точнее — предысторию должности диктатора и интеррекса, за которые решил ухватиться Сулла, добавляя при этом, сколь точно, конечно, в рамках разумного новоявленный властитель следовал обычаю — у его диктатуры была цель — упорядочивание государственного строя. Здесь автор отошел от эмоциональных оценок, вероятно, желая объяснить читателю, каким образом беззаконие смогло примириться с законом.

При этом мероприятия Суллы-диктатора, как кажется, носят преимущественно тот же характер, что и в первый период — унижение должности народного трибуна, добавление новых членов в сенат, упорядочивание курса должностей, однако к ним примешиваются два иных законопроекта — Сулла вводит в народное собрание 10 тыс. Корнелиев и

намеревается то же провести и с италийцами (App. В.С. I, 100), вкупе с выведением колоний и проскрипциями это должно показать читателю, что цель нового законодательства иная: укрепление не государства, а личной власти Суллы. Хотя на протяжении повествования Сулла столь настойчиво стремится уверить народ Рима в искренности своего стремления к демократической власти (App. В.С. I, 98, 100, 103), что может показаться верным утверждение Александра Виттиха, что он стремился даровать Риму покой и благополучие²¹⁴, однако Аппиан раз за разом указывает читателю, что все эти шаги являются притворством, что все его законодательные инициативы ведут лишь означенной выше цели. Кажется, что примером Суллы Аппиан задает вопрос о законности взятой силой власти.

В данном рассуждении остановлюсь на окончании первой книги. Какие же выводы можно сделать из вышесказанного? Аппиана, как явно показало данное рассмотрение, в наименьшей степени можно назвать компилятором, каждый почти эпизод его повествования подчинен определенной идее, структурирован под нее, и в соответствии с нею автор подбирает материал., что явно видно на примере Гракхов, Ливия Друза, марианцев, и отбор этот порою бывает очень жестким, Аппиан буквально отсекает целые пласты материала. Одновременно с этим показательна любовь Александрийца к достаточно значительным историческим экскурсам, в которых он стремится показать развитие конкретного вопроса от самых истоков.

При этом, как уже указывалось выше, политическая борьба, примеры которой были даны в данном параграфе, в большей степени заключается и должна заключаться в борьбе за законодательную инициативу, в чем состоит здоровое течение политической жизни.

²¹⁴ Wittich A. De Reipublicae ea forma, qua L. Cornelius Sulla Dictator totam rem Romanam ordinibus, magistratibus, comitiis commutavit. Lipsiae, 1834. P. 14.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование миросозерцания Аппиана Александрийского представляет собой значительные трудности даже не ввиду отсутствия материала, малого количества сведений о его жизни, а ввиду сложности произведения, заключающейся в его крайней простоте. Большинство авторов сходятся во мнении, что Аппиан — лишь посредственный компилятор, «трутень чужих трудов»²¹⁵, как его называет Герард Фосс, и такая точка зрения, как кажется, подтверждается анализом его произведения: единственной концептуальной основой его истории, благодаря которой, как представляется, его труд был интересен читающей публике и, соответственно, сохранился до наших дней, было удачное распределение материала. В этом же духе можно истолковать и указание самого Аппиана во введении, когда он пишет, что основным мотивом, побудившим его к созданию труда, было предположение, что кто-нибудь захочет узнать римскую историю в том же порядке, как это сделал он сам (App. Praef. 13). Его труд зависит от его предшественников: оценка отдельных исторических персонажей, преобладающее внимание к судьбам руководящих слоев населения, отношение к земельному законодательству и т.д. — все это говорит не в его пользу. Его мировоззрение поверхностно, он не придерживался некой определяющей идеи, соединяющей все события воедино²¹⁶, до нас дошли авторы куда более выдающиеся, к примеру, современник Аппиана Плутарх или автор «самой глухой поры самодержавия»²¹⁷ Дион Кассий, каждый из которых имеет любопытную и оригинальную точку зрения на описываемые события. Аппиан не ставил перед собой какой-то грандиозной цели, он сознает всю ограниченность своего труда, что вполне проявляется и в самом содержании, где он не

²¹⁵ Vossius G. I. De historicis graecis libri quattuor. Lugdunum batavorum, 1624. P. 182.

²¹⁶ Ulrich H. von. Charakteristik der antiken Historiographie. S. 243.

²¹⁷ Каким его называет Р. Ю. Виппер, см.: Виппер Р. Ю. Очерки развития Римской империи. Берлин, 1923. С. 254.

пытается ни научить читателя государственному управлению, ни снабдить повествование некими философскими размышлениями и предписаниями²¹⁸, но оставляет ему самому выбрать, какую пользу он может из его произведения вынести²¹⁹. Однако все это представляется очевидным лишь при взгляде, так сказать, сверху. Если же мы углубимся в повествование, то увидим тщательную проработку отдельных эпизодов, частые оценочные суждения, выражения собственного мнения, постепенно складывающиеся в полнокровную, цельную и оригинальную картину.

Аппиан — приверженец законности, но законности ради нее самой, законности, не сообразующейся с обстоятельствами, его герой — легист Октавий, являющийся для Плутарха глупцом. Наш автор устранился от глубокого анализа событий, его оценки просты, основаны на внешних атрибутах и изменяются вслед за развитием событий, так, преступающие закон Тиберий Гракх и Юлий Цезарь сами же становятся жертвами преступления²²⁰. Более того, Аппиан столь непоследователен, что в ином месте он одновременно восхваляет и Цезаря, и Брута с Кассием, при этом касательно последних его похвалы не менее красноречивы, чем его обвинения (App. В.С. IV, 132–134). При этом среди похвал он отдельно указывает на крайнюю любовь сената по отношению к последним двум персонажам, которая идет вразрез с уважением его к Цезарю. Хотя подобное воззрение — простейший способ дать оценку происходящим событиям, все же следует согласиться с Доменико Маньино в том, что это устранение — сознательный выбор умеренного человека, сознающего всю сложность описываемых событий²²¹.

²¹⁸ Dominicus A. De indole Appiani Alexandrini, Graeci Romanarum gestarum scriptoris. P. 17.

²¹⁹ Ibid. P. 18.

²²⁰ Шлоссер пишет, что такая оценка смерти Цезаря связана с тем, что Аппиан смотрит на него с позиции своего века, когда императорское правление доказало свою благотворность. Однако это лишь еще раз показывает непоследовательность нашего автора в оценках. Schlosser F. Bemerkungen über das kritische Studium der Geschichte... S. XXVI.

²²¹ Magnino D. Le 'Guerre Civili' di Appiano // Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt. T. II. Bd. 34, 1. Berlin; New York, 1993. P. 546.

Из приверженности Аппиана к законности, как кажется, вытекает и двойственное отношение к армии: войска претендентов представляют для него чудовищную толпу мародеров, которые, целиком поглощенные собственными интересами, и думать не желают о благе общины, но стараются укрепить свои завоевания, добытые чужим горем, путем активного укрепления власти своего вождя. Они обладают активным самосознанием, и готовы бороться со всяким, кто посягнет на то, что они считают своим, в том числе и со своими вождями. Войска же республиканцев являют собой полную противоположность им: они подчиняются своим полководцам не из личных с ними отношений, но ввиду закона, в их среде нет мятежей, взоры их направлены не на войну, а на мирное строительство.

Со стороны этого же пункта следует рассматривать и отношение к сенату, который, хотя часть его морально разложилась, все же в повествовании является хранителем мира, основой государственного строя, ввиду чего именно он становится основным противником личности, которая с остальными сословиями умело находит общий язык, и в противостоянии этом он, как правило, представляет собой жертву, а происходит это потому, что он являет собой пример истого консерватизма, не придерживается партийной политики, пытаясь всеми силами сохранить осколки бывшего порядка. Но как только он от этой политики отходит в период распада первого триумvirата и образования второго, начинает проводить активную политику, соответствующую духу гражданских войн, примыкает к какой-либо партии, перестает играть роль примирителя сторон, нарушает законодательство, то тут же навлекает на себя неодобрительные замечания нашего автора.

Аппиан не любит народ, разложение которого живописует на страницах своего труда, народ, вскоре после начала Гражданских войн превратившийся в простую совокупность различных партий, приверженцев того или иного водителя, превратившийся в толпу, готовую продаться тому, кто больше

заплатит. Однако в то же время Аппиан — приверженец традиционного уклада римской гражданской общины, неотъемлемой частью которого является этот самый народ, бедствия коего могут угрожать самому существованию государства, и именно поэтому интересуют нашего автора.

Из трех составляющих частей общины, богов, нобилитета, народа, вполне функционирующей остаются только боги, что и обуславливает начало кризиса и появление в недрах общины новой исторической силы — харизматичной личности, действующей в собственных интересах, противостоящей коллективу, подминающей его своей власти, противной чтущему традиции и законы Аппиану. Он боится ее, во всем, что как-то может усилить ее роль, он видит ее злую волю, он осознает ее путь к власти, ее поиск союзников, именно поэтому любая попытка провести закон в пользу неимущих масс рассматривается им как стремление очередного претендента завоевать народную любовь, что может облегчить ее приход к власти, только в этом ключе им и рассматриваются многочисленные земельные законы. Личность опирается на противные мирному строительству силы — развращенный народ и армию, перестраивает само существо общины, и все это перед миром богов, защищающих общину. Аппиан не может предположить, чтобы боги могли погубить Город, поэтому стремится победу враждебной силы примирить со своей глубокой религиозностью, что выливается в тот поиск богами спасения для погибающей общины, который мы можем наблюдать почти на протяжении всего повествования, результатом этого поиска становится установление в Риме единовластия²²². При этом личности претендентов оцениваются Аппианом по-разному, популяры подвергаются в его произведении решительному осуждению, в то время, как сторонники нобилитета при всех своих недостатках, при всей совокупности

²²² Хотя и здесь Аппиан действует в полнейшем соответствии с традицией, воплощающей римский дух, предполагающей пристальное внимание ко всяким предзнаменованиям и оракулам. Ulrici H. von. Charakteristik der antiken Historiographie. S. 74.

преступлений все же предстают в его труде фигурами неоднозначными, имеющими в своей деятельности определенные положительные черты.

И все эти мировоззренческие черты скрепляются общим духом этой истории, написанной в ту пору, когда самодержавная власть уже второе столетие держала в своих руках Город, духом столь непохожим на свое время и приличествующим скорее описываемой эпохе, ведь, говоря словами тайного надворного советника Фридриха Шлоссера, «Аппиан приходит в воодушевление при виде истинной свободы, республиканского величия, возвышенности и благородства»²²³.

²²³ Schlosser F. Bemerkungen über das kritische Studium der Geschichte... S. XXVI.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники:

1. Аппиан Александрийский. Римская история. М.: Ладомир, 2002. 879 с.
2. Орозий Павел. История против язычников. Книги I–III. СПб: Алетейя, 2001. 60 с.
3. Патеркул Веллей. Римская история / Пер. А. И. Немировского, М. Ф. Дашковой. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. 211 с.
4. Плутарх. Сравнительные жизнеописания в двух томах. Т. 1. М.: Наука, 1994. 702 с.
5. Appianus. Historia Romana. Ex recensione L. Mendelssonii. Vol. I, II. Lipsiae: In aedibus B. G. Teubneri, 1879. 680 p.
6. Dionis Cassii Cocceiani Historia Romana. Cum ann. Ludovici Dindorfii. Vol. II. Lipsiae: B. G. Teubneri, 1863. 423 p.
7. Livius T. Ab urbe condita libri. Erkl. von W. Weissenborn. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1871. 376 p.
8. Plutarchus. Vitae parallelae. Iterum recogn. C. Sintenis. Ed. stereotypa. Vol. I, II. Lipsiae: In aedibus B.G. Teubneri, 1877–1879. 480 p.
9. Sallustius Caius Crispus. De coniuratione Catilinae et De bello Iugurthino libri. Ex historiarum libris quinque deperditis orationes et epistulae. Erklärt von Rudolf Jacobs. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1881. 274 S.
10. Valerius Maximus. Factorum et dictorum memorabilium libri novem. Recensuit et emendavit Carolus Kempfus. Berolini: Impensis Georgii Reimeri, 1854. 813 p.
11. Velleius Paterculus. Historiarum libri duom. Rec. W. S. Wait. Leipzig: Teubner, 1988. 118 p.

Литература:

12. Виппер Р. Ю. Очерки развития Римской империи. СПб: Коло, 2019. 560 с.

13. Гревс И. М. Очерки из истории римского землевладения. Т. 1. СПб: тип. М. М. Стасюлевича, 1899. 651 с.
14. Жебелев С. А. Аппиан и его «Гражданские войны» // Аппиан. Римские войны. СПб, 1994. С. 9–14.
15. Заборовский Я. Ю. Аппиан и римская *civitas* в последний век существования республики // Вестник древней истории. 1981. № 4. С. 138–144.
16. Кивни А. Что произошло в 88 г.? // *Studia historica*. 2006. Т. VI. С. 213–252.
17. Короленков А. В. Законодательство Публия Сульпиция и особенности его социально-политического контекста // Вестник древней истории. 2015. № 3. С. 30–45.
18. Лапырёнок Р. В. Наследие аграрного закона Тиберия Гракха: земельный вопрос и политическая борьба в Риме 20-х гг. II в. до н.э. М: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2016. 280 с.
19. Лапырёнок Р. В. Гай Марий и Публий Сульпиций // *Studia historica*. 2004. Т. IV. С. 62–74.
20. Маркс К. Письмо Энгельсу от 27 февраля 1861 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений в 50-ти томах. Изд. 2-е. Т. 30. М.: Госполитиздат, 1963. С. 126.
21. Моммзен Т. История Рима. Т. 2. От битвы при Пидне до смерти Суллы. М.: Гос. соц-эк изд-во, 1937. 447 с.
22. Моммзен Т. История Рима. Пер. с нем. Т. 3. М.: Гос. соц-эк изд-во, 1941. 549 с.
23. Севастьянова О. И. Аппиан и его история // Вестник древней истории. 1950. № 2. С. 253–262.
24. Сергеенко М. Е. Земельная реформа Тиберия Гракха и рассказ Аппиана // Вестник древней истории. 1958. № 2. С. 150–156.
25. Утченко С. Л. Юлий Цезарь. М.: Мысль, 1976. 355 с.

26. Утченко С. Л. Древний Рим. События. Люди. Идеи. М.: Мысль, 1969. 365 с.
27. Хан И. Аппиан и Александрия // Вестник древней истории. 1961. № 1. С. 72–86.
28. Штаерман Е.М. Социальные основы религии Древнего Рима. М.: Наука, 1987. 318 с.
29. Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии. // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений в 50-ти томах. Изд. 2-е. Т. 21. М.: Госполитиздат, 1961. С. 269–317.
30. Appian. Civil wars: book I / Ed. by J. L. Strachan-Davidson. Oxford: Clarendon Press, 1902. 184 p.
31. Appian's von Alexandrien Römische Geschichten, übersetzt von Ferdinand L.I. Dillenius. Erste Abtheilung. Bd. 1. Stuttgart, 1850. 690 S.
32. Bailleu P. Quomodo Appianus in bellorum civilium libris II–V usus sit Asinii Pollionis historiis. Dissertatio inauguralis. Gottinga: Typis expressit officina Hoferiana, 1874. 60 p.
33. Barth C. von. Amphitheatrum Sapientiae, quae ex libris hauriri potest: cuius decem libri puris cholambis scripti nunc primum prodeunt. Hanau: Bermann, 1613. 188 p.
34. Bringmann K. Krise und Ende der römischen Republik (133–42 v. Chr.). Berlin: Akademie Verlag, 2003. 236 S.
35. Brodersen K. Appian und sein Werk // Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt. T. II. Bd. 34, 1. Berlin; New York: de Gruyter, 1993. S. 341–361.
36. Bucher G. S. The Origins, Program, and Composition of Appian's Roman History // Transactions of the American Philological Association. 2000. Vol. 130. P. 411–458.
37. Busolt G. Quellenkritische Beiträge zur Geschichte der römischen Revolutionszeit // Jahrbücher für classische Philologie. 1890. Vol. 141. S. 321–349.

38. Cobet C. G. *Ad Appianum de Bellis civilibus // Mnemosyne. Nova series.* 1882. Vol. X. P. 211–238.
39. Dominicus A. N. G. *De indole Appiani Alexandrini Graeci Romanarum rerum scriptoris. Confluentes,* 1844. 29 p.
40. Esspersen J. C. *De excerptis et fragmentis aliquot Appiani commentatio critica et historica, ad rationem, quae ei cum Dionysio Hallicarnassensi intercedit, explicandam praecipue accommodata.* Kjobenhavn: Trykt i det Schultzische Officin, 1851. 62 p.
41. Fabricius J. A. *Bibliotheca Graeca, sive notitia scriptorum veterum graecorum.* Editio tertia. Hamurg: C. Liebezeit, 1711. 940 p.
42. Famerie É. *Le latin et le grec d'Appien: contribution a l'étude du lexique d'un historien grec de Rome. (Hautes études du monde greco-romain. Vol. 24.)* Paris: librairie droz, 1998. 459 p.
43. Freinshemius J. T. *Livii Patavini libri, qui supersunt omnes cum integris Joannis Freinshemii supplementis. Vol. IX.* Biponti: Typographia Societatis, 1786. 467 p.
44. Gerlach F. D. *Verfassung der Römischen Republik von den Gracchen bis auf Julius Cäsar.* Basel: C. Schultze, 1874. 68 p.
45. Gowing A. M. *Appian and Cassius' Speech before Philippi ("Bella Civilia" 4.90–100) // Phoenix.* 1990. Vol. 44, 2. P. 158–181.
46. Hannak E. *Appianus und seine Quellen. Allgemeines über Appianus und sein Werk. Die fragmentarisch überlieferten Bücher.* Wien: Beck, 1869. 202 S.
47. Hahn I. *Appian und Rom // Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. T. II. Bd. 34, 1.* Berlin; New York, 1993. S. 365–400.
48. Hinz C. H. *Zur Beurteilung Appians und Plutarchs in der Darstellung der Ereignisse von der Ermordung Casars bis zum Tode M. Brutus.* Jena: Frommann, 1891. 81 S.

49. Hose M. Erneuerung der Vergangenheit. Die Historiker im Imperium Romanum von Florus bis Cassius Dio. Stuttgart und Leipzig: Teubner, 1994. 522 S.
50. Katz B. R. First fruits of Sulla's march // *L'Antiquité Classique*. 1975. T. 44. Fasc. 1. P. 100–125.
51. Keppie L. J. F. Colonisation and veteran settlement in Italy, 47–14 B.C. Rome: British School at Rome, 1983. 248 pp.
52. Kramer G. *Theologumena Appiani. Dissertatio inauguralis philologica*. Vratislavia: Typis G. Hoveri, 1889. 45 p.
53. Kratt G. *De Appiani elocutione*. Baden-Baden: Verlag der E. Sommermeyerschen Buchhandlung, 1886. 42 p.
54. Latte K. *Römische Religionsgeschichte*. München: C. H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1960. 467 S.
55. Loesch K. Sprachliche und erläuternde Bemerkungen zu Appian. Nurnberg: J. L. Stich, 1892. 23 S.
56. Malitz J. Die Kanzelei Caesars — Herrschaftsorganization zwischen Republik und Prinzipat // *Historia. Zeitschrift für Alte Geschichte*. 1987. Bd. 36. S. 51–72.
57. Magnino D. Le 'Guerre Civili' di Appiano // *Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt*. T. II. Bd. 34, 1. Berlin; New York: de Gruyter, 1993. P. 523–554.
58. Muhll F. V. *De L. Apuleio Saturnino tribuno plebis*. Basileae: M. Werner-Riehm, 1906. 121 p.
59. Münzer F. Livius 18 // *RE*. Bd. XIII, 1. Stuttgart, 1926. S. 859–881.
60. Pelling C. B. R. Plutarch's Method of Work in the Roman Lives // *The Journal of Hellenic Studies*. 1979. Vol. 99. P. 74–96.
61. Pitcher L. Appian // *Characterization in Ancient Greek Literature. Studies in Ancient Greek Narrative*. Vol. 4. Leiden: Brill, 2018. P. 207–220.

62. Rosenblitt J. A. *Rome after Sulla*. London: Bloomsbury Publishing, 2019. 220 p.
63. Scaliger J. *Animadversiones in chronologica Eusebii*. Editio tertia. Lugdunum: Basson, 1606. 292 p.
64. Schwarz E. *Appianus 2 // RE*. Band II, 1. Stuttgart, 1895. S. 217–218.
65. Schweighaeuser J. *Exercitationes in Appiani Alexandrini Romanas Historias*. Argentoratum: J. H. Heitz, 1781. 98 p.
66. Schlosser F. *Bemerkungen über das kritische Studium der Geschichte und Erleichterung desselben durch Uebersetzungen der alten griechischen Schriftsteller, erläutert durch einen Ueberblick über die historische Litteratur der Griechen nach Isokrates Zeit // Cassius Dio Geschichte der Römer, übrzt. von Friedrich Lorenz*. Jena: August Schmid, 1826. S. I–LI.
67. Schnegg K. *Geschlechervorsstellungen und soziale Diffirenzierung bei Appian aus Alexandrien*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2010. 181 p.
68. Schneider H. C. *Das Problem der Veteranenversorgung in der späteren römischen Republik*. Bonn: Habelt, 1977. 307 S.
69. Schneider H. *Die Entstehung der römischen Militärdiktatur Krise und Niedergang einer antiken Republik*. Stuttgart: J. B. Metzler Verlag, 2017. 313 S.
70. Schneiderhan V. *Die Politik des Caius Julius Caesar in seinem ersten Konsulat*. Rottweil: Druck von M. Rotschild, 1839. 72 S.
71. Schur W. *Das Zeitalter des Marius und Sulla*. Leipzig: Dieterich'sche Verlagsbuchhandlung, 1942. 249 S.
72. Schultz C. L. F. *Grundlegung zu einer geschichtlichen Staatswissenschaft der Römer*. Köln am Rhein: Bachem, 1833. 659 S.
73. Steide W. *Beobachtungen zu Appians 'EMΦΥΛΙΑ'* // *Hermes*. 1983. Bd. 111. H. 4. S. 402–430.
74. Stern E. von. *Zur Beurteilung der Politischen Wirksamkeit des Tiberius und Gaius Gracchus*. // *Hermes*. 1921. Bd. 56. H. 3. S. 229–301.

75. Thein A. Sulla's Veteran Settlement Policy // Daubner F. (Hg.) *Militärsiedlungen und Territorialherrschaft in der Antike*. Berlin: De Gruyter, 2011. S. 79–100.
76. Ulrici H. von. *Charakteristik der antiken Historiographie*. Berlin: G. Reimer, 1833. 385 S.
77. Vockerstaert H. M. De L. Cornelio Sulla legislatore. Lugduni Batavorum: Haak et socios, 1816. 211 p.
78. Vossius G. I. *De historicis graecis libri quattuor*. Lugdunum batavorum: J. Maire, 1624. 549 p.
79. Welch K. *Appian and Civil War: a History without an Ending* // Lange C. H., Vervaet F. J. (eds.). *The Historiography of Late Republican Civil War*. Leiden, Boston: Brill, 2019. P. 439–466.
80. Westall R., Brenk F. *The Second and Third Century // Political Autobiographies and Memoirs in Antiquity* / Ed. by G. Marasco. Leiden; Boston: Brill, 2011. P. 363–416.
81. Wijne I. A. *De fide et auctoritate Appiani in bellis romanorum civilibus enarrandis exploratis fontibus, quibus usus esse videtur*. Groningae: K. de Waard, 1855. 129 p.
82. Wissowa G. *Religion und Kultus der Römer*. München: Beck, 1902. 550 S.
83. Wittich A. *De Reipublicae ea forma, qua L. Cornelius Sulla Dictator totam rem Romanam ordinibus, magistratibus, comitiis commutavit*. Lipsiae: Lehnhold, 1834. 228 p.
84. Wolf M. *Appian, the Rise of Rome, and Monarchy: An Analysis of the Romaika through the Portrayal of Africanus and Aemilianus*. Williamstown, 2004. 115 p.
85. Zacharia K. S. *Lucius Cornelius Sulla, genannt der Gluckliche, als Ordner des römischen Freystaates*. Erste Abt. Heidelberg: A. Osswald, 1834. 395 S.
86. Zerdik A. *Quaestiones Appianae. Dissertatio inauguralis*. Kiliae: H. Fiencke, 1886. 82 S.